

СРЕДНЕВЕКОВАЯ РУСЬ

Историческое наследие Старой Ладоги

Старая Ладога — небольшое село Волховского р-на Ленинградской обл. — расположена в 12 км от устья р. Волхов. В нем сконцентрировано необычайное множество памятников истории и культуры России. Очень плодотворными оказались полевые изыскания в Старой Ладоге. Их проводили начиная с 1708 г. В этом месте работали крупные ученые — Н. Е. Бранденбург, Н. И. Репников, В. И. Равдоникас, О. И. Давидан, — труды которых облегчили продолжение археологических изысканий, начатых в 1972 г. Староладожской экспедицией ИИМК РАН под руководством автора.

За время своей работы Староладожская экспедиция ИИМК РАН¹ добилась важных открытий и выдвинула ряд новых научных оценок, связанных с изучением ладожских и — шире — древнерусских и скандинавофинских древностей. Экспедиция не ограничивалась рамками чисто академических заданий. По ее инициативе (совместно с Ленинградским областным отделением ВООПИК) после почти десятилетних усилий в 1984 г. был создан Староладожский археоло-

гический и историко-архитектурный музей-заповедник. Это предотвратило разрушение ряда исторических объектов, включая и культурный слой древнего города. Под застройкой XIX—начала XX в., с культурным слоем эпохи Средневековья. Ныне музей имеет статус федерального и сохраняет более чем 160 памятников археологии, истории, архитектуры и искусства. Здесь сохранились древняя поселенческая планировка, восходящая к X—XII вв., и исторический природный ландшафт. Наличие культурного слоя с хорошо сохранившимися остатками построек и разноэтничными по происхождению находками VIII—XVII вв. ставит Ладогу на одно из первых мест среди средневековых восточноевропейских городов.

Этому городу, особенно в первые века его развития, принадлежит основополагающая роль в создании русской государственности, в налаживании торговых, транспортных, межэтнических связей народов Европы и Азии, в защите северных границ Руси. Ладога за восемь веков до основания Санкт-Петербурга — первое «окно в Европу» славян-русских, ключевой город-порт на вели-

ких трансконтинентальных евразийских торговых путях, Балто-Волжском и Балто-Днепровском. В создании Ладоги воплотилась «балтийская идея» славян получить выход к Балтийскому морю, к свободным связям с Западной Европой, Скандинавией, западнославянским Поморьем. В соответствии с местоположением, структурой и устройством Ладоги ее экономика была ориентирована на внешние связи, транспортировку грузов, посредническую и местную торговлю, выработку находивших сбыт ювелирных и некоторых бытовых вещей. В первые века русской истории Ладога преобразующим образом повлияла на процессы экономической и культурной интеграции народов Евразии, на развитие мировой торговли и судоходства. Обмен товарами, техническими и другими достижениями поднялся до мировой необходимости, что оказало стимулирующее влияние на развитие всей европейской цивилизации (Кирпичников, 2003).

К сегодняшнему дню изучены строительные горизонты поселения VIII—X вв., при этом впервые выяснено время основания Ладоги — не позже 753 г. Эта рекордная по давности для древнерусских городов дата создания установлена в результате дендрохронологического анализа

Старая Ладога. Церковь Георгия Победоносца (XII в.) и остатки стен Раскатной башни кремля (XVI в.).

спилов дерева постройки, обнаруженной археологическим путем². Ни один город России и Балтийской Европы не имеет столь точной и определенной по своей давности даты возникновения. Не исключаем, что она может еще более удревниться. При раскопках и отдельно в этом поселении встречаются предметы VI–VIII вв., что, конечно, не случайно и указывает на существование здесь поселенческой жизни до 753 г.

В создании Ладоги сыграли свою роль разнообразные факторы, такие как торговая необходимость (не позже второй половины VIII в. активизируется торговля по Великому Волжскому пути), ремесленная деятельность, укоренение сначала местного, а затем международного рынков, выгодное транспортно-географическое местоположение (Носов, 2000). Основателями города в низовьях Волхова, по-видимому, явились славяне, включая такие их племенные образования, как кривичи и словене новгородские. Это подтверждается обильными этноопределяющими находками керамики, свинцово-оловянными украшениями, височными кольцами со спиральным завитком. Не исключено, что среди первых поселенцев могли быть представители скандинавов и финнов.

В переломный период создания европейских государств и городов Ладога оказалась своеобразным «серебряным банком» Европы. Через нее на Запад поступала основная масса международной в тот период валюты, какой были серебряные исламские монеты-дирхемы. Это способствовало невиданному обогащению целых стран и народов Старого Света, ускорившему развитие экономики, культуры и техники. Характерно, что в Ладоге и ее округе обнаружено 6 кладов куваческих монет, и среди них — древнейший в Восточной Европе, датированный 786 г. Монетная влияние Ладоги в эпоху раннего Средневековья рекордна. Достаточно сказать, что в течение X в. из Средней Азии в Северную Европу, главным образом через Ла-

догу, было вывезено, по подсчету нумизмата Т. Нунена, 125 000 000 серебряных дирхемов.

Имеются исторические основания считать Ладогу во второй половине VIII–первой половине IX в. одним из центров, если не главным, союза славянских и финских племен — предшественника раннего Русского государства. Возможно, что еще до 839 г. Ладога была центром русского каганата — раннегосударственного образования в северной части Восточной Европы. В тот период Ладожская Русь наряду с Хазарией выдвинулась как торговый лидер евразийских экономических связей по Великому Волжскому пути (Кирпичников, 2002).

Именно Ладога — а к тому времени она существовала уже не менее 100 лет — стала резиденцией правителя, стольным княжеским городом, т. е. столицей складывающейся в Восточной Европе державы Рюриковичей (Ипатьевская летопись под 862 г.). В дальнейшем столица была перенесена в зону Новгорода, затем в Киев. В этом ряду Ладога, следовательно, оказалась первой. Начался новый период русской истории, ознаменованный сложением крупнейшей в Европе многонациональной державы со столицами первоначально в Ладоге, а затем в поселении-предшественнике Новгорода (Рюриково городище), потом в Киеве. Таким образом, в Ладоге началось успешное строительство нового русского государства, вскоре ставшего крупнейшей и могущественнейшей империей в Европе.

Новые исследования Староладожского земляного городища дали новое представление о принципах строительства города в низовьях Волхова, сочетавших в себе технические традиции, выработанные в лесной зоне Восточной Европы и Скандинавии. Обнаружено около ста остатков жилых, производственных и хозяйственных построек, что позволило говорить о возведении жителями Ладоги изб, домов-пятистенков, особых «общественных» (возможно «гостевых»

или культовых) и других сооружений. Дома разных типов — срубные и каркасно-столбовые — появились в Ладоге одновременно. Если избы по своему происхождению указывают на лесную полосу Восточной Европы, то дома-пятистенки с очагом в центре отапливаемого покоя (сохранившиеся в русской этнографии вплоть до сегодняшнего дня) пока не имеют точного адреса возникновения, и их строили хуторяне Скандинавии, но раньше всех они зафиксированы именно в Ладоге, где преобладали в VIII–IX вв. Больше можно сказать о технике домостроительства: срубная типична для славян, каркасно-столбовая характерна для Северной Европы. В Ладоге наблюдается их смешанное использование.

В остатках ладожских домов VIII–X вв. наряду с многочисленными бытовыми изделиями нередко встречаются куски янтаря, не до конца обработанные бусы, капли стекла, заготовки латуни, тигли, льячки, формочки, пиленая кость, некоторые ремесленные инструменты. Очевидно, что в этих постройках не только жили, но и работали ремесленники-универсалы, изготовлявшие янтарные, стеклянные, бронзовые или латунные, костяные вещи. Вся эта продукция предназначалась на продажу и обмен на местном и внегородском рынках.

Особое значение имеет находка древнейшей в раннесредневековой Европе ювелирно-слесарной и литейной мастерской 750-х гг. с набором 28 инструментов, открытой сотрудником экспедиции, д. и. н. Е. А. Рябининым. В ходе раскопок 1997 г. экспедиция впервые обнаружила остатки бронзолитейной мастерской второй половины IX в. с украшениями скандинавского облика, относящимися к женскому и мужскому костюму.

Среди этих находок следует отметить ряд уникальных. Например, овальновыпуклая фибула из латуни, сохранившаяся фрагментарно (длинной 5,8 см). Пати́на не отмечается. Со стороны недостающей части ви-

Рис. 1. Старая Ладога. Фрагмент фибулы. Латунь, вторая половина IX в. Длина 5,8 см.

Рис. 2. Старая Ладога. Равноплечная фибула типа «Вальста». Латунь, вторая половина IX в. Длина 5,5 см.

ден отлом древнего происхождения. Первоначальные подлинные размеры можно установить: длина 9–9,5 см, ширина около 5 см, высота 2,3 см. С внутренней стороны сохранилось не сдвоенное, а одиночное ушко иглодержателя, что, по мнению И. Янссона, характерно для фибул вендельской эпохи³. Внешний вид находки не оставляет сомнений в том, что перед нами неудавшаяся отливка, производившаяся в разъемной глиняной форме (рис. 1). Металл по толщине распределен неравномерно, местами очень тонок, имеет изначальные отверстия и раковины. Корпус фибулы деформирован, а сам металл местами имеет губчатую структуру. Налицо явный производственный брак. Естественно поэтому, что изделие оказалось негодным к употреблению, его оставили, очевидно, как материал для будущих отливок.

Лицевую сторону вещи украшает местами нечетко сохранившийся рельефный орнамент. Поверхность узора поделена на четыре зоны крестообразно расположенными полоса-

ми с «жемчужными» выпуклостями. В центре сходящихся полос — круг, а на их оконечностях попарно — полукруги и волюты, разделенные своеобразными трилистниками. Четыре упомянутые выше зоны (полностью сохранились две) занимают композиции разного рисунка в виде извивающихся фантастических чудовищ. Видны морды и лапы. Туловища представлены перевитыми лентами, но прослеживаются с трудом, т. к. осложнены дополнительными плетениями, не связанными с фигурой зверя.

Среди 4000 овальновыпуклых фибул, найденных в Скандинавии, и примерно 200, обнаруженных на территории Древней Руси, староладожская уникальна по своему орнаменту. Она имеет неполное сходство с единственными в своем роде двумя фибулами (тип «Vj 655»), оказавшимися в одном из погребений Бирки (Arbman, 1943, S. 229–230, Taf. 58, 3–6). Эти изделия также имеют четырехконечные разделители с кругом, волютами и полукругами, но их разграниченные композиции со звериными моти-

вами отличаются от староладожских (Jansson, 1985, p. 19–22, fig. 5, a, b, c). По мнению И. Янссона, упомянутое погребение относится к переходному периоду — к концу вендельского периода и ранней эпохе викингов, точнее, к середине и второй половине VIII в.⁴

Экземпляры из Бирки, так же как и из Старой Ладоги, украшены в двух различных стилях: геометрическом с крестообразными рамочными разделителями и участками со звериным орнаментом. По мнению Х. Арбмана и поддержавшего его И. Янссона, геометрические мотивы фибул восходят к кельтизированному англосаксонскому искусству, а звериные сюжеты — к позднемеровингскому франкскому (Arbman, 1937, S. 124, Taf. 39, 5–6; Jansson, 1985, p. 20). Столь разностильные эксперименты, как полагают, были связаны с влиянием на континент художественного творчества мастеров Британских островов и Ирландии, стимулированным растущей миссионерской деятельностью на континенте христиан-

Рис. 3. Старая Ладога. Заготовка браслета. Латунь, вторая половина IX в. Длина 5,4 см.

ских проповедников. В этом отношении характерно появление в отделке фибул и других изделий четырехконечных разделителей орнаментального поля, в которых усматривают изображение креста. Что касается звериного орнамента, то в сложении его вариантов участвовали мастера ряда европейских стран, не исключая и Скандинавии. По-видимому, определяющей была здесь художественная деятельность континентальных ювелиров. Медиевисты настойчиво пытаются решить этот сложный вопрос, анализируя произведения ювелирного мастерства VIII–IX вв., обнаруженные в Германии, Дании, Англии, Швеции (включая Готланд), Норвегии, Австрии (Haseloff, 1978, S. 525–541; Karlson, 1983, p. 149–151, ср. p. 104–105, fig. 52–55, 150; Wamers, 1999, S. 197–218).

Рассматриваемая старолadoжская фибула входит в ряд неординарных ювелирных произведений раннесредневековой Европы. Она свидетельст-

вует о попытке местного производства вещи по, очевидно, привозному высококачественному образцу. Будучи созданием орнаментального творчества, эта вещь отражает формирование искусства раннего периода викингов, в котором нашли воплощение контрастные художественные комбинации стилей островных и континентальных регионов Европы.

Другая весьма редкая находка, сделанная в этом комплексе, — равноплечная фибула из латуни типа «Вальста» (рис. 2). Ее длина 5,5 см, ширина 2,5 см, высота 1,1 см. Полностью сохранилась, не имеет патины. Плечи фибулы ромбовидны, по бокам увенчаны двурогими ответвлениями. Контур ромбов подчеркнуты рифлеными полосками. На внешних углах ромбов и в их центре — выпуклости, одна из них отдаленно напоминает человеческую маску. Центральная часть вещи имеет отделку в виде филенки с продольным ребром. В целом декор фибулы четкий, под-

черкнуто геометричный. На оборотной стороне имеется приемник для иглы и иглодержатель, состоящий из одиночного ушка с отверстием, что, по наблюдению И. Янссона, характерно для фибул вендельского времени. Вещь кажется не бывшей в употреблении, каких-либо следов изношенности не имеет.

Фибулы типа «Вальста» обнаружены в Швеции (6 экз.), Норвегии (1 экз.), Финляндии (1 экз.), Эстонии (1 экз.). В России их две: одна найдена в районе истока р. Волхов (Амброзиани и др., 1994, с. 111–112; Ambrosiani, Erikson, 1996, S. 28.), вторая, описываемая, — в Старой Ладоге. Суммарно эти изделия датируются второй половиной VIII–второй половиной IX в. (Амброзиани и др., 1994, с. 113–114)⁵.

Экземпляр из Старой Ладogi по своим украшениям относится к популярному варианту с выраженным геометрическим орнаментом. Звериные мотивы здесь отсутствуют. Звериные

Рис. 4. Старая Ладога. Роговый составной гребень. X в. Длина 17,8 см.

или человеческие маски трансформировались в обычные выпуклости. Именно такая разновидность ближе всего соответствует параллелям, обнаруженным на пространстве между устьем р. Рейн на севере и р. Сена на юге. Показательно, что в этом районе встречены формы VI–VII вв. — прямые предшественники образцов типа «Вальста». Они представляют собой трехчастные застёжки с простым геометрическим орнаментом (Нонген, 1993, р. 50, pl. 25, 1–3). По справедливому мнению исследователей первой древнерусской находки типа «Вальста», эти прототипы «иллюстрируют сильные культурные влияния, которые достигли Скандинавии на раннем этапе периода викингов со стороны Франкской империи через торговые пункты в устье Рейна» (Амброзиани и др., 1994, с. 116).

Установленным центром производства (правда, не единственным) фибул типа «Вальста» признаны Бирка и Хедебю, где найдены и формы, и сами отливки этих вещей. Это обстоятельство указывает на «датский или шведский путь» проникновения данных женских украшений на Русь. Что касается старолadoжской фибулы, то, с учетом ее «нового» облика и местонахождения среди других литых изделий производственного комплекса, думаем, что она произведена

в Ладоге, может быть, по скандинавской модели высококвалифицированным мастером.

А. Н. Егорьковым в лаборатории ИИМК РАН был проведен количественный спектральный анализ двух описанных выше находок, показавший, что они отлиты из латуни. В составе проанализированного металла показательно содержание цинка. Считается, что если его примесь достигает 25–30%, то в производстве использовался металл, не подвергавшийся многократным переплавкам (Ениосова, 1999, с. 7). Иными словами, вещь создавалась из нового сырья. К такому разряду можно отнести фибулу типа «Вj 655». При неоднократных плавках примесь цинка улетучивалась. Содержание цинка в изделиях, равное, как установила Н. Е. Ениосова, от 1 до 15%, означало, что для их плавки брали вышедшие из употребления вещи или разбавляли металл чистой медью, свинцом, бронзой или латунью (Там же). Именно на территории Руси выявлены образцы литья с низким и средним содержанием цинка. К такого рода произведениям можно отнести и фибулу типа «Вальста». В целом анализ старолadoжских украшений показал, что они отливались из металла разного происхождения, и, вероятно, это происходило не одновременно.

Что касается источника происхождения латуней, то в Ладогу и на северо-запад Руси они, скорее всего, попадали из стран региона Прибалтики, где традиция их употребления возникла уже в первые века н. э. (Там же, с. 8). Настойчивое стремление ювелиров производить украшения из латуни объяснялось цветовым воздействием металла, имитирующего золото. Подобные имитации используют в ювелирии и в наши дни, сплав меди и цинка характерного желтого цвета получил наименование томпак.

Также впервые в слое второй половины IX в. выявлены жилые и производственные, стандартные по ширине парцеллы, что позволило поновому представить начало регулярно спланированной застройки европейских городов (Кирпичников, Назаренко, 1992, с. 141).

В VIII–XI вв. горожане Ладоги представляли собой сословие самодостаточных, свободных, социально равных людей, что, конечно, не исключало существования элит, зависимых членов городской общины и невольников. В Ладоге отсутствовали характерные, например, для Новгорода усадьбы знати. Городские сословия, похоже, образовывали своеобразный «вольный» город. Судя по корабельным заклепкам и их заготовкам, деталям ладей, в городе в низо-

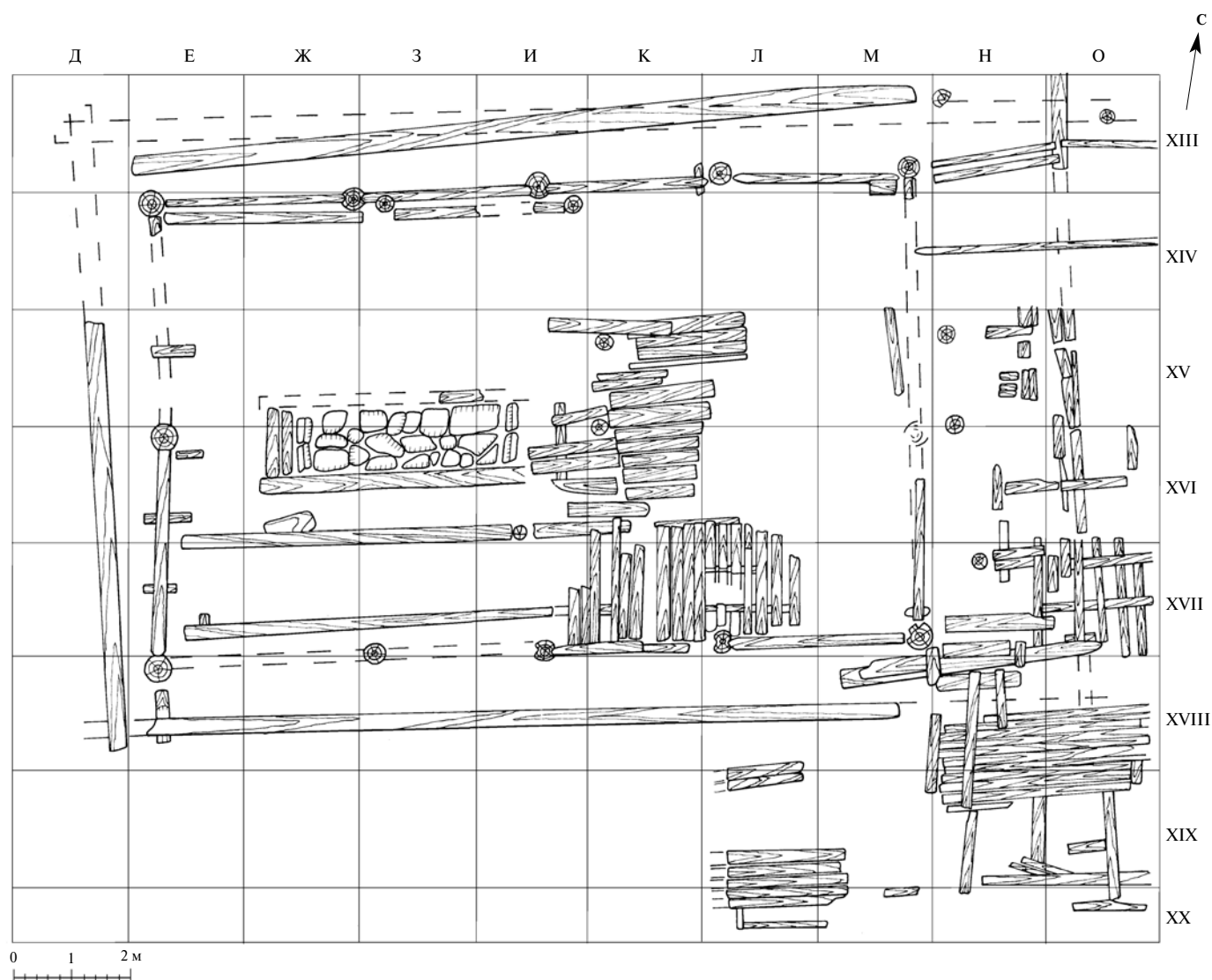

Рис. 5. Старая Ладога. Части Большого дома 920-х годов (по раскопкам 2002 и 2007 гг.).

вях р. Волхов было налажено строительство судов и их ремонт. Ладожские ремесленники были одновременно мореплавателями и торговцами. При этом можно допустить существование обычных для той эпохи купеческих объединений, состоящих как из своих, так и пришлых людей.

Показателем интенсивности поступления новых сведений с раскопок в Старой Ладоге является полевой сезон 2002 г. В напластованиях 920–940-х гг. был обнаружен ряд примечательных находок, включая остатки редкого по архитектуре большого дома (рис. 5–7). Удалось выявить значительную часть этого

сооружения (другие части оказались за пределами раскопа). Постройка в плане имела прямоугольную форму и была ориентирована длинной осью с запада на восток. Ее заполнение — черный гумус с примесью угля — отличалось от окружающего культурного слоя. Весьма необычна планировка дома, имевшего двухчастную структуру и состоявшего из центрального помещения и располагавшейся по его периметру галереи. Центральная основная часть дома имела стены каркасно-столбовой конструкции: они, судя по нижнему ряду, были набраны из горизонтально положенных бревен диаметром 20–22 см, впущенных в

мощные опорные столбы диаметром 45–50 см (выявлено три таких столба в юго-западной части дома). Расстояние между столбами составляло 3,5–4 м. В центре помещения располагался открытый очаг прямоугольной формы размером 1,2 × 3,6 м, сложенный из крупных известняковых плит на глиняном растворе. Вокруг отопительного устройства обнаружены корабельные доски с нагельными отверстиями. На расстоянии 0,8–1 м от центрального помещения с западной и южной сторон открыты бревна наружной галереи. Длина расчищенных бревен достигала 7 м, в северной и восточной частях раскопа они про-

Рис. 6. Старая Ладога. Раскоп с фундаментом Большого дома 920-х годов.

должались за его пределы. Их диаметр достигал 30–40 см. Местами они обгорели и, вероятно, были несколько сдвинуты со своего первоначального места. Они соединялись, по-видимому, рубкой «в обло».

Таким образом, особенность описанного двучастного сооружения заключалась в комбинации в составе одного комплекса каркасно-столбовой и срубной домостроительной тех-

ники. Такое сочетание для археологически выявленных построек Старой Ладоги зафиксировано впервые. С некоторой долей осторожности первую можно сопоставить со скандинавской, вторую — со славянской традицией.

Полученные результаты, с учетом определенной симметрии в плане постройки, позволяют без риска серьезной ошибки представить ее общие

размеры: центральное отапливаемое помещение занимало площадь не менее 10,5 × 8,3 м, а дополненное галереями — примерно 10 × 17 м (рис. 5).

В заполнении большого дома, состоящего из черной земли, обнаружено около 140 различных изделий. В их числе зеленый, желтый, синий, светло-прозрачный бисер (67 экз.), золото- и серебростеклянные пронизки (7 экз.), разноцветные бусы из стекла (10 экз.), сердолика (5 экз.), горного хрусталя (4 экз.), фрагменты цветного стекла (2 экз.), янтарная подвеска, обломки янтаря (11 экз.), колечко желтого металла, возможно, от булавки-бусодержателя; ряд железных предметов, включая ножи (2 экз.), заклепки от ладей (2 экз.); фрагмент костяного наборного гребня, костяные лощила (2 экз.), костяные наверхия (2 экз.); фрагменты оселков (2 экз.); пряслице из сланца; фрагменты тигля (2 экз.); немногочисленные обломки глиняных лепных и раннегончарных сосудов, включая серо- и краснолощенные; фрагмент красноглиняной амфоры. С западной стороны дома обнаружено скопление бисера зеленого цвета (2156 экз.). По-видимому, речь идет о партии единовременно изготовленных бус, припрятанных возле дома, но так и невошедших в обиход.

Дома с галереями, которые окружали основной покой и служили для прохода, хранения вещей, теплоизоляции, в раскопках Старой Ладоги встречались неоднократно, однако постройка, описанная выше, по своей вместимости и некоторым деталям необычна. Только в 1973 и 1981 гг. Е. А. Рябинин открыл подобную по размерам и планировке постройку, датированную 894–920 гг. (Рябинин, 2002, с. 15 сл.). Ее общие размеры почти точно совпали с размерами нашего дома. Оба сооружения были одноэтажными (Кирпичников, Сарабянов, 2003, с. 92, прим. 20). Мощные столбы, поддерживавшие крышу дома, свидетельствуют в пользу немалой высоты его стен, перекрытых, вероятно, задренованной кровлей. При такой конструкции отапливаемое

мая камера представляла своеобразный высокий зал, а дым очага, если и скапливался под кровлей, то не мешал его обитателям. Похоже, что ладожские «зальные» дома строились по одинаковым замыслам и были сходны по своей функции. Тайну назначения таких сооружений приоткрыл арабский путешественник Ибн-Фадлан. В 922 г. он видел аналогичные постройки на Средней Волге. Купцы-русы, пишет Ибн-Фадлан, «причаливают свои корабли на реке Итиль (Волге)... строят на ее берегу большие дома из дерева. И собирается их в одном таком доме десять или двадцать, когда больше, когда меньше. Там у каждого из них длинная скамья, на которой располагается он сам с девушками-красавицами для продажи» (Путешествие... 1939, с. 79).

Приведенные слова поразительно соответствуют облику ладожских домов с большим общим помещением, центральным очагом и пространством, достаточным для установки длинных скамьей. Названное арабским очевидцем число живущих в доме, несомненно, соответствует составу корабельной команды, занимавшейся торговлей на водных путях Восточной Европы. И в этом случае мы находим археологические подтверждения. О судовых и отчасти ремесленных занятиях жителей описанного ладожского дома свидетельствуют использованные в его строительстве корабельные доски, а также ладейные заклепки, обломки тиглей, янтаря, амфор. Женское присутствие выдают оброненные бусы, целая партия зеленого бисера, найденная у стены дома, предназначенная, очевидно, для продажи. Как пишет Ибн-Фадлан, именно зеленые бусы очень ценились на Востоке, и ими русы старались украшать своих жен.

Дома, сходные с ладожскими и описанные Ибн-Фадланом, могли строиться в торговых городах и местах, расположенных на великих речных путях Восточной Европы «из варяг в арабы» и «из варяг в греки». Они служили постоянными дворами

Рис. 7. Старая Ладога. Очаг Большого дома.

для купцов. В таких домах останавливались члены торговых судовых команд, прибывших для участия в ярмарках, пережидая зиму, ремонтируя корабли, запасаясь местными товарами, попутно занимаясь выработкой или отделкой украшений из янтаря, стекла, бронзы или латуни. Купеческий большой дом и найденные в нем вещи свидетельствуют о дальней торговле и международных свя-

зях средневековой Ладogi со странами Балтийского региона и Востока. Такие дома возводились самими судовыми командами, там, где они нуждались в остановках. Ладожские строения теперь в определенной мере позволяют представить их устройство и конструкцию, которые можно считать типовыми.

В том же раскопе, в верхнем слое, который скрывал части «большого до-

Рис. 8. Старая Ладога. Вставка-печатка от перстня с арабской надписью. Горный хрусталь, X в. Размер 1,7 × 1,2 см.

ма», была обнаружена вставка-печатка из горного хрусталя от перстня с надписью на арабском языке (рис. 8). На прозрачном камне перстня в зеркальном отражении (intaglio) вырезана арабская надпись в две строки по два слова в каждой. Надпись любезно расшифровал и перевел заведующий сектором Ближнего Востока Санкт-Петербургского филиала Института востоковедения РАН В. В. Полосин. Он сообщил, что упрощенная транскрипция надписи может быть передана как «*Ma taufigi illa bi-l-lahi*». Это первая часть фразы суры II стиха 90 из Корана, которая может быть переведена следующим образом: «Нет помощи мне, кроме как в уповании на Аллаха». Целиком эта фраза в переводе академика И. Ю. Крачковского гласит: «Помощь моя только у Аллаха, на него я положился и к нему обращаюсь». Надпись выполнена разновидностью кувического шрифта красиво, профессионально, рукой опытного резчика и читается очень четко. Датировка по почерку затруднительна, поскольку достоверные синхронные аналогии надписи отсутствуют. Данные палеографии

не противоречат датировке X в. Перстень, вероятно, принадлежал какому-то восточному путешественнику, вероятно купцу. Печатка предполагает присутствие грамотного человека, заботящегося о сохранности своего имущества. Славянин вряд ли мог использовать печатку далекого народа. Описанная вставка на территории Северо-Западной Руси обнаружена впервые. Сердоликовые вставки с арабскими надписями sporadически встречаются на территории Северо-Восточной Руси, в том числе дважды в курганах Тимерева у Ярославля. В переводе с арабского надписи читаются следующим образом: «Клянусь Аллахом», «Благодать от Аллаха», «Ибрагим ибн Али» (Ярославское Поволжье... 1963, с. 104; Седых, 2001, с. 181). В этом ряду изречение на вставке из Старой Ладоги самое пространное, можно сказать, развернутое.

В состав находок 2002 г. входит форма-изложница в виде бруска из слюдяного сланца. На трех продольных гранях бруска проделаны канавки для отливки стержневидных предметов трех размеров: длиной от 7 до

7,5 см; шириной от 0,5 до 1 см. По подсчетам Н. В. Енисовой, отлитые в такой форме болванки из латуни имели вес 24, 32 и 40 г, а из серебра — соответственно 30, 40, и 50 г.

В раскопках 2002 г. во всех исследованных горизонтах обнаружены три концевых обломка глиняных изложниц для отливки стержневидных предметов. Подобные формы нередко оказываются поврежденными или расколотыми, что, скорее всего, объясняется необходимостью беспрепятственно извлечь из гнезда-канавки отливку.

Из Старой Ладоги происходят еще две каменные и одна глиняная изложницы, а также семь стержневидных слитков из сплавов на основе меди, изготовленные в такого же рода формах. В 2004 г. в жилище-мастерской открыты два слитка из золотистой латуни. Все перечисленные находки относятся ко второй половине IX–X в. (Кирпичников, Енисова, 2004, с. 290–296).

На территории Руси раннесредневековые изложницы археологически редки. Они открыты на городищах Московской обл. и на Рюри-

Рис. 9. Старая Ладога. Вставки-печатки от перстней с арабской надписью. X в. Размеры 1,5 × 1,2 и 1,3 × 1,1 см.

ковом городище. Значительно чаще подобные образцы обнаруживают в Скандинавии, Северной Германии, Британии и Ирландии. Что касается ювелирных слитков, то они, по наблюдениям Н. В. Енисовой, найдены, кроме Старой Ладоги, в Тимерово, Гнёздово, на Рюриковом, Сарском и Супрутском городищах и практически на всех торгово-ремесленных поселениях эпохи викингов Балтийского региона. Бронзовые, латунные, реже серебряные слитки служили, прежде всего, заготовками для выработки разного рода украшений. Но этим их назначение не исчерпывалось, они выступали и как платежное средство. Ибн-Фадлан сообщает о том, что русы в торговых целях использовали не только дирхемы, но и платежные слитки «в виде стандартных брусков металла» (Путешествие... 1939, с. 79). В формах типа ладожской могли быть отлиты серии одинаковых или близких по весу болванок. Вес этих изделий зачастую колебался, иногда превышая 100 г. Отсутствие единых по весу и строго регламентированных по размеру слитков не должно смущать. Их прием

и оценка в торговых сделках осуществлялись не столько по размеру, сколько по весу, аналогично взвешиванию серебряных дирхемов. Карты распространения тех и других от Британии до Поволжья практически совпадают. Формы и слитки, характерные для торговых мест, свидетельствуют о развитии международного ремесла, наличии «бродячих» мастеров и «странствующих» купцов, осуществлявших производственные и товарно-денежные операции на просторах Северной и Восточной Европы, в особенности в странах, тяготевших к Балтийскому региону. Слитки и формы стали распространяться из стран Балтийской Европы, были восприняты в торговых центрах на водных путях на Восток. Нет неожиданного в том, что люди этих городов и поселений стали использовать слитки в собственных целях и в интересах дальнейшей торговли. Таков был своеобразный ответ Запада на экспансию куфического серебра Востока.

Во время раскопок обнаружены сотни предметов из глины, железа, бронзы, стекла, кости, янтаря, камня, дерева, кожи (рис. 4, 9–11). Среди

них выделяются уникальные образцы прикладного искусства. Ведется камеральное изучение отдельных категорий находок (бусы, керамика, деревянные изделия, оружие, принадлежности корабельного дела, украшения костюма). Археологами разработана шкала эволюции городской посуды. Проведена специальная работа по каталогизации найденных в разные годы в Старой Ладоге и ее окрестностях арабских и других монет. Восточное монетное серебро появилось в Ладоге не позднее 50–60-х гг. VIII в. Именно город в низовьях Волхова стал одним из первых центров русской равнины, где арабские дирхемы появились сразу же, как только началось их распространение в Восточной и Северной Европе.

В результате дифференциации находок по этнической принадлежности выделены серии скандинавских, славянских, финских и других по происхождению форм изделий. Особое внимание обращено на этноопределяющие элементы женского головного убора, что позволило опознать не только вещи кривичей, но и, возможно, словен. Все находки хранятся в

Рис. 10. Старая Ладога. Ожерелье из бус. Третья четверть X в.

Рис. 11. Старая Ладога. Золотой перстень. XI в., Византия (вверху); Золотой перстень. X в., Русь (внизу).

Рис. 12. Посещение Президентом России В. В. Путиным раскопок в Старой Ладогe 17 июля 2004 г.

Эрмитаже и Староладожском музее-заповеднике, они доступны осмотру и изучению.

В результате исследований выдвинуто положение о существовании особой Ладожской земли — предшественницы Новгородской. Ядром этой земли была городская волость, протянувшаяся примерно на 65 км

вдоль нижнего течения Волхова, включавшая многоярдные Гостинопольские и Пчевские пороги, обслуживавшие их укрепленные станции и приречные сельские поселения. На расстоянии дневного перехода (43—50 км) на востоке, юге и западе от Ладogi располагались укрепленные форпосты, прикрывавшие дальние

подступы к этому городу. Далее тянулись обширные земли, занятые финским и лопарским населением, находившимся по отношению к метрополии в даннической зависимости. Зона влияния Ладogi, не ограничиваясь Поволховьем, простиралась, по меньшей мере, до Онежского озера на востоке и Ижорского плато на западе. Под контролем Ладogi находились приладожская чудь, весь, ижора, а также лопь (Кирпичников, 1995, с. 28 сл.).

Ближайшие к Старой Ладогe городища у д. Новые Дубовики и в устье р. Любша по своей культуре, что закономерно, оказались синхронными Ладогe, которая была для них городом-метрополией. Экспедиция под руководством Е. А. Рябининой обнаружила на городище Любша едва ли не самую древнюю каменно-земляную крепость Руси, созданную, по-видимому, в IX в. Аналогичные сооружения, имевшие каменный панцирь, изнутри присыпанный землей, известны у западных славян.

Трудами сотрудника экспедиции В. П. Петренко в Старой Ладогe раскопано 12 сопок — высоких крутобоких могильных холмов (см. фотографию на обложке книги) — коллективных усыпальниц первых поколений горожан (Петренко, 1994). Многозначные результаты этого ныне опубликованного исследования позволили археологам предположить, что погребальные сооружения данного типа первоначально появились в Нижнем Поволховье, а затем распространились на значительные территории славянского заселения. Выраженное приречное расположение сопок может указывать на то, что они создавались людьми, связанными с речными плаваниями.

С момента своего основания Ладoga стала порубежной крепостью, защищавшей северные рубежи страны, включая Южное Приладожье, и свидетельством тому являются три последовательно сооружавшиеся в IX, XII и XVI вв. каменные крепости и одна дерево-земляная. По своему инженерному решению эти фортифика-

кации новаторские. Первые две — одни из наиболее ранних на Руси, выполненных в камне. Ныне трудами экспедиции в Старой Ладoge сформировался своеобразный музей фортификаций, каждая из которых являлась особым этапом в истории архитектурно-инженерного дела. Таковы башня и стены из плитняка конца IX—начала X в., претендующие быть первыми цельнокаменными укреплениями в пределах Древнерусского государства. Крепость 1113—1114 гг., местами сохранившаяся почти на полную высоту (не менее 8,5 м), предвосхитила распространение каменных твердынь на Руси, начавшееся в основном столетием позже, и вплоть до конца XV в. обеспечивала безопасность горожан и защиту северных рубежей страны. Отрезок стены с торговой и водонаборной аркой, а также часть стены на валу с напольной стороны крепости удалось оперативно законсервировать для музейного показа.

В XVI в. на месте крепости 1113—1114 гг. возводится новая, приспособленная к огнестрельному бою. В ее устройстве, как удалось установить, появились передовые черты итальянской оборонительной архитектуры эпохи Возрождения, выразившиеся, например, в практической равновеликости по высоте стен и башен. К каменной крепости с юга примыкает Земляное городище. Это сооружение, с помощью данных разрядных книг и натуральных исследований, было впервые опознано и датировано в качестве бастионной фортификации, введенной в 1584—1585 гг. (Кирпичников, 1984, с. 20 сл.).

С помощью раскопок, шурфовки и свидетельств письменных источников определено примерное распространение средневекового культурного слоя и выяснена площадь поселения, которая в VIII—X вв. достигла 12 га, а в XVI в. — 16—18 га. Усилиями разных ученых составлена карта не менее чем 160 памятников ладожской археологии, архитектуры и градостроительства. Выяснено, как складывалась территория города и окру-

жавших его могильников. В третьей четверти XII в. в Ладoge впервые, видимо, по единому замыслу были последовательно построены сразу шесть крестово-купольных четырехстолпных трехапсидных каменных храмов (что для тогдашних древнерусских городов было беспрецедентным), располагавшихся в определенной градообразующей системе. По своим типологическим и конструктивным признакам их считают нововведением в русской архитектуре сер. XII в. Возможно, что заказчиком большинства этих зданий были, помимо князей и духовных лиц, артели купцов, посадская элита, посадники (Кирпичников, Сарабьянов, 2003).

Вплоть до начала XVIII в. Ладoga являлась городом-портом, торговым, ремесленным, духовным центром и важной крепостью на северных рубежах страны. По своим функциям город в низовьях Волхова был самым первым, выдающимся предшественником Санкт-Петербурга.

В апреле 1997 г. правительство Ленинградской обл. провело в Старой Ладoge и в г. Волхов беспрецедентные в нашей культурной практике выездные парламентские слушания с участием депутатов Государственной Думы, членов правительства области, властей г. Волхов и Волховского р-на, ученых, сотрудников Староладожского музея-заповедника, посвященные культурному наследию этого древнего города. Тема историко-культурного наследия Старой Ладogi обсуждалась и на двух заседаниях Президиума Санкт-Петербургского научного центра РАН в 1998 г. Были приняты постановления, обращенные к Президенту и Правительству Российской Федерации о придании Староладожскому музею-заповеднику статуса особо ценного объекта культурного наследия народов РФ и о проведении в 2003 г. празднования 1250-летия Старой Ладogi — первой столицы Руси.

9 декабря 2002 г. Президентом РФ В. В. Путиным был подписан Указ «О праздновании 1250-летия основания с. Старая Ладoga Ленинградской

области». Дата основания города в низовьях р. Волхов, определенная археологами, впервые была признана в качестве общерусского государственного Юбилея. Беспрецедентным явилось посещение главой России Старой Ладogi 17 июля 2003 г. и 17 июля 2004 г. В последнем случае Староладожской экспедиции ИИМК РАН было доверено принимать В. В. Путина как своего гостя (рис. 12).

Здесь не могу не отметить, что в 2003—2004 гг. я имел честь дважды в Старой Ладoge и один раз в Москве беседовать с Президентом РФ о событиях русской истории и их общественном и научном значении. При этом были высказаны давно накопившиеся пожелания и предложения. В их числе проекты издания книг по культурному наследию, принятие законодательных мер по охране памятников истории и культуры, просьба о скорейшем принятии закона против грабительской деятельности т. н. «черных археологов». Речь также шла о налоговых льготах спонсорам, финансирующим проекты по развитию культуры, образования и науки; повышении статуса Староладожского музея-заповедника как особо ценного объекта культурного наследия народов Российской Федерации; о создании международной экспедицишколы на базе раскопок в Старой Ладoge; о проведении международной конференции «Военное дело России и ее соседей в прошлом, настоящем и будущем»; наконец, о квалифицированном написании учебников по истории с изложением положительного опыта прошлого⁶.

Столь долгожданное внимание Кремля к «священным камням» русской истории и к культуре побудило нас выступить с рассчитанными на перспективу специальными предложениями, посвященными сбережению и пропаганде староладожских исторических объектов. Будем надеяться, что в развитии села и Староладожского музея-заповедника наступает новый период, связанный с признанием и уважением прошлого вечной России.

¹ На раскопках Старой Ладogi сформировалось ядро молодых и опытных археологов. Назову В. П. Петренко, Е. А. Рябинина, Е. Н. Носова, В. А. Назаренко, О. И. Богуславского, В. И. Кильдюшевского, А. А. Пескову, А. И. Волковицкого, Г. С. Лебедева, О. А. Щеглову, П. Е. Сорокина, Я. В. Френкеля, Н. А. Ефимову, Т. Б. Шитову, А. А. Селина, С. Л. Кузьмина, Т. С. Бубенько. Деятельность экспедиции была бы невозможна без помощи студентов и преподавателей Ленинградского гос. областного университета им. А. С. Пушкина, Санкт-Петербургского ГУ, Казанского ГУ, Российского гос. ПУ им. А. А. Герцена, Санкт-Петербургского Суворовского военного училища МВД России и других вузов. Раскопкам помогали студенты и ученые из ряда зарубежных стран.

² Анализ выполнен Н. Б. Черных в Лаборатории дендрохронологии ИА РАН на материалах раскопок Е. А. Рябинина.

³ Иглодержатель имеет отверстие. Полагают, что подобные отверстия просверливались после отливки фибулы. Сам иглодержатель согнут. В таком положении прикрепленную к нему

железную спицу использовать было невозможно. Следовательно, фибулу нельзя было прикрепить к ткани, ее не носили. Возможно, неудавшуюся вещь как-то пытались приспособить для ношения, но оставили это намерение. Пользуясь случаем, выражаем благодарность Р. С. Минасяну и Е. А. Шаблавиной за консультации относительно отливки изучаемой вещи.

⁴ Благодарим И. Янссона, высказавшего свое мнение о публикуемых староладожских находках.

⁵ Несколько иные данные приводит Й. Кальмер. По его подсчетам, известно минимум 16 фибул этого типа, причем на территории России 2 экз. По его мнению, датировка этих изделий около 800 г. и первая половина IX в., редко позже (Callmer, 1999, S. 204).

⁶ В Москве в этом разговоре кроме историков А. Н. Сахарова, А. А. Чубарьяна и культуролога Б. М. Соловьева участвовал бывший советник Президента РФ по экономическим вопросам А. Н. Илларионов (он же инициатор данной и других встреч с Президентом, за что приношу ему глубокую благодарность).

БИБЛИОГРАФИЯ

- Амброзиани Б., Гайдуков П. Г., Носов Е. Н., Янссон И., 1994.* Первая находка скандинавской равноплечной фибулы типа Вальста на Руси // Археологические вести. СПб. 3.
- Ениосова Н. В., 1999.* Ювелирное производство Гнёздово (по материалам курганов и поселения). Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М.
- Ипатьевская летопись* под 862 г.
- Кирпичников А. Н., 1984.* Каменные крепости Новгородской земли. Л.
- Кирпичников А. Н., 1995.* Ладога VIII–X вв. и ее международные связи // Славяно-русские древности. СПб. Вып. 2.
- Кирпичников А. Н., 2002.* Великий Волжский путь и евразийские торговые связи в эпоху раннего средневековья // Ладога и ее соседи в эпоху раннего средневековья. СПб.
- Кирпичников А. Н., 2003.* Новые историко-археологические исследования Старой Ладogi // Ладога и истоки российской государственности и культуры. СПб.
- Кирпичников А. Н., Ениосова Н. В., 2004.* Литейные формы для производства слитков из Старой Ладogi // Восточная Европа в средневековье. М.
- Кирпичников А. Н., Назаренко В. А., 1992.* Археологические открытия в Старой Ладoge. Черты сходства средневековых городов региона Балтики // Археологические вести. СПб. Вып. 1.
- Кирпичников А. Н., Сарабьянов В. Д., 2003.* Старая Ладога. Древняя столица Руси. СПб.
- Носов Е. Н., 2000.* К вопросу о типологии городов Поволховья // Славяне, финно-угры, скандинавы, волжские булгары. СПб.
- Петренко В. П., 1994.* Погребальный обряд населения Северной Руси VIII–X вв. Сопки Северного Поволховья. СПб.
- Путешествие Ибн-Фадлана на Волгу.* Л., 1939.
- Рябинин Е. А., 2002.* Новые данные о «больших домах» Старой Ладogi // Старая Ладога и проблемы археологии Северной Руси. СПб.
- Седых В. Н., 2001.* Новые данные к истории Великого Волжского пути // Великий Волжский путь. Мат. круглого стола и междунар. семинара (Казань, 28–29 августа 2000 г.). Казань.
- Ярославское Поволжье X–XI вв.* М., 1963.
- Ambrosiani B., Erikson Bo. G., 1996.* Birka vikinga staden. Stockholm. Vol. 5.
- Arbman H., 1937.* Schweden und das Karolingische Reich. Stockholm.
- Arbman H., 1943.* Birka. Die Gräber. Text. Uppsala.
- Callmer J., 1999.* Vikingatidens likarmade spännen // Fynden i centrum. Uppåkraudier 2. Uppåkra.
- Haseloff G., 1978.* Angelsächsische Elemente in der spätsächsischen Kleinkunst // Sachsen und Angelsachsen. Hamburg.
- Hougen E. K., 1993.* Bosetniggsområdets Kerarrak Kaupangfunnene. Bd. III B // Norske Oldfunn XIV. Oslo.
- Jansson I., 1985.* Ovale spännbucklor. Uppsala.
- Karlson L., 1983.* Nordisk Form om djurornamentik // The Museum of National Antiquities, Stockholm. Studies 3. Stockholm.
- Wamers E., 1999.* Zwischen Salzburg und Oseberg. Zu Ursprung und Ikonographie des nordischen Greiftierstils // Völker an Nord- und Ostsee und die Franken. Bonn.

Новгородское городище — новые этапы исследований

Новгородское городище (или Рюриково городище, как его стали называть с начала XIX в. историки и краеведы) в отечественной историографии всегда выступало как выдающийся памятник истории России (рис. 1). Прежде всего оно известно как резиденция новгородских князей, с которой связаны многие имена политических деятелей Древней Руси, затем Руси Московской и целый ряд важнейших событий национальной истории. Уже больше двух столетий прошло с тех пор, как первые отечественные историки стали задумываться о соотношении Городища и собственно Новгорода в период начального формирования столицы Северной Руси. Неоднократно высказывались различные предположения и гипотезы, ибо сами топонимы «Городище» и «Новгород» сразу наталкивали исследователей на мысль о признании несомненной связи и одновременно противопоставлении этих мест в городской истории и топографии, как «города старого» и «города нового». Однако лаконичные свидетельства письменных источников и поздние легенды не могли дать однозначного ответа на вопрос, а как же все было на самом деле.

В 1901 г. на Городище были проведены первые археологические работы, имевшие целью, прежде всего, поиски вислых свинцовых печатей. Эпизодически исследования велись на поселении и в дальнейшем, но только в 1975 г. Новгородской областной экспедицией ЛОИА АН СССР (ныне ИИМК РАН) началось планомерное изучение памятника (Носов, 1990, с. 7–20). За прошедшие годы был накоплен огромный фактический материал о стратиграфии, планиграфии, хронологии и материальной культуре поселения (Носов, Горюнова, Плохов, 2005) (рис. 2). Сейчас стало общепризнанным рассматривать Городище как древнейший военно-административный и торгово-ремесленный центр в истоке Волхова, оценивать его как непосредственный предшественник Великого Новгорода, хотя не исключено, что оно само и являлось тем древнейшим Новым городом времен первых русских князей, упоминаемым на страницах летописей (Носов, 1995, с. 15–17).

По мере накопления данных о материальной культуре из древнейших слоев Рюрикова городища все более явственной становилось ее отличие от культуры, фиксируемой на

самых ранних из исследованных участков собственно Новгорода (Неревский и Троицкий раскопы), прежде всего, по числу находок общебалтийских и скандинавских типов (Носов, 1990, с. 147–169; Янссон, 1999, с. 18–38; Хвошинская, 1999, с. 39–50). Последние встречаются и на территории города, но в несопоставимо меньшем количестве, чем на Городище, хотя их число в результате новых раскопок медленно пополняется. Ни о какой «северной вуали» в культуре горожан говорить не приходится. Комментируя очевидные отличия Рюрикова городища и Новгорода в рассматриваемом отношении, следует учитывать два обстоятельства. Во-первых, отчасти эти различия связаны с хронологией. Если на Рюриковом городище зафиксированы слои второй половины IX–X в. и можно предполагать наличие более ранних, то на территории собственно Новгорода слои X в., когда скандинавское влияние на Руси наиболее ярко проявлялось в материальной культуре, представлены лишь на нескольких раскопах, причем относятся они преимущественно ко второй половине — концу X в. Во-вторых, в городе норманны, видимо, селились и останавливались не повсеместно, а в опреде-

Рис. 1. Вид на Новгородское городище с колокольни Юрьева монастыря (справа церковь Спаса Преображения на Нередице, XII в., слева развалины церкви Благовещения на Городище, XIV в.).

ленных кварталах и дворах, а поэтому в дальнейшем картина, наблюдаемая сейчас, может быть справедлива не для всех его частей (Носов, 1990, с. 163).

Однако, даже принимая эти оговорки, различия Рюрикова городища и Новгорода по числу скандинавских находок слишком велики (рис. 3–5). Они несомненно объясняются, в первую очередь, разным социально-экономическим характером поселений, сменивших друг друга. Если Рюриково городище — это торгово-ремесленный и военно-административный центр международного плана с многоэтничным населением, во многом связанный с дальней торговлей, то поселения вокруг христианского комплекса — Софийского храма и епископского двора — это уже кварталы столицы северной части Древнерусского государства, существовавшей

за счет эксплуатации земледельческого населения Приильменя. Если на Рюриковом городище скандинавы — княжеские дружинники, торговцы, ремесленники, частично жившие семьями, составляли значительную часть постоянного населения, то в Новгороде, судя по находкам, присутствие скандинавов улавливается не столь отчетливо, а письменные источники упоминают о них только как о торговцах, наемниках и опальных знатных изгнанниках при дворах князей, то есть как о людях, для которых город был только временным пристанищем в поисках удачи, богатств или княжеской защиты.

Сейчас ни у кого не вызывает сомнений, что по имеющимся археологическим материалам Рюриково городище предшествовало Новгороду, и городок в истоке Волхова в сравнении с поселками на его обоих

берегах ниже по течению реки, где находился торг, епископский центр и первые христианские храмы, типологически отражают явления разных исторических эпох. Убеждение в ведущей роли Городища в районе истока Волхова в IX–X вв. опирается на выгоды его топографического расположения (первый холм на острове при входе в Волхов из Ильменя при раздвоении реки на рукава, т. е. «запирающий» исток реки), хронологию слоев, облик материальной культуры и то значимое место, которое занимало Городище в политической жизни Новгорода уже в собственно древнерусское время, оставаясь княжеской резиденцией. Это подкрепляется открытием в последние годы на поселении мощных дерево-земляных укреплений.

За последние пятнадцать лет сделан ряд интересных общих наблюдений.

ний и получен разнообразный археологический материал для более полного понимания этого памятника. Остановимся на некоторых из них. Прежде всего, это касается вопроса о характере древнейших укреплений поселения. О том, что они существовали, свидетельствует как само его название, появившееся на страницах летописи уже под 1103 г. — «Городище», то есть место, где раньше располагалось укрепленное или огороженное поселение (город), так и сам топографический характер местности в истоке Волхова по его левобережью. Находящиеся здесь возвышенности представляют собой плоские всхолмления, сложенные песками и супесями, лежащими на пойменных ленточных глинах. Для них характерны пологие склоны, плавно поднимающиеся над заливаемыми ежегодно весной лугами с буйным разнотравьем в летние месяцы. Такой характер городищенского холма, расположенного на большом пойменном острове, прекрасно ощутим и в наши дни, особенно если смотреть от церкви Спаса на Нередице на восток Волхова. Без искусственных укреплений поселение в мысовой части подобной возвышенности оставалось, по сути дела, открытым.

Одним из важнейших выводов работ прежних лет был тот, что в древности поселение делилось на две части. Одна из них занимала собственно возвышенность, вторая — низменный мыс, через который в 1797—1802 гг. был прорыт канал, названный по имени новгородского генерал-губернатора Сиверсовым. Холм был сложен песчанистым и суглинистым грунтом, а мыс, как и прилегающая пойма, — коричневой глиной. На самом высоком месте была построена церковь Благовещения. Перепад высот между центром возвышенности и мысом достигал почти 10 м. Мыс и холм в южной части последнего разделяла ложбина — естественная протока, которыми во множестве пронизана местность в истоке р. Волхов. Ложбина имела направление с северо-востока на юго-запад,

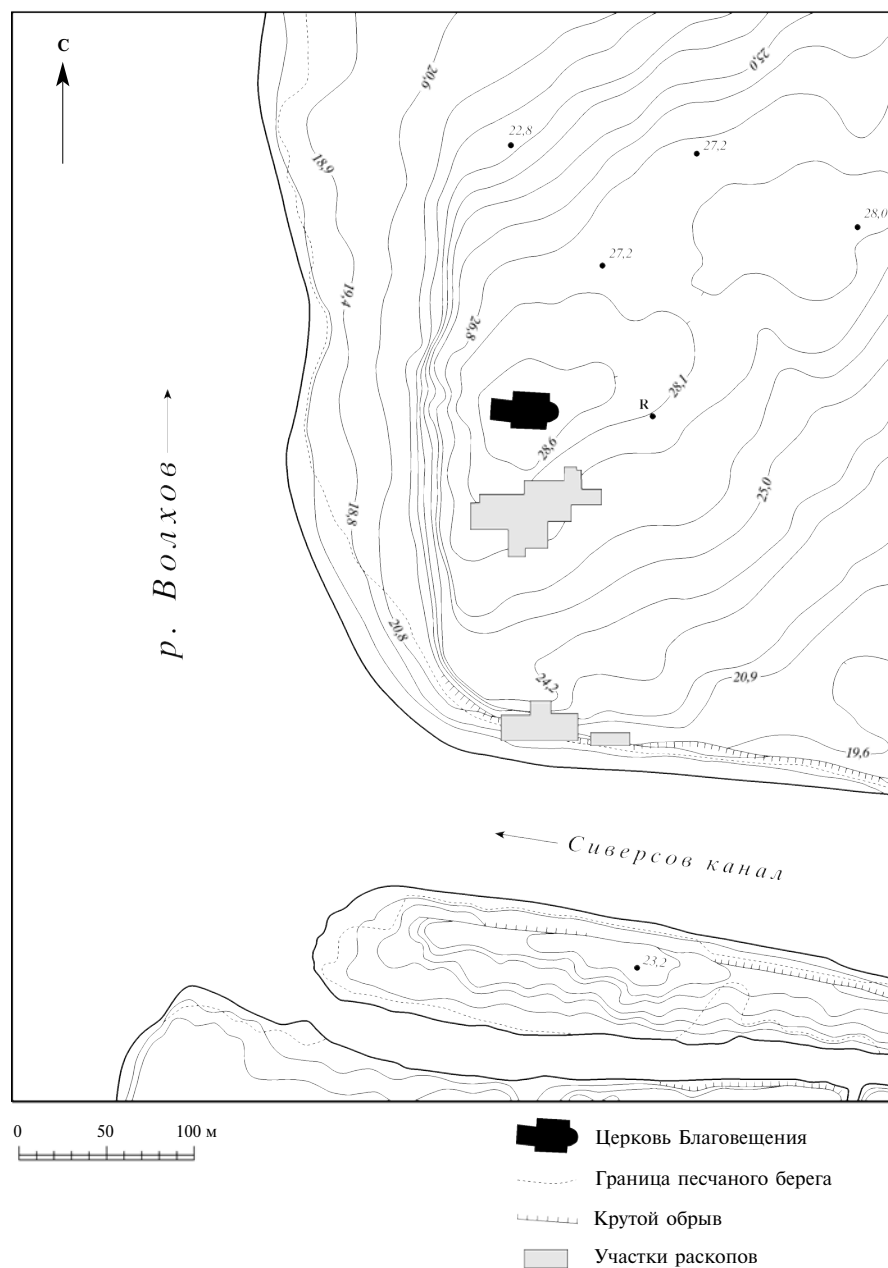

Рис. 2. Топографический план Новгородского городища.

что полностью соответствует контурам холма, понижаясь и расширяясь в сторону Волхова. Ее ширина достигала 15 м. Несмотря на несколько более низкий, чем сейчас, уровень воды в Волхове в конце I тыс. н. э., о чем свидетельствуют общие заключения географов, тогда она периодически затоплялась.

Раскопки на месте ложбины показали, что в ней накопился самый мощный на всем Городище культурный слой, достигавший толщины 6 м,

причем вся его нижняя половина содержала органические остатки и относилась к начальному периоду существования поселения (рис. 6). В древности она была углублена и превращена в небольшой ров, вошедший в систему оборонительных конструкций поселения. Культурный слой, накопившийся в нижней части рва, имел аморфную структуру и представлял собой мешаную коричневую и серую (сизую) глину, слои супеси и песка с включениями гумуса, древес-

Рис. 3. Скандинавские находки с Новгородского городища.
1. Навершие в виде морды дракона; 2. Накладка конской сбруи;
3. Фигурка валькирии.

ных остатков и редких находок. Он отложился во время постоянных затоплений, размывания и оползания его склонов, что подтвердили исследования палеоботаников.

Крайне интересным моментом явилось то, что в этих явно перемешанных слоях были расчищены дубовые бревна, чурки и колья, многие из которых имели следы обработки. Диаметр большинства из них 10–15 см. Выделялось значительное количество дубовых (часто неошкуренных) колов длиной 1,5–2 м, один конец которых заострен, а на проти-

воположном, в 0,15–0,25 м от конца, сделаны врубки-чашки длиной 0,15–0,22 м и глубиной 4–5 см (у некоторых колов места врубок стесаны). На ряде жердей, концы которых не заострены, также вырублено по одной, а иногда и по две чашки в разных местах.

Все эти остатки дерева лежали в беспорядке на различной глубине. Можно было лишь отметить для большинства из них общий наклон, соответствующий падению склона холма с северо-запада на юго-восток, а для меньшей части — наклон, соот-

ветствующий понижению дна рва с северо-востока на юго-запад, к Волхову. Для каждого отдельного бревна или кола длиной около 2 м разница между уровнями залегания его концов составляла 0,2–0,3 м, а для более длинных — даже 0,5–0,7 м. Эти дубовые колы были сброшены и сползли вниз по склону, причем не одновременно, так как часто их разделяли слои глины, супеси и гумуса. Было установлено, что остатки дубовых конструкций относятся к раннему периоду существования поселения, по крайней мере, ко второй половине IX в., поскольку они были перекрыты слоями гумуса, в которых удалось зафиксировать основания нескольких печей для выпечки хлеба. Дендрохронологический анализ бревен из обкладок печей показал, что самая ранняя из них была сооружена на рубеже IX–X вв. (даты спилов — 889, 896, 897 гг.). Если время, к которому относятся остатки дубовой конструкции или конструкций, сомнений не вызывало, то первоначальный облик сооружения оставался неясным. Учитывая, что материалом служил дуб, практически не применявшийся в жилом и хозяйственном строительстве Новгорода, а в основном использовавшийся при возведении укреплений или для поделок, и учитывая само расположение найденных на Городище развалов конструкции в месте перехода от холма к мысу, по склону рва, я в свое время высказал предположение, что дубовые колы и бревна являлись частями каких-то ограждений на самом холме, то есть остатками оборонительной системы поселения. Ничего более конкретного в отношении этих загадочных остатков сказать было нельзя (Носов, 1990, с. 50).

В последующие годы раскопки проводились на других участках Рюрикова городища. В 1987–1989 гг. к юго-востоку от церкви Благовещения был зафиксирован ров, контуры которого отразились и на характере горизонталей общего топографического плана Городища. Судя по радиоуглеродному анализу, его заплы-

вание шло уже в конце IX—первой половине X в., а сооружен он был еще раньше. Это позволило высказать мысль, что ров, открытый в высокой части холма, и ров на месте ложбины при переходе от холма к мысу взаимосвязаны и входили в единую систему оборонительных сооружений (Носов, 1990, с. 152—153; Носов, Горюнова, Плохов, 2005, с. 48—50).

В 1998 г., учитывая уникальную сохранность древних органических остатков при переходе от холма к мысу, было решено возобновить здесь раскопки и вести их, непосредственно следуя обнаруженному в 1977—1979 гг. рву, продвигаясь постепенно к северу и северо-востоку от изученного участка. Тем самым мы должны были получить дополнительные материалы о слоях с органикой IX—самого начала X в., каких на территории собственно Новгорода до сих пор не найдено, и одновременно ответить на вопрос о характере первых дубовых укреплений Городища. Достаточно трудоемкие раскопки с полной промывкой культурных слоев шли в 1998—1999 гг. В 2000 г. на склоне рва было обнаружено пять дубовых клетей с поперечными плахами и вбитыми между ними колами. Все они, хотя еще и сохраняли определенный порядок, лежали не *in situ*, а сползли по склону (рис. 7). В 2001 г. было продолжено снятие мощных суглинистых и песчаных отложений с отдельными включениями дубовых бревен и колов, явно находившихся во вторичном залегании. Наконец, летние месяцы 2002 и 2003 гг. выдались на редкость сухими, уровень воды в реках Приильменя и в самом озере понизился, и нам впервые за многие годы удалось опуститься на площади раскопа даже ниже уровня воды в Волхове в летнюю межень и спокойно исследовать самое основание рва. Здесь и были расположены находившиеся *in situ* деревянные дубовые конструкции. Общая картина, по крупицам собиравшаяся годами, стала складываться воедино.

Рис. 4. Скандинавские находки с Новгородского городища.

1. Равноплечная фибула; 2. Наконечник ножен меча; 3. Подковообразная фибула; 4. Круглая фибула; 5. Навершие иглы кольцевидной булавки.

Было установлено, что изначально городищенский холм в его мысовой части имел такой же пологий склон, как и с других его сторон. Его нынешняя крутизна оказалась не более, чем результатом позднейших нарушений. У самого основания холма расчищены остатки двух рядов деревянных конструкций. Внутренний ряд представлял собой трехстенные дубовые срубы, незамкнутые со стороны холма (если бы имелось четвертое бревно — можно было бы говорить о клетях). Длина их внеш-

них стен составляла до 4 м. Ширину их не везде достоверно удалось проследить, поскольку бревна боковых стен, упирающиеся в песчаный материковый склон, сохранились плохо. Перед рядом трехстенных срубов расчищены остатки второй, внешней полосы деревянных конструкций. Она сохранилась значительно хуже, т. к. ее наружная, обращенная ко рву сторона, оказалась на исследованном участке еще в древности полностью разрушена. От нее уцелели ряды поперечных стенок, находив-

Рис. 5. Новгородское городище. Роговый односторонний гребень фризского типа из слоев X в. Длина 19,1 см.

шился в 1–2 м друг от друга. Длина их составляла не менее 3 м. Возможно, внешняя полоса деревянных конструкций представляла собой усложненный вариант срубов внутреннего ряда. Эти конструкции поднимались рядами вверх на высоту не менее 4 м. Срубы, как и пространство между ними, были заполнены красноватой супесью. Тем самым площадь холма в южном направлении была значительно увеличена, а сама поселенческая площадка оказалась защищенной со стороны Ильменя мощной дерево-земляной конструкцией, своеобразным вертикальным деревянным панцирем, засыпанным изнутри грунтом. Возможно, частично дерево-земляная конструкция несколько возвышалась и над площадкой, а по ее краю мог идти, к примеру, деревянный тын. Перед этим дубовым сооружением ложбина была углублена, образовав защитный ров.

В прямом смысле обычным оборонительным валом это сооружение назвать нельзя, прежде всего потому, что оно стало возводиться не по краю более высокой части холма, что было бы вполне естественным, а от самого его подножия, тем самым, поднимая данный участок в первую очередь до уровня площадки, а не над ней. Вместе с тем очевидность грандиозности проведенных в древности работ не оставляет сомнений

в той значительной роли, которую придавали данному сооружению жители поселения. На мой взгляд, строители конструкции поставили перед собой двойную, а до некоторой степени и тройную задачу. Во-первых, несомненно, была усилена оборона поселения — вместо пологого склона появилась мощная деревянная стена высотой не менее 4 м. Во-вторых, оказалась увеличенной площадь цитадели. В третьих, описанная конструкция служила и как гидротехническая защита холма. Последний факт нельзя недооценивать, и он связан с сугубо природными особенностями истока Волхова и Ильменя.

Дело в том, что Ильмень, являясь мелководным водоемом со средними глубинами 3–5 м, ежегодно во второй половине апреля значительно разливается, затопляя обширные пойменные территории, уровень воды поднимается на 3–4 м, а в отдельные годы — на 6–8 м. Вся эта огромная масса воды, собираемая Мстой, Полой, Ловатью, Шелонью и многими более мелкими реками, устремляется к единственному выходу — к Волхову. Первым холмом, который встречал этот весенний напор водной стихии, был городищенский холм. Усиливаемый «шелоником» — юго-западным ветром, господствующим здесь и разгонявшим высокую волну, этот напор особенно усиливался. Напомню, что

весь тот титанический труд, затраченный на строительство вручную Сиверсова и Маловишерского каналов в XIX в., служил именно тому, чтобы избежать этого юго-западного напора ильменских вод.

В связи с этим хочу обратить внимание на инженерное решение, предложенное для защиты данного участка городищенского холма при строительстве Сиверсова канала. Канал был прорыт через мысовую часть возвышенности, практически там, где находилась древняя ложбина, подправленная для сооружения рва. При строительстве ширина канала достигала 16–24 м. Его северный берег там, где канал выходил к Волхову, то есть мыс, был укреплен выкладкой из мощных валунов и забитыми дубовыми сваями (сейчас сохранились отдельные сваи и каменная кладка на протяжении 40–50 м). Единственной целью этого сооружения являлось сохранение возвышенности от размыва во время весеннего движения воды из Ильменя. Действительно, это спасло ситуацию и, хотя сейчас ширина Сиверсова канала достигает 90–100 м (в 20-е гг. XX в. — 70 м), его расширение произошло за счет южного берега, где никаких укреплений не устраивалось. Практический смысл в подобной защите городищенского мыса, несомненно, был. В 1922 г. наблюдался особенно высокий паво-

док на Ильмене. Вода поднялась на 8 м. По свидетельству городищенских старожилов, напор воды был столь угрожающ, что все жители деревни, где насчитывалось около 30 домов, на подводах возили камни, кирпичи, грунт и сваливали под откос к укреплениям канала, о которые в неистовстве, подгоняемая юго-западным ветром, билась ильменская волна. По существу, древний «дубовый панцирь» IX в. и каменно-дубовая защита Городища начала XIX в., располагаясь в одном и том же месте, частично выполняли аналогичные функции.

Однако древняя дубово-земляная конструкция, хотя и потребовала столь значительных строительных усилий, при всей своей внешней грандиозности была возведена реально на песке у склона холма и не устояла под напором стихии. При ежегодных подъемах воды основание сооружения было подмыто. Заваливаясь в сторону рва, оно поползло вниз по склону, а его остатки оказались перемешанными с грунтом и замыты при последующих подъемах воды. На рубеже IX–X вв. грандиозное оборонительное и гидротехническое сооружение прекратило свое существование и больше не возобновлялось. Напршивается мысль о том, что строители оборонительной стены Городища оказались недостаточно знакомыми с природными особенностями Ильменя и за их плечами не было опыта многолетних наблюдений. Крупные подъемы воды, как мы знаем сейчас, после начала регулярных измерений, разделяют десятилетия. В меньшей степени представляется возможным предположить, что такой опыт у строителей был, но за какие-то несколько десятков лет характер водного режима озера столь резко изменился, что вызвал катастрофические подтопления, тем более если учитывать столь значительный разброс в высоте половодий в разные годы — от 3 до 8 м.

Дерево-земляные укрепления Рюрикова городища являются на территории Древней Руси одними из

Рис. 6. Новгородское городище. Раскопки заполнения древнего рва на месте ложбины, разделявшей мысовую и возвышенную части холма.

Рис. 7. Новгородское городище. Общий вид раскопа с дубовыми конструкциями.

древнейших сооружений подобного рода и имеют исключительную важность для изучения истории становления традиций древнерусского крепостного строительства. Прямых аналогий им мы пока не знаем, хотя отдельные элементы внутривальных деревянных конструкций известны в валах древнерусских городов Поднепровья, западнославянских городищ территории современной Польши и Германии, в Ютландии (трехстенные срубы ранней части Датского вала).

Самым примечательным является то, что у нас не было примеров с территории Древней Руси, чтобы деревянная оборонительная стена возводилась от подножия возвышенности, а не на ней. Можно ли свести использование подобного инженерного приема исключительно к уникальному водному характеру оз. Ильмень, хотя мы и показали, что смысл в данном случае применения такого решения несомненно был? Факты того, что укрепления средневековых

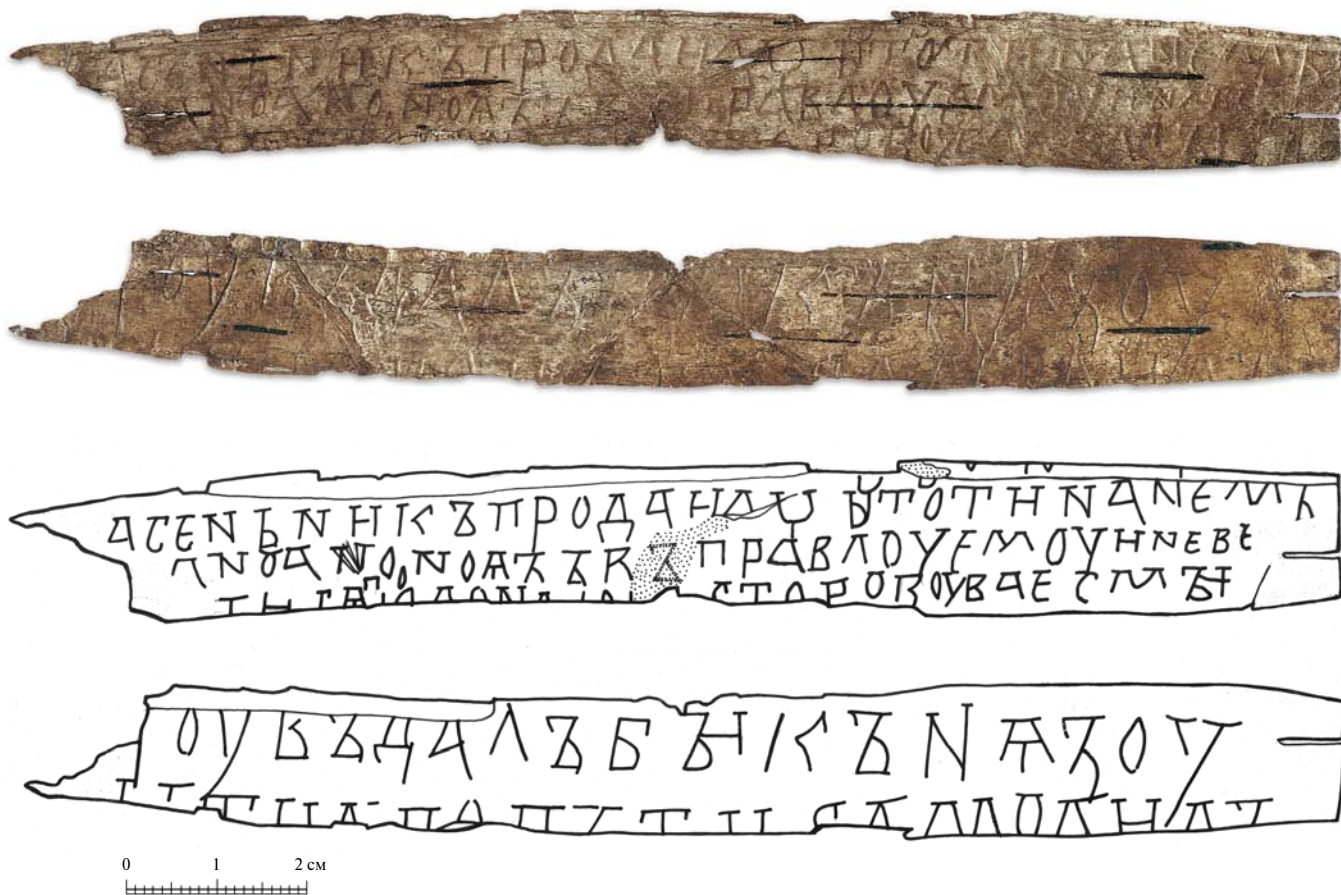

Рис. 9. Берестяная грамота № 1 с Новгородского городища
(№ 950 по общей нумерации грамот Новгород).

поселений, располагавшихся в подверженных затоплениям местностях, особенно на речных островах, имели двоякую функцию и были защитой не только от врагов, но и от стихийных бедствий, не раз отмечали исследователи (Гензель, 1959, с. 91–92; Загорульский, 1982, с. 156).

Аналогия нашим конструкциям появилась весьма неожиданно. Осенью 2004 г. киевским исследователем. В. К. Козюбой на основе анализа архивных материалов раскопок, и прежде всего, Д. В. Милеева, было показано, что последним в 1908–1911 гг. была открыта сложная «перекладная» деревянная конструкция во рву, окружавшем детинец древнего Киева. Многоярусное дубовое сооружение поднималось от уступа в нижней части рва до площадки детинца, а, возможно, и выше, но само-

го вала не сохранилось. Определенно зафиксировано 12 ярусов конструкции. Интересно, что по реконструкции Д. В. Козюбы лаги нижних ярусов стены выступали дальше, чем верхние, то есть стена была как бы двухчастной. По мнению автора, старокиевское городище было сооружено в VIII в. или на рубеже VIII–IX вв. (Козюба, 2004, с. 139–152). Автор не был знаком с неопубликованными материалами по Рюрикову городищу, тем поразительнее сходство установленных им принципов инженерного решения возведения укреплений. В конце I тыс. н. э. одновременно в двух главных центрах Руси — Киеве и Новгороде (Городище) был использован аналогичный инженерный прием — строительство оборонительных стен от основания рвов или холмов. Причины этого,

очевидно, были разные. На Городище это было обусловлено, во многом, природным характером местности и водным режимом Ильменя, в Киеве, на мой взгляд, — желанием придать дополнительную отвесную преграду перед оборонительным валом крепости. Правда, не ясно, была ли стена во рву возведена изначально при строительстве укреплений или уже на определенном этапе их существования, однако, судя по находкам лепной керамики в заполнении рва, эта было, видимо, в IX в. При некоторых отличиях в конструкциях, полагаю, что фиксация применения аналогичного инженерного решения в главных центрах формирования восточнославянской государственности говорит о сходных тенденциях в развитии оборонного зодчества внутри славянского мира.

Рис. 10. Новгородское городище. Основание деревянной постройки XII в.

После проведения нами первых работ на Городище было установлено наличие в мысовой части памятника слоев с органическими остатками, относящимися к начальному периоду его существования. Н. Б. Черных в Лаборатории дендрохронологии ИА АН СССР была определена небольшая серия дендрохронологических дат, охватывающих время от конца IX в. до середины X в. Однако в напластованиях древнерусского и последующего времени органических остатков на Городище нет. Это связано с тем, что на самом песчаном холме никакой увлажненности, способствующей консервации органики, не было, а в мысовой части только самые нижние слои конца I тыс. н. э., залежавшие на глине, сохранили органику, а слои, находящиеся выше, сохранились лишь в виде гумуса. Все это значительно снижало информативные возможности получаемого археологического материала. В самые последние годы, при новых раскопках верхней части заполнения заплывшего рва, впервые удалось рас-

крыть слои конца XI—начала XII в. с органикой и получить около десяти дендрохронологических датировок: 1081, 1095, 1097, 1102, 1106 гг. и др. (определения О. А. Тарабардиной в Лаборатории дендрохронологии Новгородского центра по организации археологических исследований при Новгородском государственном объединенном музее-заповеднике). Это сразу привело к неожиданным для нас новым открытиям.

19 июля 2003 г. на Городище была найдена первая берестяная грамота (по общей нумерации грамот Новгорода она получила № 950 = Городище № 1). Это явилось полной неожиданностью для нас, поскольку слои с органикой древнерусского времени никогда в пределы раскопов не попадали, хотя различные писала, естественно, встречались среди многочисленного материала. Грамота происходит из слоя, который хорошо датируется дендрохронологически. Она обнаружена всего лишь в 3 м по горизонтали и немного выше бревна с дендродатой 1099 г. и бревна с ден-

дродатой 1105 г. Это фрагмент письма, написанного на обеих сторонах берестяного листа (рис. 9). Связный перевод из-за утраты левой части невозможен, но фрагменты текста несут определенную информацию (комментарий В. Л. Янина и А. А. Зализняка). Отрезок ... [ц] оу — возможно, конец наименования адресата. Это могло быть, в частности, кь отьцоу. Далее сказано: «Дал бы (ты [?]] князю...». После разрыва: «А поп тебя просил». На обороте: «...сенник продай; а что тебе за него... (возможно: X-ом уже внесено [или что-то близкое по смыслу]), так это я ему возьму...». После разрыва: «А я тебе кланяюсь. Мы у вас двоих благополучны» (т. е. у нас все в порядке; букв.: мы вам двоим пребываем «поздорову»).

Что означает здесь многозначное слово сенник, из-за отсутствия контекста неясно; вероятно, это сеновал или участок сенокосов. По сторону — то же, что и по съдорову (по здорову) «благополучно», «невредимо»; донныне сохраняется выра-

Рис. 11. Свинцовые вислые актовые печати с Новгородского городища.

1. Печать князя Владимира Всеволодовича Мономаха (1073–1094 гг.); 2. Печать новгородского посадника Димитра Завидовича (1117–1118 гг.); 3. Печать неизвестного князя (вторая половина XI–первая половина XII вв.); 4. Печать с изображением княжеской тамги (XII–начало XIII в.).

жение «подобру-поздорову». Неожиданное двойственное число в конце («у вас двоих») после единственного числа («тебе кланяюсь») согласуется с гипотезой о том, что письмо адресовано отцу, а в заключительной фразе сын уже имеет в виду обоих родителей. Множественное число «есмы» показывает, что в этой фразе он объединяет себя с кем-то еще — очевидно, с братьями или другими родственниками, вместе с которыми он отправился из дому для выполнения какого-то дела. Словоформа «сторову» — один из двух самых ранних примеров «ст» в этом слове и единственный элемент древненовгородского диалекта в этой грамоте; в остальном она ориентирована на наддиалектные нормы (Зализняк, Носов, Янин, 2004, с. 22–23).

В слое с древнерусской органикой были найдены остатки различных четырехугольных небольших построек, типичных для этого времени в Новгороде, некоторые с печатками в углах (рис. 10). Од-

нако наряду с открытием грамоты при изучении слоя было сделано еще одно принципиальное для истории Городища наблюдение. Традиционно считалось, что сотни древнерусских вислых свинцовых печатей с Городища скрепляли документы княжеского архива, что сделало Городище, по выражению В. Л. Янина, «главной сфрагистической сокровищницей Древней Руси» (Янин, 1970, с. 6). На том же сравнительно небольшом участке, что и грамота, при разборке различных небольших срубов, была найдена представительная коллекция сфрагистических материалов XI–XII вв. — около 15 свинцовых печатей и их заготовок (рис. 11). Среди них княжеские печати: две Владимира Всеволодовича Мономаха (1073–1094 гг.), Всеволода Мстиславича (1117–1136 гг.), Святослава Ольговича (1136–1138, 1139–1140 гг.), Святополка Мстиславича (1142–1148 гг.), Мстислава Юрьевича (1155–1157 гг.), Ярополка Ярославича (1197 г.), печать новгородского посадника Ди-

митра Завидовича (1117–1118 гг.) и др. Находки печатей при разборке ненарушенных напластований — момент крайне важный для понимания ряда общих проблем, связанных с Городищем. Главный вывод следующий: найденные печати относятся не к остаткам архива новгородских князей, разоренного в московский период истории города, а хранились непосредственно вместе с документами в домах некоторых жителей Городища. Последние принадлежали, очевидно, к высшим социальным слоям новгородского общества. Это открывает новые перспективы в общей оценке сфрагистической коллекции Городища.

В 2003 г. в верхней мысовой части Городища, на участке с неотчетливой стратиграфией (перекоп или воронка времен Второй мировой войны на месте ямы с древнерусской гончарной керамикой) был обнаружен череп обезьяны. Его радиоуглеродное датирование в одной из лабораторий США (Beta Analytic Inc.,

Florida, USA) показала, что он относится к периоду между 1040 и 1260 гг. (95% вероятности) или к периоду между 1160 и 1220 гг. (65% вероятности). Пересечение между средней датой по радиоуглероду и калибровочной кривой 1180 гг. Одним словом, время жизни обезьяны приходится на конец XII вв. плюс минус 40–50 лет, то есть на время существования княжеской резиденции на Городище. Изучение черепа английскими зоологами показало, что он принадлежит взрослой женской особи *Macaca sylvanus*. Макаки данного

вида в настоящее время обитают в горных районах Марокко и Алжира, а ранее были распространены в Тунисе и Ливии. Особь с Городища, судя по следам кариеса, определенное время содержалась в неволе. Одним словом, на Городище она попала из Средиземноморья и находилась при дворе одного из новгородских князей. Мы не так уж много знаем о ежедневной жизни и быте русских царей, а развлечения, забавы и быт древнерусских князей нам почти вообще неизвестны. Уникальная находка с Городища приоткрывает нам

одну из любопытных страниц прошлого. Кстати, в Западной Европе в Средние века останки обезьян происходят только с поселений высокого социального статуса, что вполне соответствует находке с Городища.

Систематические раскопки на Рюриковом городище, начавшиеся 30 лет назад и ежегодно продолжающиеся в охранных целях и в целях его дальнейшего изучения, несомненно приведут к новым интересным открытиям и пополнят наши знания о начальных веках русской истории.

БИБЛИОГРАФИЯ

Гензель В., 1959. Археологические исследования и проблема возникновения польского государства // СА. № 2.
Загорюльский Э. М., 1982. Возникновение Минска. Минск.
Зализняк А. А., Носов Е. Н., Янин В. Л., 2004. Берестяные грамоты из новгородских раскопок 2003 г. // ВЯ. № 3.
Козюба В. К., 2004. Городище на старокиївській горі // Стародавній Іскоростень і слов'янські гради VIII–X ст. Київ.
Носов Е. Н., 1990. Новгородское (Рюриково) городище. Л.
Носов Е. Н., 1995. Новгородский детинец и Городище (к вопросу о ранних укреплениях и становлении города) // НИС. № 5 (15). СПб.

Носов Е. Н., Горюнова В. М., Плохов А. В., 2005. Городище под Новгородом и его округа (Новые материалы и исследования). СПб.
Хвоцинская Н. В., 1999. Подковообразные фибулы Рюрикова городища // Великий Новгород в истории средневековой Европы. М.
Янин В. Л., 1970. Актовые печати Древней Руси X–XV вв. Т. 1. М.
Янссон И., 1999. Скандинавские находки IX–X вв. с Рюрикова городища // Великий Новгород в истории средневековой Европы. М.

Новгородская экспедиция на рубеже веков

Каждый год раскопок, начавшихся в Новгороде в далеком 1932 году, приносил решение очередных — больших или малых — проблем и постановку новых, подчас совершенно неожиданных научных задач. Что же говорить о последних пятнадцати годах! Они увеличили число вновь открытых берестяных грамот XI–XV столетий почти на 200 текстов. На сегодняшний день в Новгороде обнаружено уже 973 берестяных письма (при том, что исследовано не более 2% средневекового культурного слоя города), а в новгородских городах: Старой Руссе — 41, в Торжке — 19 берестяных грамот.

Но дело, разумеется, не в количестве новых находок, а в результатах их изучения. Конец XX века в изучении средневекового Новгорода стал временем наиболее значительных открытий как в политической и экономической проблематике, так и в области культуры. Эти открытия подобны прорыву в неизведанный прежде мир. Поэтому сегодня мне предстоит остановиться на наиболее значительных итогах последних лет новгородских раскопок. Начать этот рассказ хочется с одной замечательной

человеческой находки. Такой находкой стал для нашей экспедиции ее постоянный с 1982 г. участник, выдающийся лингвист академик Андрей Анатольевич Зализняк.

Следует напомнить, что прошло два столетия со времен энциклопедистов. Уже в начале XIX века науки стали развиваться по пути дифференциации. Если поначалу историки и филологи образовывали нерасторжимое содружество, что, в частности, проявилось в существовании историко-филологических факультетов в высших учебных заведениях, то затем не только разошлись пути и цели этих родственных наук, но и внутри каждой из них процессы дифференциации неуклонно прогрессировали.

Историков, изучающих в архивах старинные документы, не интересовали ведущиеся под окнами архивов раскопки. Нумизматы были далеки от проблем текстологии, а специалистов в области исторической географии не волновали памятники древнего законодательства. Каждая дисциплина разрабатывала собственные методики и начинала говорить на своем «птичьем» языке, понятном лишь для посвященных. Столкновение результатов, полученных от изучения огра-

ниченных групп источников, порождало противоречия, нуждающиеся в перекрестной проверке.

Открытие в Новгороде берестяных грамот стало поводом к тому, что в их изучении объединились усилия историков-археологов и филологов-лингвистов. Процесс дифференциации знаний сменился процессом интеграции, темпы успешного развития которого нарастали с каждым годом. Сегодня в исследовании новгородских древностей историки уже не могут работать без помощи лингвистов, как и лингвисты достигают успеха в творческом союзе с историками и археологами.

Первым заметным достижением этого союза стало изучение проблемы славянского заселения русского Северо-Запада. На протяжении более двухсот лет в отечественной исторической науке формировалось убеждение, что это заселение своим исходным пунктом имело среднее Поднепровье. Хорошо помню, как в годы моего студенчества наши учителя внушали нам мысль о том, как простое население бежало на север, спасаясь от классового гнета приднепровских землевладельцев. Аналогичным было убеждение лингвистов, полагавших, что на заре существования Древнерусского государства на юге и на севере Руси бытовал единый язык,

Рис. 1. Новгородский кремль и Святая София. Вид с северо-запада.

Рис. 2. Разрез мостовых Черницыной улицы. Троицкий VI раскоп.

не имевший локальных диалектных различий (благо, все восточные славяне распространились из единого приднепровского центра), а диалекты появились в процессе удельной раздробленности Руси, усугубленной монгольским нашествием XIII века.

Предпринятое А. А. Зализняком исследование языка берестяных грамот привело к диаметрально противоположному решению. Оказалось, что чем древнее берестяные тексты, тем больше в них местных диалектных особенностей. В текстах XI–XII столетий обнаружено около тридцати отличий от южнорусского диалекта, считавшегося прежде единым восточнославянским языком. Напротив, лишь с XIII века начинается активный процесс стирания диалектных особенностей в результате усилившегося взаимодействия с соседними областями, население которых говорило на своих диалектах.

Установление суммы отличий древненовгородского диалекта, естественно, направило исследовательскую мысль к поискам аналогов этим диалектным признакам в других славянских языках. Результатом таких поисков стал вывод о том, что исходная область славянского заселения Псковского и Новгородского регионов находилась на территории славянской южной Балтики. Именно в языках живших здесь славян, в первую очередь, в лехитских (древнепольских), обнаружена сумма аналогов древненовгородскому. Этот вывод совпал с капитальными наблюдениями над древностями курганов и поселений недавно ушедшего из жизни выдающегося исследователя древнего славянства академика Валентина Васильевича Седова.

Не менее значительна проблема участия скандинавов в становлении Древнерусского государства. Уже в

середине XVIII в. возникла дискуссия между «норманистами» и «антинорманистами». Последние провозгласили рассказ о призвании Рюрика антипатриотическим мифом. Между тем раскопки на новгородском Городище, предпринятые петербургским археологом Е. Н. Носовым в последние десятилетия, обнаружили, что княжеская резиденция, обладающая яркими признаками скандинавского присутствия, возникает именно в середине IX столетия, когда, по рассказу летописи, эта крепость и была построена призванным союзом северо-западных племен — новгородскими словенами, кривичами и аборигенной чуждью (финно-уграми) — Рюриком. Побудительной причиной этого призвания, как сообщает летописец, была возникшая в союзе племен усобица. Перед этим они, объединив свои силы, прогнали бравших с них дань скандинавов. Рассорившись, они не хотели отдать власть кому-либо из предводителей их союза и предпочли пригласить третьейского судью. Вряд ли такого судью они отыскивали среди вчерашних угнетателей. Скандинавский мир был велик, и если изгнанные угнетатели были родом из Швеции, то Рюрика будущим новгородцам естественно было искать на своей прародине. Ряд источников называет Рюрика «Датским» или «Фрисландским», то есть выходцем из южной Балтики.

Наиболее важной проблемой, решенной в ходе раскопок последнего десятилетия, является вопрос об истоках своеобразной новгородской государственности, которую исследователи называют «вечевым строем» или «боярской республикой». Если это республика, то она выглядит весьма странно, поскольку Новгород с боярским посадником во главе никогда не обходился без князя. Будучи «вольными в князьях», новгородцы могли прогнать князя, оказавшегося неудобным, и призвать на его место другого, но княжеский стол у них почти никогда не бывал вакантным. Однако и князю в Новгороде не было уютно. Согласно дошедшим до

Рис. 3. Несколько деревянных цилиндров-замков для запираия мешков с собранными доходами. На них указаны имена «мечников», территории сбора и объем доходов.

нас договорам Новгорода с приглашаемыми князьями (а самый древний сохранился от 60-х годов XIII в. со ссылками на более ранние подобные соглашения), князь не имел права владеть вотчинами на территории Новгородской земли, собирать государственные доходы лично или при помощи своих людей (это могли делать только сами новгородцы, выплачивая князю «дар», то есть некое жалование). Будучи центральной фигурой в совместном суде князя и посадника, князь тем не менее не имел права «кончать суд без посадника».

Известно, что уже к концу XI в. новгородское боярство достигло существенных успехов в государственном управлении. Уже в 1080-х годах, как это показывает совместное изучение летописных текстов и памятни-

ков сфрагистики, оно стало избирать из своей среды соправителя князю — боярского посадника. В то же время очевидно, что перечисленные ограничения княжеской власти не были изначальными, а возникали постепенно. Например, в ходе раскопок в 1998 г. была открыта административная усадьба, которая служила местом пребывания совместного суда князя и посадника. Этому суду в XII в. подлежали все дела — уголовные, гражданские, земельные и т. д. Исследование ее построек и берестяных грамот (их там было найдено около сотни) обнаружило, что совместный суд впервые возник в 1126 г. Не ранее конца XI в. мог быть установлен запрет князю владеть вотчинами в Новгородской земле, так как самого права частного землевладения на се-

вере до того просто не существовало. Сложнее обстояло дело с установлением времени возникновения запрета князю на сбор государственных доходов. Прежде исследователи были склонны связывать этот запрет с пожалованиями новгородцам Ярославом Мудрым в благодарность за их помощь в овладении киевским столом в 1015 г.

Решить эту достаточно сложную проблему помогли необычные находки, определить назначение которых долгое время не удавалось. Речь идет о деревянных ольховых или березовых цилиндрах с двумя сквозными взаимоперпендикулярными каналами — продольным и поперечным. Таких цилиндров в ранних напластованиях найдено уже более пятидесяти. У многих поперечный канал забит

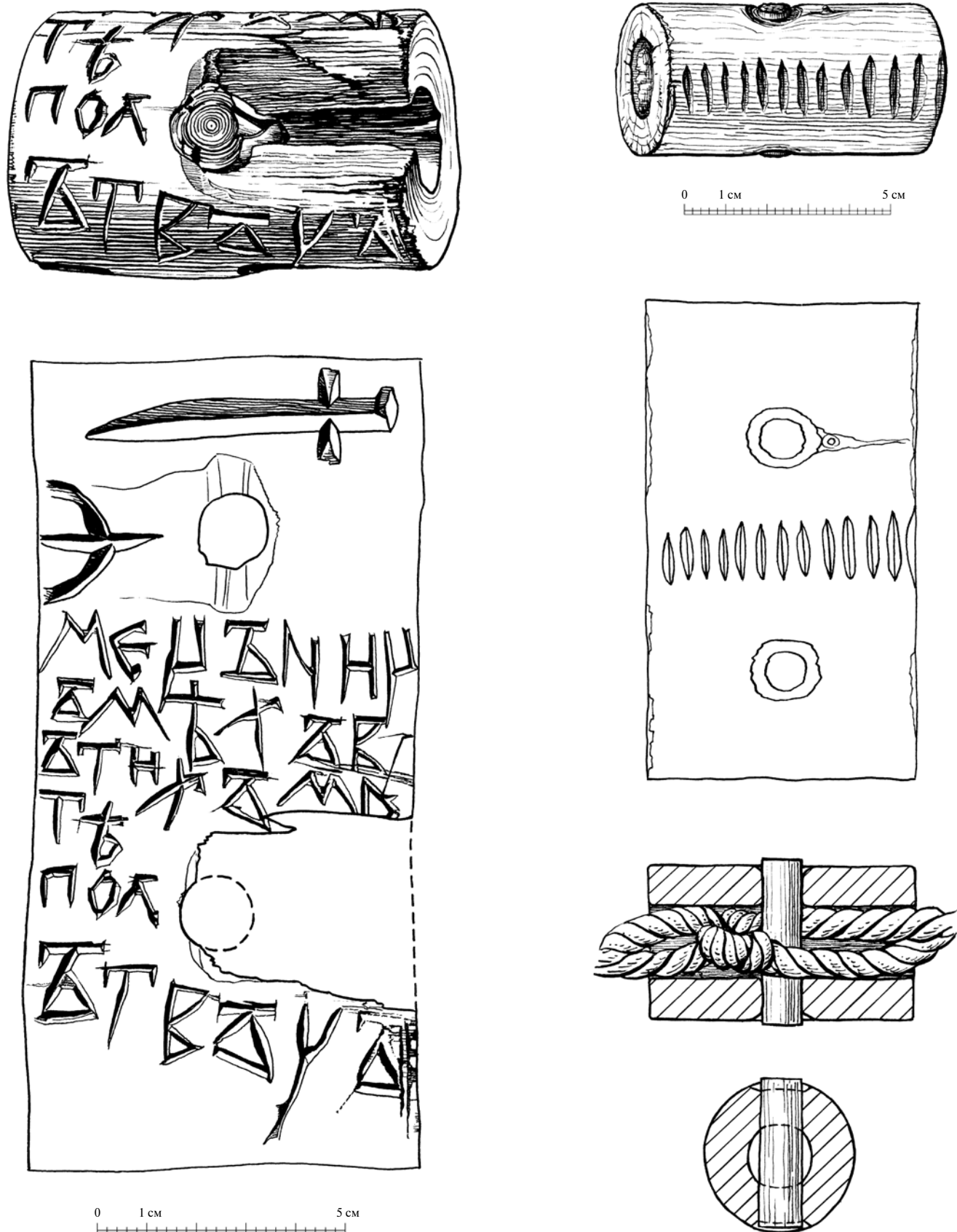

Рис. 4. Деревянные цилиндры-замки.

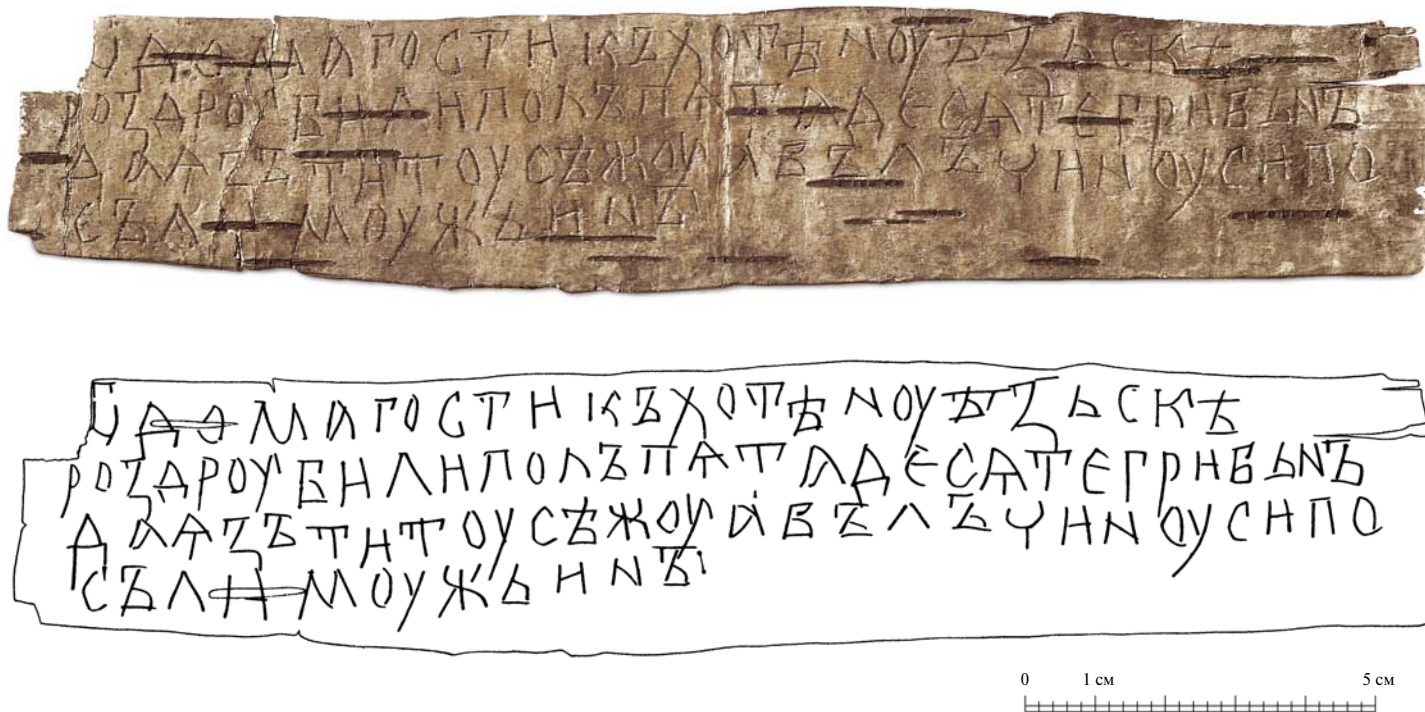

Рис. 5. Берестяная грамота № 902 из раскопок административной усадьбы XII в.

неизвлекаемой деревянной пробкой, а на поверхности цилиндров имеются надписи, называющие различные денежные суммы, имена «мечников» и «емцов» (сборщиков государственных доходов) и названия некоторых территорий.

Совокупность всех этих признаков решила загадку назначения таких предметов. Это были замки для гарантированного запираения мешков с собранными мечниками или емцами доходами. Через горловину мешка пропускалась веревка или кожаный ремешок. Концы этой связи вводились с двух сторон в длинный канал, вместе выпускались наружу. Их связывали узлом, убирали узел внутрь цилиндра, забивали расклиненной пробкой короткий поперечный канал, концы пробки обрезали заподлицо. Мешок заперт. Чтобы проникнуть внутрь него, украсть часть пушнины (а доходы были в виде ценных шкурок) или заменить ее менее ценными мехами, нужно было или расколоть цилиндр, или разрезать верев-

ку, или же распороть сам мешок. В любом случае преступление было бы тотчас обнаружено.

Важно то, что подобные предметы находят не в княжеской резиденции, а на усадьбах зажиточных новгородцев, потомки которых хорошо известны летописцам как бояре, часто владевшие высшими государственными должностями. Приведу один яркий пример. На упомянутой административной усадьбе дважды был найден цилиндр рубежа XI–XII столетий с процарапанным на нем именем мечника «Хотен». На той же усадьбе обнаружена берестяная грамота № 902 того же времени со следующим текстом: «*От Домагости к Хотену. Езьске роздрубилу полъпятадесяте гривън. Да яз ти ту сежу. А Вълчину си поели мужь ин*». Помощник мечника Хотена «отрок» Домагостя сообщает, что в Езске (так назывался городок на Мологе, теперешнее село Еськи) он разверстал по плательщикам податей 45 гривен и теперь там засел надолго. Поэтому на

Волчину (реку, берущую начало близ Вышнего Волочка и впадающую в Мологу напротив Езска) надо бы послать другого человека.

Согласно обычному праву, зафиксированному уже в древнейшей редакции «Русской правды», сборщикам государственных доходов полагался определенный процент с собранных ими сумм. Именно это и послужило главным источником постепенно нарастающих доходов новгородских бояр, которые уже к концу XI в. стали крупными землевладельцами.

Административная усадьба, на которой в XII веке вершился совместный суд, и в более раннее время не имеет признаков жилого комплекса. В ее напластованиях XI–первой четверти XII вв. найдено 40 цилиндров сборщиков государственных доходов. Очевидно, что эта усадьба в указанное время служила местом концентрации собранных сборщиками сумм и первоначального осмотра мешков для установления их целостности.

Рис. 6. Икона «Знамение Божьей Матери» с изображением святых Петра и Анастасии на обороте, XII в.

Рис. 7. Икона «Битва новгородцев с суздальцами», XV в.

Выяснилось, что древнейшие подобные цилиндры обнаружены в Новгороде в слоях конца X века и несут на себе изображение княжеского знака отца Ярослава Мудрого — Владимира Святославича. Иными словами, порядок сбора государственных доходов в Новгороде существовал уже до пожалования Ярослава. Подобные цилиндры найдены в слоях X в. в польском Щецине и в ирландском Дублине. Поскольку все эти пункты входили в сферу тогдашнего скандинавского правления, наиболее возможным представляется датировка интересующего нас ограничения княжеской власти моментом заключения прецедентного договора с князем Рюриком. Если это так, становится понятным уход преемника Рюрика — Олега с малолетним княжичем Игорем на юг. Завоевание Смоленска и Киева превращало Олега и Игоря в полноправных монархов, не ограниченных условиями унижающего их договора. Там, на юге, сам князь во главе своей дружины организовывал описанное Константином Багрянородным «полюдь», то есть сбор государственных доходов и контроль за их распределением. Разница между Новгородом и Киевом предстает перед нами как разница в исходном пункте столь не похожих одна на другую государственных структур.

Существенным успехом новгородской экспедиции стало установление интереснейших деталей художественного творчества новгородских художников XII в. Этот период, как известно, был временем становления собственной новгородской школы архитектуры и живописи. В начале столетия были возведены и расписаны фресками соборные храмы Антониева и Юрьева монастырей, а на княжеском Городище построена церковь Благовещения. Эти храмы стали образцовыми для зодчих всего XII в. К числу наиболее значительных шедевров относится и сооруженная в 1197 г. рядом с Городищем церковь Спаса на Нередице, расписанная фресками в 1198 г. Нередицкий живописный ансамбль су-

ществовал во всей его полноте до его разрушения во время последней войны. По оценкам искусствоведов, он является наиболее значительным художественным памятником русского Средневековья.

Средневековая живопись на Руси чаще всего оставалась анонимной, и исследователи неоднократно высказывали мысль о том, что эта анонимность навсегда останется непреодолимой. Между тем еще в 1970-х гг. удалось обнаружить и подробно исследовать усадьбу художника, имя которого — Олисей Гречин — было установлено из текстов адресованных ему берестяных писем с заказами на изготовление икон. Изучение его автографов в записях на бересте и сравнение их с почерком художника, возглавлявшего артель, которая расписывала Спас-Нередицкую церковь, позволило установить, что именно Олисей был основным автором этих росписей.

С отцом Олисея — Петром Михалковичем — связаны также многие берестяные письма, написанные или полученные им. Изучение этой группы документов позволило установить, что именно он и его жена Мария (Марена) были заказчиками самой знаменитой новгородской иконы XII в. — «Знамения Богородицы», заступничеству которой новгородцы считали себя обязанными, победив суздальцев в знаменитой битве 1170 г. Как это выяснил А. А. Гиппиус, икона была написана в связи с бракосочетанием дочери Петра Михалковича Анастасии и новгородского князя Мстислава — сына Юрия Долгорукого. Святые патроны Петра и Анастасии изображены на оборотной стороне этой священной реликвии Новгорода. Свадьба Мстислава и Анастасии состоялась в 1155 г. Тогда же был изготовлен мастером Костой один из выдающихся шедевров прикладного искусства — серебряный кратир (причастная чаша), заказанная Петром и его женой

Марией и содержащий изображения Богородицы и святых Петра и Анастасии.

Судьба Анастасии позволяет понять, почему ее брат Олисей Петрович, будучи исконно русским человеком, получил прозвище «Гречин». После того как Мстислав Юрьевич, будучи изгнан новгородцами, потерял новгородский стол, он вернулся в Суздальскую землю, но вскоре и оттуда был выдворен своим братом Андреем Боголюбским. Несколько лет он провел в Византии, где император предоставил ему земли в округе Ашкалона (на территории нынешнего Израиля, у берега Средиземного моря). Надо полагать, что это изгнание разделяла и семья Мстислава — жена Анастасия и ее малолетний брат Олисей, детство которого, таким образом, прошло в пределах Греческой (Византийской) империи.

Сенсационным оказалось открытие в 2000 году книги (церы), написанной на трех липовых навощеных табличках размером 190 × 150 × 10 мм. Эта своеобразная книга была обнаружена в слое первой четверти XI века.

Все эти таблички имеют вырезанные неглубокие корытца (ковчезцы) размером 155 × 115 мм, залитые воском. Книга содержит четыре страницы текста. Внешние стороны крайних табличек, являющиеся своего рода обложками, украшены геометрическими узорами и крестами. Судя по внешнему виду, книга долгое время была в употреблении. На ее внешних сторонах имеются многочисленные царапины и надрезы, заметна общая потертость дерева, заполированность отверстий, предназначенных для скрепления триптиха, кроме того, обнаружены следы ремонта книги.

На первой, второй, третьей и частично четвертой страницах последовательно записаны 75-й и 76-й (по традиционной православной нумерации) псалмы Асафа, представляю-

Рис. 8. Первая страница Новгородской псалтыри (реставрация В. И. Поветкина).

щие собой заключительные псалмы 10-й кафизмы. На четвертой странице после записи 76-го псалма был пропуск, после которого сохранилась еще одна запись: 4-й – 6-й стихи 67-го псалма Давида.

Анализ языковых, палеографических и текстологических особенностей Новгородской псалтыри в сравнении с другими древнейшими, а также и более поздними псалтырями показывает, что ее текст не совпадает полностью ни с одной из других известных псалтырей. В то же

время в нем выступают варианты, свойственные самым древним памятникам этого рода и в ряде пунктов характерные для псалтырей, писанных именно на Руси.

Новгородская псалтырь является древнейшей на сегодняшний день датированной славянской книгой (ее радиоуглеродная дата: 860–1010 гг.). Ранее самой древней славянской книгой было Остромирово Евангелие 1054–1057 гг.

Из соотношения не до конца стертых текстов 67-го псалма и 75/

76-го псалмов иной кафизмы, окончание которой написано поверх уничтоженного начала 67-го псалма, очевидно, что кодекс служил пособием для обучения первого поколения новгородских христиан: учитель писал тексты, которые списывались учениками, затем стирал написанное и писал новые тексты.

Реставрация находки была осуществлена Э. К. Кубло (стабилизация деревянной основы) и В. И. Поветкиным (восстановление поврежденного воскового покрытия).

БИБЛИОГРАФИЯ

- Гиппиус А. А., 2004.* О нескольких персонажах новгородских берестяных грамот XII в. // Янин В. Л., Зализняк А. А., Гиппиус А. А. Новгородские грамоты на бересте: Из раскопок 1997–2000 гг. М.
- Зализняк А. А., 2004.* Древненовгородский диалект. М.
- Зализняк А. А., Янин В. Л., 2001.* Новгородская псалтырь начала XI в. — древнейшая книга Руси // ВРАН. Том 71. № 3.
- Колчин Б. А., Хорошев А. С., Янин В. Л., 1981.* Усадьба новгородского художника XII в. М.
- Носов Е. Н., 1990.* Новгородское (Рюриково) городище. Л.
- Носов Е. Н., 2005.* Городище под Новгородом и поселения Северного Приильменя. СПб., 2005.
- Поветкин В. И., 2003.* Восстановление древних текстов: От берестяных грамот к восковой Новгородской псалтыри // Берестяные грамоты: 50 лет открытия и изучения. М.
- Седов В. В., 2002.* Славяне: Историко-археологическое исследование. М., 2002..
- Янин В. Л., 1982.* Археологический комментарий к «Русской правде» // Новгородский сборник: 50 лет раскопок Новгорода. М., 1982.
- Янин В. Л., 2001.* У истоков новгородской государственности. Великий Новгород.

Исследования Гнёздовского комплекса археологических памятников

Археологическое изучение памятников Гнёздова имеет долгую историю, которая, тем не менее, еще далека от завершения. За прошедшие годы изменилась методика полевых исследований, получили развитие научные идеи, высказанные на заре изучения Гнёздова, появились совершенно новые материалы и, как следствие, новые интерпретации, возникла необходимость корректировки и пересмотра некоторых сделанных ранее выводов. Отличительной особенностью полевых работ с конца 70-х гг. XX в. стали планомерные раскопки курганов и поселения, производимые одновременно. Правда, в разные годы приоритеты менялись. С начала 1990-х гг. основным объектом исследования стало Центральное поселение, в первую очередь, расположенная восточнее городища часть селища. Отметим, что результаты раскопок курганов с самого начала изучения Гнёздова и вплоть до относительно недавнего времени были практически единственной источниковой базой для различных построений о хронологии памятника, социальном и этническом составе оставившего его населения, ремесле, торговых связях и т. д.

Постепенно, особенно с развертыванием изучения культурного слоя гнёздовского поселения, источнико-

вая база не только пополнилась за счет увеличения вещевой коллекции, но и расширилась. Общие итоги 125-летнего изучения Гнёздова были подведены относительно недавно одним из авторов этой статьи. Тогда же были высказаны некоторые соображения относительно перспектив дальнейшего изучения этого важного для истории Древней Руси памятника (Пушкина, 2001). В данном случае мы остановимся на некоторых наиболее интересных за последние 14 лет и значительных результатах работ Смоленской археологической экспедиции, уже частично освещенных в печати¹.

В 1995 г. начались комплексные исследования Гнёздовских памятников, включившие, кроме традиционных археологических, методы естественных наук. Одним из результатов сотрудничества со специалистами факультета почвоведения МГУ и Института географии РАН стало обнаружение следов древней пахоты под одним из курганов Днепровской курганной группы (Мурашева, Нефедов, 2002, с. 194). Курган Дн-52, расположенный на северном краю группы, содержал остатки погребения по обряду сожжения на месте возведения насыпи. Зольный слой погребального кострища залегал на поверхности древнего пахотного го-

ризонта, следы которого в виде пересекающихся полос серого цвета отчетливо выделялись на фоне светло-желтой материковой супеси (рис. 3). Распашка производилась однозубым пахотным орудием «крест-накрест», ширина пахотных борозд (по уровню материка) — 6–8 см, глубина — не менее 4 см. Спорово-пыльцевой анализ почвы, заполнившей борозды распашки, показал присутствие пыльцы пшеницы и сорных растений (Зазовская, Бронникова, 2001, с. 199). Аналогичные следы отмечались и зафиксированы под слоями кострищ раскопанных в этой группе курганов и ранее, однако оставались непонятыми. Теперь очевидно, что часть курганов Днепровской группы была насыпана на территории прежде обрабатываемого участка, площадь которого составляла не менее 0,5 га. Находки из этих курганов представлены в основном фрагментами раннекруговых сосудов типичной для Гнёздова формы. На основании этих находок возведение курганов можно отнести ко времени не ранее середины X в. Вероятно, пашня была заброшена незадолго до этого. Отчетливые следы пахоты, а тем самым и свидетельства земледельческой деятельности жителей древнего Гнёздова хорошо дополняются находкой двух сошников на территории пойменной ча-

Рис. 1. Гнёздово. Вид на городище со стороны поймы.

сти поселения, в слое, датированном концом X—первой четвертью XI в. Орудия такой формы, происходящие из слоев Старой Ладogi и Новгорода X—XI вв., на территории Смоленского Поднепровья до сих пор известны не были (Мурашева, Нефедов, 2002). Интересные данные получены в результате анализа карпологического материала из слоев гнёздовского поселения второй половины X—начала XI в. Зерновые культуры здесь представлены пшеницей и ячменем².

Вторым важным и неожиданным результатом комплексных исследований стало обнаружение слоя погребенного дерна под курганными насыпями, визуальные возможности чего до сих пор вызвали сильные сомнения. Как известно, ведущим способом погребений в Гнёздове является кремация. Ингумации в подкурганных ямах или камерах составляют не менее 20% от всех исследованных здесь погребений. Кроме того, примерно столько же курганов не содержали никаких следов погребений — у большинства исследователей гнёздовских курганов они получили определение как «пустые». Чаще всего в основании таких насыпей отмечался лишь «слабый зольный слой» или «бледно-серый зольный слой с отдельными мелкими угольками»,

аналогичные по составу пятна встречаются и в составе песчаных насыпей на разной их глубине. Анализ палеопочвенных образцов, собранных в 1995—1996 гг. во время раскопок нескольких курганов с аналогичными «зольными кострищами» в Лесной и Центральной группах, показал, что все они являются *остатками погребенного дерна* (курсив наш), на поверхности которого и были сооружены насыпи. Не вдаваясь в детальное рассмотрение историографии вопроса о «пустых» курганах Гнёздова, позволим себе обратить внимание на мнение, высказанное в начале 1990-х гг. Ю. Э. Жарновым. Он предположил, что часть подобных курганов могла содержать ингумации в ямах, выкопанных «до сожжения ритуального костра» и контуры которых не были замечены раскопщиками (Жарнов, 1992, с. 17). Мы уверены, что во всех случаях обнаружения в 1995—1996 гг. «слабого зольного слоя» в основании раскопанных курганов могильных ям под ним не было. В то же самое время могильная яма одного из курганов Лесной группы (курган Л-193) прорезала идентичный по структуре слой, поверхность материка под которым не имела ни малейших признаков воздействия огня. Кроме того, несколько

раз было замечено, что внутренний край ровика, окружавшего тот или иной курган, как бы срезал серое гумусированное пятно. Все эти наблюдения позволяют говорить о том, что перед нами не остатки слабовыраженного зольного слоя, сохранившегося после сожжения соломы или другого легкого материала, а древний дерновый слой площадки кургана, погребенный его песчаной насыпью. Заметим, что аналогичный по структуре и цветовой характеристике образец, взятый из слоя почвы, подстилающего ярко выраженный культурный слой в восточной части селища, так же оказался частью погребенного дернового слоя. Таким образом, теперь по-новому смотрится тезис о «ритуальных кострищах» гнёздовских курганов. Редкие находки отдельных предметов на поверхности погребальной площадки под курганной насыпью при полном отсутствии других следов погребения могут оказаться остатками ингумаций, совершенных на горизонте. Во всяком случае, эти результаты полевых и лабораторных исследований Смоленской экспедиции следует в дальнейшем учитывать при рассмотрении вопроса о динамике погребального обряда в Гнёздове.

Работы на поселении сосредоточены в основном в его восточной ча-

Рис. 2. Гнёздово. Вид на пойму с городища.

сти, где продолжаются раскопки селища, а в последние годы возобновлены работы и на Центральном городище (рис. 1, 8). Восточная часть поселения, расположенная на левом берегу р. Свинец, исследуется уже не один год. К сожалению, территория селища долгое время распахивалась, в результате чего культурный слой перемешан почти на всю свою толщину. Однако нам удалось обнаружить небольшие участки с менее потревоженным слоем, исследования которых позволяют говорить о системе застройки, типах построек и отопительных сооружений и т. д. Неодинаковая мощность культурного слоя и различная его насыщенность различными предметами, в первую очередь фрагментами глиняной посуды, наряду с некоторыми другими признаками указывают на изменение плотности застройки этой части селища в середине X—первой половине XI в. Неоднократные перестройки каких-то наземных и углубленных сооружений происходили в пределах исследованной на раскопе ВС-10-Б площади во второй половине X—начале XI в. С одной из таких наземных построек связана округлая очажная яма, плотно выложенная камнем, частично разрушившая остатки предшествующего сооружения (рис. 4).

Три аналогичных по форме и заполнению очага, но устроенные в материковых ямах, ранее были расчищены на участке, расположенном западнее и входившем в пределы отдельного усадебного комплекса, исследованного раскопками в 1971–1975 гг. Особенностью всех описанных очагов является полное отсутствие в их заполнении обломков посуды, очажные камни прокалены, но чисто выметены.

Обнаруженные на участке ВС-10-А столбовые ямы и неглубокие канавки от частоколов наместили северную и восточную(?) границы одного из древних дворов, на территории которого во время раскопок 1993 г. был найден денежно-вещевой клад 50-х гг. X в. (Пушкина, 1996). Западная и южная граница остаются неясными, из-за чего пока невозможно определить размеры этого двора. С востока к нему примыкает участок площадью около 400 м² (раскоп ВС-10-Б), культурный слой в пределах которого оказался насыщен обломками тиглей, обрезками бронзовых пластин и проволоки. Отсюда же происходит 21 из 80 известных в Гнёздове металлических скандинавских подвесок-амулетов, среди которых миниатюрные изображения щитов, кресала и кос (рис. 5). Такой concentra-

ции украшений-амулетов не наблюдалось ранее ни в одной из частей гнёздовского поселения. Наличие находок, связанных с различными этапами их изготовления, убедительно доказывают их местное происхождение. Судя по тому, что среди незавершенных изделий есть выполненные не только из железа, но и из латуни и меди, их изготовление происходило в пределах одного ограниченного участка. Несмотря на плохую сохранность культурного слоя, в процессе раскопок удалось выявить несколько ям, связанных с углубленными в материк постройками и остатками каменных очагов и находками, документирующими деятельность ювелиров, в том числе, инструментами. Примечательно, что в двух ямах незаконченные амулеты встречены вместе с отходами косторезного производства и кузнечным шлаком. Можно предположить, что обработка кости, цветного металла и изготовление тонких украшений из железа происходило в пределах одной мастерской, расположенной в жилой зоне поселения.

Отсюда же происходит находка резца лучкового сверла с двухсторонним рабочим пером. На плоский щиток инструмента надевали приводную костяную или деревянную

3

4

Рис. 3. Гнёздово. Следы пахоты под кострищным слоем кургана; Рис. 4. Очаг в яме в восточной части селища.

катушку, а на верхний заостренный черенок крепили рукоять. Аналогичный предмет в начале XX в. был найден в одном из курганов Днепровской группы (Спицын, 1905, с. 13, 52, рис. 143). На нем процарапаны руновидные знаки, что указывает на связь со скандинавским миром. Считалось, что их использовали только для обработки дерева и кости. Однако в современных руководствах по ювелирному делу и этнографических материалах можно отыскать весьма

схожие инструменты для создания восковых моделей, обработки драгоценных и полудрагоценных камней и тонких листов металла (Магуон, 1971, р. 66, fig. 62). Гнёздовские находки являются самыми ранними на территории Руси — в Новгороде Великом лучковые сверла обнаружены в слоях XII–XIII вв. (Колчин, 1959, с. 67).

Вторая интересная находка — это железный ювелирный пинцет с плоскими заостренными губами. В гнёздовской коллекции это первый инст-

румент для захвата и удерживания мелких предметов или их деталей при ковке, производстве зерни и скани и других тонких операциях, сделанный из железа. Четыре известных ранее экземпляра выполнены из бронзы.

Среди амулетов, найденных на производственном участке селища, особенно интересны заготовки нескольких маленьких кос (без отверстий) и связка из трех железных орудий (серпов или кос) (рис. 5, 1, 3, 4), нанизанных на проволочное железное кольцо, концы которого остались не завязанными. Аналогичный амулет обнаружен в переотложенном слое при прорезке вала городища (Пушкина, 1990, с. 117, 118). Миниатюрные изображения кос вырезаны из одного медного листа и, видимо, одновременно; на поверхности одной из них хорошо различается граффити в виде переплетенных треугольников — знак Одина (рис. 5, 3, 4). Судя по всему, эти дешевые амулеты из листового металла были предназначены для небогатых скандинавов (Ениосова, 2001, с. 134, 135).

Определить время существования исследованного производственного участка помогают соотношения лепной и круговой керамики, обнаруженной в слое (5% лепной и 95% круговой), находка медной монеты императора Романа I (931–944 гг.), стеклянных щитковых перстней фиолетового цвета, многочисленного рубленного бисера, желтых и полосатых бус-«лимонок» — все это указывает на дату не ранее второй половины X, а может быть, и на начало XI в.

Особое значение приобрело открытие в 1996 г. на территории днепровской поймы (рис. 2) культурного слоя, перекрытого речными отложениями, мощность которых достигает 1,2 м. Аллювиальные наносы сохранили культурный слой непо потревоженным, уберегли его от распашки и других разрушающих факторов (Пушкина, Мурашева, Нефедов, 2001).

Стационарные работы на пойме ведутся с 1999 г. За шесть лет раскопок вскрыта площадь около 300 м² и

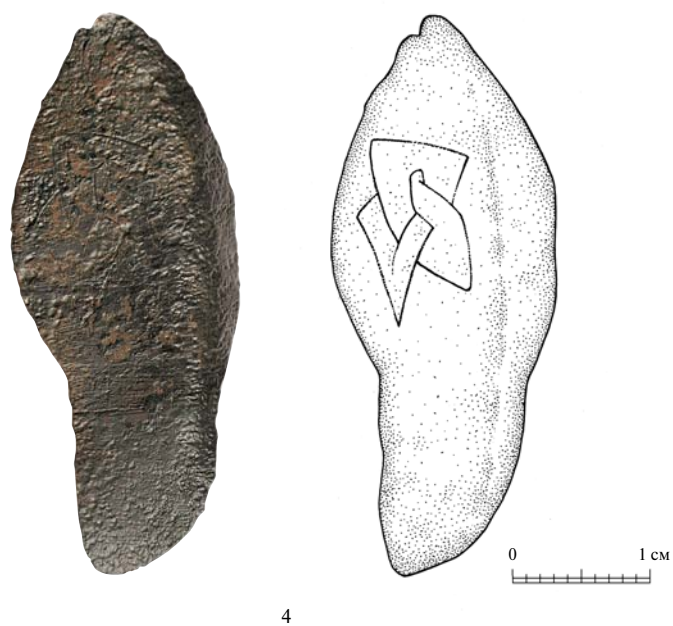

Рис. 5. Гнёздово. Находки с территории восточной части селища (раскоп ВС-10-Б)

1. Амулет в виде набора кос; 2. Бубенчик; 3. Заготовки амулетов в виде косы; 4. Заготовка амулета косы с магическим граффити.

Рис. 6. Деревянные предметы из раскопок пойменной части Гнёздовского поселения.

исследовано два совершенно различных по характеру участка. Первым был изучен переувлажненный участок с сохранившимся деревом, непосредственно примыкающий к надпойменной террасе (раскоп П-2). Прекрасно сохранившиеся культурные напластования и сложная стратиграфия позволили реконструировать историю освоения данного на первый взгляд малопригодного для жизни участка. Оказалось, что при-террасная ложбина, которая является остатком древней старицы, в гнёздовское время была постепенно засыпана песком для того, чтобы удобнее было пересекать заболоченную низинку между «верхней» частью поселения, расположенной на террасе и «нижним», пойменным участком. Однако позже на песчаной засыпке и перекрывающем ее слое оторфованного строительного мусора были возведены постройки (два строитель-

ных яруса), от которых сохранились остатки отопительного сооружения и небольшая купольная печь. Количество находок в районе сооружений относительно невелико, однако среди них можно указать три скандинавских амулета (кресаловидная подвеска и две подвески в виде миниатюрных предметов оружия).

В составе сильно переувлажненной песчаной засыпки прекрасно сохранилось дерево и были зафиксированы два настила, пересекавшие ложбину. Эти «мостки» можно считать первыми обнаруженными образцами деревянных бытовых сооружений Гнёздова (ранее были зафиксированы лишь конструкции погребальных камер).

Большая часть деревянных находок, обнаруженных во влажном песке, — это обрубки бревен и толстых веток. Среди беспорядочно расположенных фрагментов дерева был най-

ден и ряд предметов (рис. 6). «Деревянный мир» Гнёздова, конечно, пока еще весьма скромнен по сравнению с Новгородом и Старой Ладогой, однако найденные предметы несут информацию о самых разных областях жизни обитателей Гнёздова. Наиболее интересными находками можно считать дугообразный шпангоут ладьи, счетную палочку (Пушкина, Мурашева, Нефедов, 2001), деталь саней (копыл), фрагменты весел. Важнейшим итогом изучения при-террасного участка поселения является получение с помощью естественнонаучных методов целого ряда абсолютных дат. Удовлетворительная сохранность дерева дала уникальную для Гнёздова возможность получить образцы для проведения дендрохронологического анализа и пополнить материалы для дальнейшей работы по созданию гнёздовской дендрощкалы (Карпухин, 2001).

Рис. 7. Гнёздовский «идол». Конец X—начало XI в. Свинец, литье. Высота 2,9 см.

Вторая серия дат получена в результате радиоуглеродного анализа (исследованию подверглись образцы торфа, дерева и угли). Для некоторых образцов дерева удалось получить даты с помощью обоих методов. К сожалению, большинство образцов древесины, представленных для анализа, относилось к деревьям, имевшим небольшой биологический возраст, что существенно затрудняет процедуру дендроанализа (Карпухин, 2001, с. 206) и снижает убедительность результатов. Наиболее достоверная дата — 1002 г. — получена в результате исследования образца, имевшего значительный для нашей выборки возраст — 134 года. Данная дата подтверждается и результатами радиоуглеродного датирования и может служить опорной точкой для датировки вышележащих археологических напластований. Полученный результат представляется чрезвычай-

но важным, он позволяет утверждать, что строительство сооружений в при-террасной ложбине относится ко времени не ранее начала XI в. Эта дата вполне согласуется с хронологией бытования находок из состава двух строительных горизонтов, являясь, в свою очередь, основанием для датировки как всего набора индивидуальных находок, так и керамической коллекции. Важно отметить, что характер материала и его скандинавская составляющая остались неизменными и, таким образом, полученные в результате раскопок пойменной части поселения материалы подтверждают высказанные ранее предположения, что в начале XI в. Гнёздово продолжает функционировать в качестве раннегородского центра.

Другим важным итогом, полученным в результате исследований при-террасного участка, является получение информации об истории изме-

нения водного режима Днепра, позволившей датировать время начала формирования аллювиальных отложений периодом не ранее XVII в. На это указывают найденные на поверхности культурного слоя фрагменты печных зеленых (муравленых) поливных изразцов (Пушкина, Мурашева, Нефедов, 2001, с. 17). О динамике накопления речных отложений говорит находка стеклянного стакана последней четверти XIX в. на глубине 30 см от современной поверхности в нижних слоях среднего горизонта балласта. Это свидетельствует о том, что более половины речных наносов отложились за период конца XIX—XX в. Археологические данные находят подтверждение в итогах многолетних исследований почвоведов и геоморфологов, позволивших реконструировать историю изменения русла Днепра и показывающих, что в период расцвета Гнёздова оно про-

Рис. 8. Раскопки на городище Гнёздовского комплекса.

легалo гораздо ближе к Центральному городищу, чем в наши дни. Исследования продемонстрировали также, что в гнёздовское время современная территория поймы функционировала в режиме первой надпойменной террасы, соответственно, надпойменная терраса являлась второй надпойменной террасой (Зазовская, Бронникова, 2001, с. 197–201).

В 2001 г. были начаты работы на втором участке, также расположенном в пойме, на небольшой гривке между двух небольших старичных озер (второе — западное — старичное озеро лежит под южным склоном Центрального городища), вблизи южной границы распространения культурного слоя (раскоп П-8). В настоящее время раскопано 96 м², мощность культурного слоя невелика — 20–40 см (без учета ям), он оказался сухим, не содержащим органических остатков. Их отсутствие всегда затрудняет интерпретацию археологических объектов, поэтому для по-

лучения максимальной информации применялись различные методы: геохимический анализ почв (выполнен А. И. Якушевым, ИГЭМ РАН), биоморфный (выполнен А. А. Гольевой, ИГ РАН) и микологический (выполнен О. Е. Марфениной, ф-т почвоведения, МГУ) анализы. Близость раскопа к воде и использование грязевой помпы позволили осуществить полную промывку культурного слоя.

Состав находок говорит о том, что на этом участке располагался производственный комплекс, связанный с обработкой металлов. Наиболее ярко характеризуют производственную деятельность обилие металлических шлаков, большое количество фрагментов тиглей, ряд ремесленных инструментов, отдельные находки ремесленного брака, фрагменты литейных форм.

Стратиграфия и планиграфия участка (несмотря на небольшую мощность культурного слоя) оказалась достаточно сложной. Участок насы-

щен многочисленными сооружениями различного назначения, от которых сохранились лишь углубленные части. Результаты исследования показали, что некоторые разновременные сооружения, сменяя друг друга, наследуют единую структуру и являются не просто совокупностью последовательно сменяющих друг друга объектов, а, по сути, постоянно подновляемым единым комплексом. Центром исследованной структуры на разных этапах ее существования являлись объекты, связанные с обработкой металла. Анализ всей совокупности материала позволяет ограничить время существования производственного комплекса на данном участке поймы промежутком от второй четверти X в. до рубежа X–XI вв.

Находки кузнечных горнов и тем более мастерских, связанных с ювелирной деятельностью, — большая редкость для эпохи викингов. Даже если наличие на том или ином памятнике ювелирного производства

документируется находками литейных форм и бракованных изделий, следы производственных мастерских могут отсутствовать (Söderberg, 2002, p. 255). Это связано, прежде всего, с тем, что выплавка цветных металлов могла происходить в небольших очажках, рассчитанных для помещения одного тигля. Идентифицировать подобное несложное сооружение как производственное можно, лишь используя специальные методики (Söderberg, 2002, p. 264). Тем интереснее объекты, обнаруженные нами на территории гнёздовской поймы — они дают представление о различных типах производственных сооружений. Ядром исследованного производственного центра на протяжении нескольких этапов жизни на данной территории оставалась кузнечная мастерская. Полученные данные позволяют проследить динамику изменения конструкции кузницы и говорить о четырех сменяющих друг друга типах сооружений.

Самый ранний объект представляет собой двухкамерную конструкцию с восьмеркообразной углубленной частью. Многочисленные шлаки указывают на связь данного сооружения с металлообработкой. Большая часть шлаков представляет собой фрагменты ошлакованной части глиняной обмазки очага, их суммарный вес не превышает 700 г. В пределах сооружения зафиксировано 2 массивных куска кузнечного шлака весом 800 г. Они представляют собой конгломерат продуктов коррозии железа, мелких углей, кальцинированных костей и глины. Они имеют выпукловогнутую форму, типичную для шлаков, образующихся на дне очага при кузнечных работах (Bachmann, 1982, p. 9, 10). Очаг, вероятно, располагался в одной из камер постройки. Вторая камера предназначалась либо для размещения мехов, либо использовалась как емкость для хранения флюсов. Подобная конструкция археологически зафиксирована в средневековом Тронхейме при раскопках мастерской середины XII в. (McLees, 1996, p. 128, fig. 10). Полное отсут-

Рис. 9. Гнёздовское селище. Шиферная модель для изготовления ременных украшений. Высота 1,7 см.

ствие фрагментов тиглей может говорить о том, что производственная деятельность была связана только с обработкой черных металлов.

На следующем этапе был сооружен горн иной конструкции. Он представлял собой чашеобразную яму, вдоль стенки которой была возведена невысокая глиняная стена, которая должна была защищать меха от высокотемпературного воздействия. Среди фрагментов обожженной глины была найдена часть сопла. Кузнечный горн подобного вида реконструирован на основе материалов из раскопок Хедебю (Westphalen, 1989, S. 79:2).

Об усложнении производственных процессов свидетельствует набор находок, связанных с металлообработкой. Если на предыдущем этапе фиксируется лишь обработка железа, о чем свидетельствуют многочисленные шлаки, то на данном этапе можно говорить о полифункциональном характере мастерской, сочетающей ювелирное дело и обработку железа, что документируется как находками тиглей и фрагментом свинцово-оловянного слитка, так и довольно многочисленными железными шлаками. Сочетание следов цвет-

ной и черной металлообработки зафиксировано в Гнёздове не впервые. Раскопки на правом берегу р. Свинец, в западной части селища, в конце 1960-х — начале 1970-х гг. принесли многочисленные свидетельства совместной деятельности кузнецов и ювелиров в пределах одних и тех же производственных сооружений (Вешнякова, Булкин, 2001, с. 45).

Углубленный горн с глиняной стенкой по краю сменяется сооружением, от которого сохранилась яма-траншея (длина исследованной части составляет 560 см, ширина траншееобразной части от 100 до 160 см, глубина достигает 50 см). Форма ямы осложнена ступенькой, вырезанной в северном борту ямы, и небольшой «чашеобразной» частью, расположенной в южной точно над аналогичной частью ямы предшествующего этапа. На ступеньке располагался небольшой очажок, сложенный из камней. Подобные конструктивные особенности ранее уже фиксировались для производственных сооружений западной части Гнёздовского селища (Вешнякова, Булкин, 2001, с. 43). Очажки, сооруженные в стене ям, прослежены также в мастерских Городка на Ловати. В. М. Го-

рюнова отмечает, что такого типа сооружения отличают легкие конструкции с жердевым покрытием (Горюнова, 1988, с. 51, 52).

Наиболее интересные и хорошо сохранившиеся объекты относятся к финальному периоду существования производственного центра. Практически все сооружения на данном этапе связаны с обработкой черных и цветных металлов. Центром производственной зоны является развал большого каменного очага. В его центре зафиксирована мощная подушка прокаленной до оранжевого цвета супеси диаметром около 80 см. С востока к очагу примыкает яма правильной овальной формы с крутыми стенками и плоским дном. На дне ямы отмечен плотный сажисто-углистый слой. При разрушении очага часть камней обрушилась в яму. Под слоем рухнувших в яму камней залегает тонкая прослойка желтой супеси. Вполне вероятно, что она маркирует деревянное перекрытие ямы и является результатом «натопта». Возможно, как полагает Б. А. Колчин, этот предгорновой выем делал более удобным работу с мехами, расположенными на перекрывающем яму помосте (Колчин, 1953, с. 34). Интересно отметить, что анализ грибных сообществ из приочажной ямы продемонстрировал присутствие спор грибов, разрушающих кератин и развивающихся на шерсти, перьях, волосах и коже, — возможно, это свидетельство присутствия в этом районе кожаных мехов.

Слой, связанный с финальным этапом, изобилует находками, преобладающее количество которых связано с производственными процессами. Среди инструментов для литья доминируют тигли. Редким типом плавильного сосуда является купель — это плоскодонное блюдо диаметром 60 мм (найден его фрагмент). Форма сосуда, а также состав металла, обнаруженного на его стенках в виде мельчайших капель (серебро и свинец) позволяют утверждать, что его использовали для очистки серебра от примесей — купеляции. Считается, что находки сосудов для купеляции

среди остатков цветной металлообработки свидетельствуют об умении очищать благородные металлы и, следовательно, о высоком уровне мастерства ювелиров (Мурашева, Фетисов, Енисова, 2003, с. 104–106).

Анализ заполнения тиглей, литейных форм слитков и выплесков металла, пластин, заготовок, полуфабрикатов и отходов производства, а также готовых изделий дает возможность получить максимально полное представление о сырьевой базе ювелиров пойменной мастерской. Помимо серебра они также использовали высокопробное золото, чистую медь, бронзу, латунь и легкоплавкие сплавы. Тем не менее специализация этой мастерской — обработка благородных металлов — очевидна.

Примечательно, что на раскопанном участке пойменной мастерской впервые зафиксирована концентрация сырьевых продуктов и производственных отходов из золота. Редчайшей находкой является миниатюрный золотой слиток (вес 3,1 г) очень высокой пробы со следами ударов ювелирного молоточка. Практически аналогичный слиток найден в 2003 году на Центральном гнёздовском городище. Несмотря на то что золотые слитки встречаются иногда в составе кладов эпохи викингов, на поселении в производственном контексте прежде был известен лишь один экземпляр из Хедебю (Armbruster, 2002, S. 132, 133, Abb. 1, 2).

Отдельные детали позволяют выдвинуть гипотезу относительно ассортимента продукции мастерской. Есть основания предполагать, что исследованная мастерская связана со скандинавской производственной традицией. Об этом свидетельствуют найденные свинцовые гирьки (подобные гирьки различной формы часто встречаются в контексте аристократических мастерских Скандинавии эпохи викингов — см. Owen, 1999, p. 118–126), два обломка глиняных литейных форм для отливки овальных фибул, а также фрагмент рубчатой («бусинной») проволоки, изготовленной с помощью специаль-

ного инструмента — органариума и часто использовавшейся в скандинавских ювелирных украшениях. В пределах мастерской найдены также предметы очевидного скандинавского происхождения — это кресаловидная подвеска-амулет, пряжка, украшенная в стиле Борре. Самой яркой находкой является небольшая антропоморфная фигурка из свинца — гнёздовский «идол». Точные аналогии ей неизвестны, однако ряд черт указывает, вероятно, на ее северное происхождение (рис. 7).

Однако скандинавская составляющая не исчерпывает характеристику мастерской. Важнейшей находкой в контексте исследования производственных традиций является еще один инструмент мастера-литейщика — первоначальная модель для изготовления ременных бляшек (рис. 9). Модель является находкой уникальной, она изготовлена из розового шифера и воспроизводит ременную сердцевидную бляшку с каплевидными выступами по краю. Бляшки подобного облика относятся к волжско-болгарской традиции (Мурашева, 2000, с. 26, 27). Первоначальная модель использовалась в качестве штампа, который многократно оттискивался в глину для получения одной из створок литейной формы.

Еще одним свидетельством изготовления в пойменной мастерской ременных украшений волжско-болгарской традиции может являться небольшая бляшка от сумки с прямыми, не загнутыми штифтами, что свидетельствует о том, что она еще не была закреплена на готовом изделии.

Таким образом, у нас есть все основания считать, что в мастерской изготавливались предметы в рамках различных, весьма далеких друг от друга ремесленных традиций. Можно, однако, полагать, что механизм появления этих традиций различен. Весь контекст памятников, аналогичных Гнёздову (Рюриково Городище, Старая Ладога и др.) говорит о том, что в составе скандинавских переселенцев были и ремесленники. Они работали в рамках своих тради-

Рис. 10. Гнёздовское селище. Шарнирные ножницы с арабской надписью. Длина 11,5 см.

Рис. 11. Гнёздовское селище. Клад 1993 г. Серьги волинского типа с геометрическим скано-зерненым орнаментом. Серебро, золочение, скань, зернь. X в. Вольть.

*Рис. 12. Гнёздовский Клад 1993 г. Лунницы с геометрическим скано-зерненым орнаментом.
Серебро, скань, зернь, X–XI вв.*

Рис. 13. Гнёздовский клад 1993 г. Подвеска скандинавского типа с отверстием в центре. Серебро, литье, золочение. X—XI вв.

ций и обслуживали соотечественников (Ениосова, 2001, с. 90, 91). Говорить же о массовых переселениях в Верхнее Поднепровье населения из Волжской Болгарии у нас нет никаких оснований. Находки в районе пойменной мастерской позволяют говорить не только об импорте вещей, но и об импорте ремесленных традиций (их механизмы мы в данном случае не рассматриваем).

Среди находок, не связанных с инструментарием ремесленников, хочется отметить первый в Гнёздове (не считая монет) предмет с арабской надписью — это шарнирные ножницы (рис. 10). Надпись на ручке читается как «аллах» (прочтение А. В. Фомина, отдел нумизматики ГИМ), ряд деталей позволяет предполагать, что она нанесена при изготовлении предмета. Шарнирные ножницы на территории Восточной и Северной Европы в IX—XI вв. были гораздо менее распространены, чем пружинные. Еще В. И. Сизов предполагал, что «пропаганда этого рода ножниц была

делом арабов» (Сизов, 1902, с. 56). Находка в Гнёздове ножниц с куфической надписью — прекрасное подтверждение предположения В. И. Сизова об арабском происхождении этого вида изделий на территории Восточной Европы.

Таким образом, из года в год исследования Гнёздова приносят новые, иногда неожиданные материалы, подтверждая надежды на результативность планомерных комплексных работ по изучению этого интересного памятника. Памятника, непоправимый урон которому наносят хищнические грабительские раскопки, особенно активно развернувшиеся в последние годы.

Одним из наиболее интересных открытий, сделанных в ходе работ экспедиции, был клад (рис. 11—13), найденный на территории селища в 1993 г. Важно то, что вещи были обнаружены в процессе археологических раскопок, что позволило максимально точно зафиксировать контекст находки и собрать комплекс

целиком. Этот клад стал третьим по счету среди найденных сотрудниками экспедиции.

Клад найден в неглубокой, видимо, специально для него вырытой ямке, верхняя часть заполнения которой оказалась потревоженной в ходе пахотных работ во второй половине XX в. Вся находка состояла из 369 целых предметов и небольшого количества расслоившихся стеклянных бус. Серебряные украшения, ременные кольца, несколько железных гирек и восточные монеты были плотно уложены и, вероятно, завернуты в бересту, от которой сохранилось несколько обрывков. Среди вещей отмечены мелкие кусочки кожи (остатки сумки?), а на некоторых монетах — отпечатки текстиля.

Анализ вещевого состава клада позволил вписать его в круг немногочисленных, но очень выразительных древнерусских кладов X—рубежа XI в., для которых характерны легкие тисненные серебряные украшения с зернью и сканью. Большинство

аналогий найденным в Гнёздовском кладе зерненым украшениям известно по находкам на территории Волыни. В связи с этим в первую очередь обращают на себя внимание несколько так называемых колец волынского

типа, которые до сих пор не были известны в Поднепровье. Клад можно рассматривать как некую сознательно отобранную группу используемых украшений, деталей костюма и быта, которые, представляя определенную

ценность для их владельцев, были спрятаны ввиду грозящей опасности. Время сокрытия клада условно определяется по датам младших монет из его монетного состава — это 50-е гг. X в.

¹ Полевые исследования Смоленской археологической экспедиции в течение ряда лет ведутся при поддержке РГНФ. Активное участие в этих работах приняли С. А. Авдусина, С. Ю. Каинов, И. В. Кураев, Н. Н. Малышева, В. С. Нефёдов,

С. А. Рузанова, И. Г. Сарачев, А. А. Фетисов.

² Образцы определены Н. А. Кирьяновой, любезно ознакомившей нас с предварительными результатами ее наблюдений.

БИБЛИОГРАФИЯ

Вешнякова К. В., Булкин В. А., 2001. Ремесленный комплекс гнёздовского поселения (по материалам раскопок И. И. Ляпушкина) // Гнёздово. 125 лет исследования памятника: Археологический сб. Тр. ГИМ. Вып. 124.

Горюнова В. М., 1988. Ремесленные комплексы (X—нач. XI в.) Городка на Ловати // Тр. V Междунар. конгресса археологов-славистов. Секция 3. Киев. Т. 2.

Ениосова Н. В., 2001. Скандинавские рельефные фибулы из Гнёздова // Гнёздово. 125 лет исследования памятника: Археологический сб. Тр. ГИМ. Вып. 124.

Ениосова Н. В., 2001. О производстве скандинавских подвесок-амулетов в Гнёздове // XIV конференция по изучению скандинавских стран и Финляндии. Тез. докл. Архангельск.

Жарнов Ю. Э., 1992. Погребальный обряд в Древней Руси по материалам гнёздовского некрополя: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М.

Зазовская Э. П., Бронникова М. А., 2001. Палеоландшафты Гнёздова: реконструкции, перспективы исследования // Гнёздово. 125 лет исследования памятника: Археологический сб. Тр. ГИМ. Вып. 124.

Карпунин А. А., 2001. Некоторые результаты дендроанализа материалов из раскопок в Гнёздове // Гнёздово. 125 лет исследования памятника: Археологический сб. Тр. ГИМ. Вып. 124.

Колчин Б. А., 1953. Черная металлургия и металлообработка в Древней Руси // МИА. № 32.

Колчин Б. А., 1959. Железообрабатывающее ремесло Новгорода Великого // МИА. № 65.

Мурашева В. В., 2000. Древнерусские ременные наборные украшения (X—XIII вв.). М.

Мурашева В. В., Нефедов В. С., 2002. Сошники из Гнёздова // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Великий Новгород. Вып. 16.

Мурашева В. В., Фетисов А. А., Ениосова Н. В., 2003. Производственный комплекс на территории пойменной части Гнёз-

довского поселения // Ладога и истоки российской государственности и культуры. СПб.

Пушкина Т. А., 1990. Три амулета из Гнёздова // Проблемы археологии Евразии. М.

Пушкина Т. А., 1996. Новый гнёздовский клад // Древнейшие государства Восточной Европы. 1994. Новое в нумизматике. М.

Пушкина Т. А., 2001. Гнёздово: итоги и задачи исследования // Гнёздово. 125 лет исследования памятника: Археологический сб. Тр. ГИМ. Вып. 124.

Пушкина Т. А., Мурашева В. В., Нефедов В. С., 2001. Новое в изучении Центрального селища в Гнёздове // Гнёздово. 125 лет исследования памятника: Археологический сб. Тр. ГИМ. Вып. 124.

Спицын А. А., 1905. Гнёздовские курганы в раскопках С. И. Сергеева // ИАК. СПб. Вып. 15.

Armbruster B., 2002. Goldschmiede in Haithabu — Ein Beitrag zum frümittelalterlichen Metallhandwerk // Das archäologische Fundmaterial VII. Berichte über die Ausgrabungen in Haithabu. Bericht 34. Neumünster.

Bachmann H.-G., 1982. The identification of slags from archaeological finds // Occasional Publication of Institute Archaeology, University of London. L. No. 6.

Marion H., 1971. Metalwork and Enameling. N.Y.

McLees C., 1996. Itinerant craftsmen, permanent smithies and the archaeobishop's mint: the character and context of metalworking in medieval Tronheim // The Journal of the Historical Metallurgy Society. L. Vol. 30, No. 2.

Owen O., 1999. The lead bullion weights // Scar. A Viking Boat Burial on Sanday, Orkney. East Liton.

Söderberg A., 2002. Metalliska spar efter gjuteriverksamhet — en skiss till en arkeologisk fältmetod // Fornvännen, 97.

Westphalen P., 1989. Die Eisenschlacken von Haithabu // Bericht über die Ausgrabungen in Haithabu. Bericht 26. Neumünster.

Древнерусский некрополь Пскова

Когда-то на рубеже 60-х–70-х годов прошлого века одному из авторов настоящей статьи был задан вопрос: «Где же в древнерусское время псковичи хоронили своих умерших? Где языческое кладбище Пскова?» Вопрос был вполне закономерен: культурные отложения X–XI вв. были известны во многих местах Пскова (Кремль, Довмонтов город, древняя часть Среднего города). Несколькими столетиями раньше возникло первое поселение. Раскопки, проводившиеся в Пскове в 1930–1970 гг., открыли разные участки первоначального поселения и посада Пскова X–XVII вв., но на них остатков погребений раннего Пскова не было обнаружено. Погребальные памятники древнерусского времени изучались хотя и не во всех, но во многих городах Руси. Очевидно, что исследование раннегородских некрополей значительно дополняет данные об истории городов на стадии их становления, в частности, многое сообщает о его населении. Действительно, где же находится древнерусское кладбище раннего Пскова?

Тогда, более 35 лет назад, автор вопроса услышал в ответ лишь следующее: 1. О таком месте археологам ничего неизвестно; 2. Возможно, оно оказалось уничтоженным в ходе развития города, как случилось с киевским некрополем на Старокиевской

горе; 3. Не исключено, что место захоронений находилось за рекой Великой, на Завеличье, где в 1886 и 1940 гг. было открыто несколько погребений.

Целенаправленных поисков некрополя раннего Пскова не велось. В 50-е–60-е годы основные археологические изыскания были связаны с реставрацией и музеефикацией архитектурных ансамблей Кремля и Довмонтова города, раскопками на местах будущего строительства (Лабутина, 1993, с. 31–44).

Открытие первого погребения произошло в 1974 г. в ходе очередных охранных раскопок, на участке строительства столовой педагогического института (рис. 1, А). Оно случилось неожиданно, когда культурный слой был снят и шла зачистка песка под ним. В песке был обнаружен настил из березовых бревен, провалившийся в яму, которая оказалась могильной. В яме со стенками, облицованными деревом и деревянным полом, находились костные останки мужчины, а при нем — наконечник копья и донце берестяного сосуда или туеса. Курганная насыпь над погребением была уничтожена в ходе застройки участка (Лабутина, 1983б, с. 149–158; Лабутина, 1992, с. 64–69). Погребение было датировано X–началом XI в. По параметрам погребального сооружения

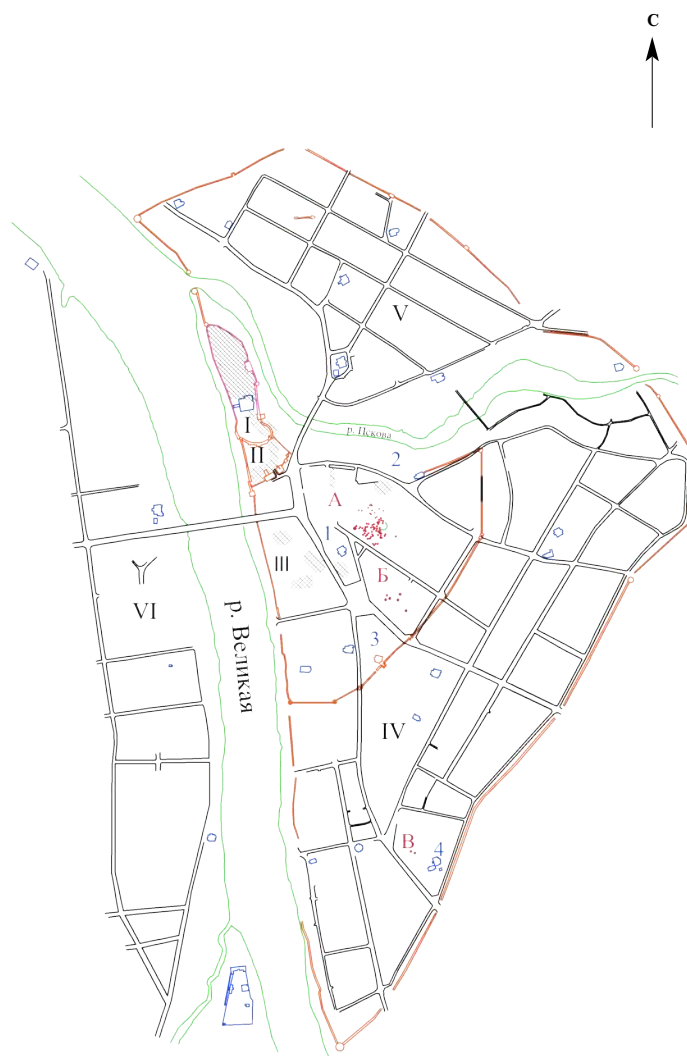
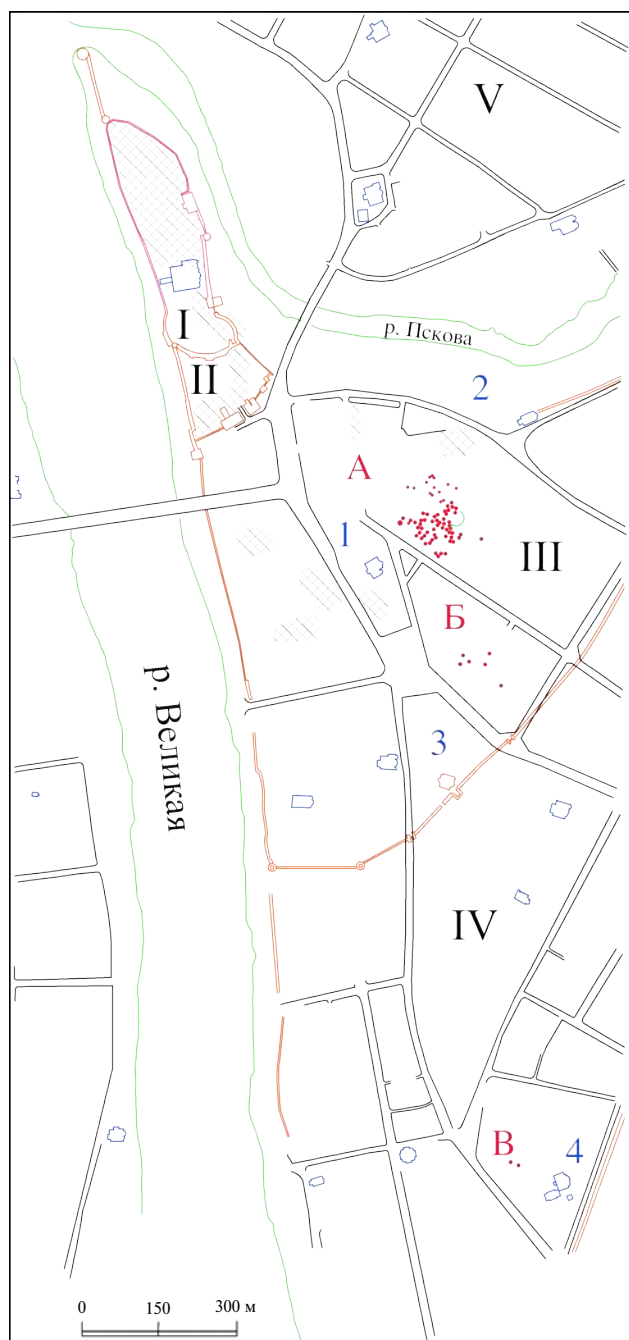
оно может быть признано камерным. Этот же раскоп содержал одно погребение по обряду кремации (№ 2).

Открытие захоронений было продолжено при охранных раскопках на обширном участке по соседству с педагогическим институтом, на улице Ленина. Начавшись в 1976 г., работы продолжались здесь по 1991 г., и каждый раз, завершая раскоп и выходя на песчаные отложения, археологи уже ожидали встречи с остатками древнерусского некрополя. Для поиска захоронений была выбрана специальная методика, требовавшая тщательного наблюдения за стратиграфией песчаных отложений и выявления пятен древнего дерна периода существования кладбища. Так были обнаружены десятки погребений.

Завершая работы на улице Ленина, мы не предполагали, что скоро встретимся с некрополем вновь. В нашей статье мы часто употребляем слово «неожиданно». Для археологов, проводивших в 1998 г. работы на Октябрьском проспекте (Трупеховские раскопы) такой неожиданностью стало открытие новых погребений, по обряду и датам близких ранее исследованным на улице Ленина (рис. 1, Б).

Еще более сенсационной стала находка в 2003–2004 гг. двух камерных погребений на большом удалении от ранее изученных участков, на

- Крепостные сооружения
- Приходские и монастырские храмы
- Погребения
- Святилище
- Участки культурного слоя, содержавшие отложения X—начала XI в. (схематично)

Крепостные сооружения:

- I. Кром
- II. Довмонтов город
- III. Средний город
- IV. Окольный город (Полонище)
- V. Окольный город (Запсковье)

Приходские и монастырские храмы:

- 1. Св. Михаила и Гавриила Архангелов
- 2. Св. Петра и Павла с Буя
- 3. Св. Василия на Горке
- 4. Старое Вознесение

Погребения:

- A. В раскопах на ул. Ленина (№ 1–73);
- B. В Трупеховских раскопах (№ 74–79);
- B. В Старовознесенских раскопах (№ 80–81)

Рис. 1. План Пскова с обозначением археологических объектов X—начала XI в.

Старовознесенских раскопах (рис. 1, В). Одно из погребений, 1(80), хотя и утратило намогильное сооружение, представляло собой закрытый комплекс: сохранились человеческие останки и сопровождающие предметы. Несомненно, что по составу инвентаря и чертам погребального обряда это самый яркий памятник псковского некрополя.

Основная часть настоящей статьи посвящена погребениям Трупеховских и Старовознесенских раскопов. Исследование материалов происходящих из них погребений еще не завершено. Вместе с тем очевидно, что все рассматриваемые здесь участки псковского некрополя синхронны в рамках X—первой половины XI в. и принадлежат раннегородскому периоду истории Пскова, чем отличаются от более поздних погребальных памятников XI—XVII вв., известных здесь. Поэтому характеристике изученных в последние годы погребений предпосылается краткий текст о результатах исследований участка некрополя на улице Ленина. В обозначении погребений наряду с полевым номером употреблена сквозная нумерация погребений, продолжающая номера, присвоенные при раскопках на улице Ленина.

Раскопы на улице Ленина

Группа раскопов (А, Б, I—XVI) общей площадью 9268 м² располагалась в западной части квартала с границами по ул. Ленина, Пушкина, К. Маркса, Воровского и пл. Ленина (Лабутина, 1996а, с. 16, рис. 2; с. 28, рис. 12). Эта территория междуречья в период Средневековья находилась в пределах третьего пояса укреплений Пскова, построенных в 1309 г. В первой половине XIV в. она носила название Застенья, позднее, со строительством еще двух линий укреплений, считалась частью Среднего города. Здесь уже в X—XI вв. существовал посад Пскова. Сохранившиеся средневековые ориентиры — церкви

Св. Михаила и Гавриила в Городце и Св. Петра и Павла с Буя (рис. 1, I, 2), между которыми находился участок раскопок. Мощность культурного слоя — 2,6–6,1 м. Со времени освоения под застройку в течение всего средневековья территория была занята дворовой застройкой, уличными коммуникациями.

Раскопки показали, что на месте раскопов (а также за их пределами) существовала возвышенность с максимальными перепадами высот около 4 м, с особенно выраженным падением поверхности в сторону р. Псковы (Вязкова, Милютина, 1996; Яковлева, 2001, с. 90–91).

Остатки открытых погребений и связанных с ними сооружений располагались на вершине и преимущественно на верхних склонах плато. Они изучались в сезоны 1974, 1976, 1978, 1979, 1981, 1984, 1985, 1987–1991 гг. во всех раскопах, кроме А, IXА, XIV, Ш-1, Ш-2, где они не были обнаружены, и XV (раскоп законсервирован). Руководители работ (в порядке открытия погребений): И. К. Лабутина, В. И. Кильдюшевский, Ю. Л. Шапова, О. К. Волочкова, Н. Н. Фараджева, В. В. Седов, И. О. Колосова, С. Э. Козлов, Т. Ю. Закурина, К. М. Плоткин (Лабутина, 1996а, с. 44, 45, табл.).

Выявлены 73 погребения (Лабутина, 1996, с. 43, рис. 25), в том числе 40 — со следами курганных насыпей. Погребения и связанные с ними сооружения стратиграфически относились к слою функционирования и разрушения некрополя, представленному слабогумусированными песчаными отложениями мощностью 0,05–0,96 м, в которых встречались предметы из разрушенных погребений и другие вещественные остатки функционирования кладбища. Определимые курганные насыпи имели круглую, реже овальную форму. Диаметр 3,4–12/14 м, высота сохранившейся части 0,05–0,66 м. В десяти случаях были обнаружены следы ровиков. Из 73 погребальных комплексов 23 определены как закрытые, остальные в разной степени нарушены

(Милютина, 1994, с. 130–132). В обряде захоронения преобладает кремация — 90,4% (66 погребений, в т. ч. урновые — 23), наибольшая часть погребенных сожжена на стороне. Ингумация представлена 9,6% (7 погребений, в т. ч. 2 камерные). Инвентарь сопровождал 40 погребений по способу кремации и 6 погребений по способу ингумации (Милютина, 1994, с. 133, 136, 147, 148). 8 из остальных погребений можно с определенностью считать безынвентарными; состояние сохранности остальных не позволяет это утверждать (Малышева, 2004, с. 18). Все останки умерших и кости животных из погребений определялись антропологами и зоологами (Е. Г. Андреева, И. И. Беман, В. И. Хартанович, Н. Н. Мамонова, В. Н. Звягин, Г. П. Романова, М. Козловская, В. П. Данильченко), часть заключений которых опубликована (Андреева, 1996; Хартанович, 1996). Все погребения опубликованы авторами раскопок и другими исследователями некрополя (Лабутина, Кильдюшевский, Урьева, 1981; Лабутина, 1983б; Она же, 1992; Колосова, Милютина, 1994; Милютина, 1996а; Милютина, 1996б; Лабутина, 1996б; Волочкова, Закурина, 1996б; Кильдюшевский, 1996; Колосова, Милютина, 1996; Плоткин, 1996). В составе территории некрополя, на самом высоком месте плато, вблизи протекавшего здесь в древности ручья было обнаружено святилище, действовавшее в X в., окруженное ровиком с перемычкой с двумя столбовыми ямами в центре (рис. 1, А), а неподалеку от него — культовый камень (Лабутина, 1989а; 1989б; 1996а, с. 47, рис. 25).

Итоги исследования участка некрополя на ул. Ленина подведены в двух обобщающих докладах на международных научных конференциях (Милютина, 1997; Малышева (Милютина), 2003) и диссертационном исследовании (Малышева, 2004).

Анализ инвентаря погребений позволил сделать вывод об их малоинвентарности. Этот признак наблюдается и в двух камерных захоронениях

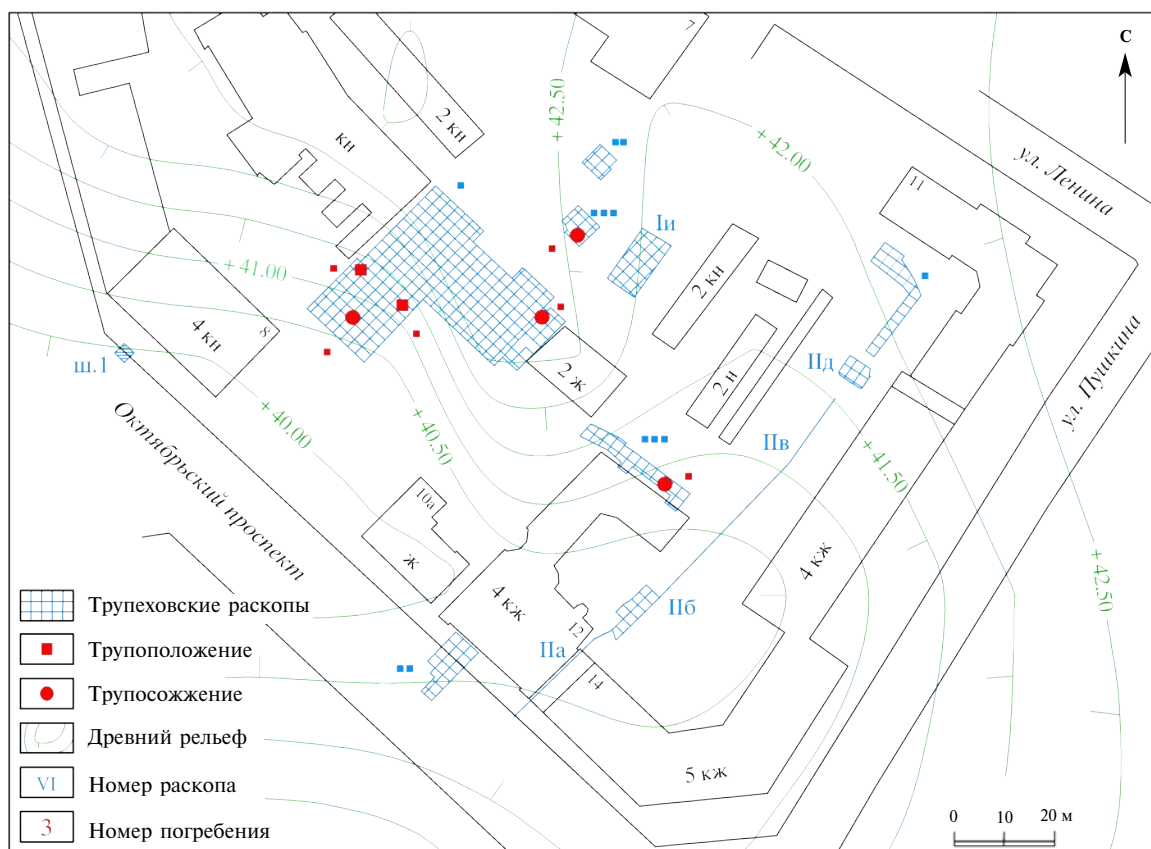

Рис. 2. Псков. Трупеховские раскопы. Ситуационный план с обозначением погребений.

(1, 15). Среди погребений отчетливо выделяется по содержанию и количеству вещевой комплекс самого большого кургана участка — с погребением 57, подвергшимся частичному разрушению (Колосова, Милютина, 1994). По вещевому инвентарю прослеживаются две культурные традиции: скандинавская (погребения 4, 15, 20, 46, 57) и славянская (малоинвентарные погребения, лепная и круговая керамика разных форм, височное кольцо из погребения 73). Вещевой комплекс и соотношение с датой нижней части культурного слоя, как и обряд погребения, позволили определить общую дату существования некрополя как X—начало XI в. Очевидно, что курганный могильник не ограничивался изученным участком. Отчетливо прослежена лишь его северная граница, выявленная в раскопе X. Здесь некрополь примыкал к участку синхронной застройки посада второй половины X—начала XI в. (Плоткин, 1996).

Трупеховские раскопы

Раскопы находились в междуречье рек Великая и Пскова, примерно в 400 м к востоку от правого берега р. Великой. Здесь, в юго-восточной части квартала, ограниченного Октябрьским проспектом и улицами Ленина и Пушкина, в 1998 г. были проведены охранные археологические работы на месте строительства дома (Октябрьский пр., 106) и коммуникаций в квартале (рис. 1, Б; 2). Исследованная территория в XIV—XV вв. входила в состав молодой части Среднего города, занимая промежуточное положение между крепостными укреплениями 1309 и 1374/1375 гг. От раскопов на ул. Ленина ее отделяло расстояние в 150 м. Ближайший средневековый ориентир — церковь Василия на Горке (на другой стороне Октябрьского проспекта) (рис. 1, 3). Название раскопов происходит от наименования ближайшей средневековой улицы — Трупехова. К

моменту раскопок территория молодой части Среднего города оставалась слабо изученной.

Общая площадь раскопов 1225 м². Мощность культурного слоя от поверхности (уровень условного нуля — +45,57 в Балтийской системе высот) колебалась в пределах 0,8–4,7 м, на большей части раскопов в границах 2–3,5 м. Раскопки показали, что древний рельеф участка сильно отличался от современного. На уровне подошвы культурного слоя, как выяснилось, участок входил в состав небольшого песчаного плато, вытянутого с СЗ на ЮВ и смыкавшегося с плато, выявленным в раскопах на ул. Ленина. К ЮЮЗ плато имело существенное понижение; в древности у его подножия существовал водоем, склон которого был выявлен на южном участке раскопов (рис. 2). Освоение участка началось с верхней части плато (XII—XIII вв.). В отложениях XIII в. были открыты первые дворы. Отложения XIV—XV вв. содержали остат-

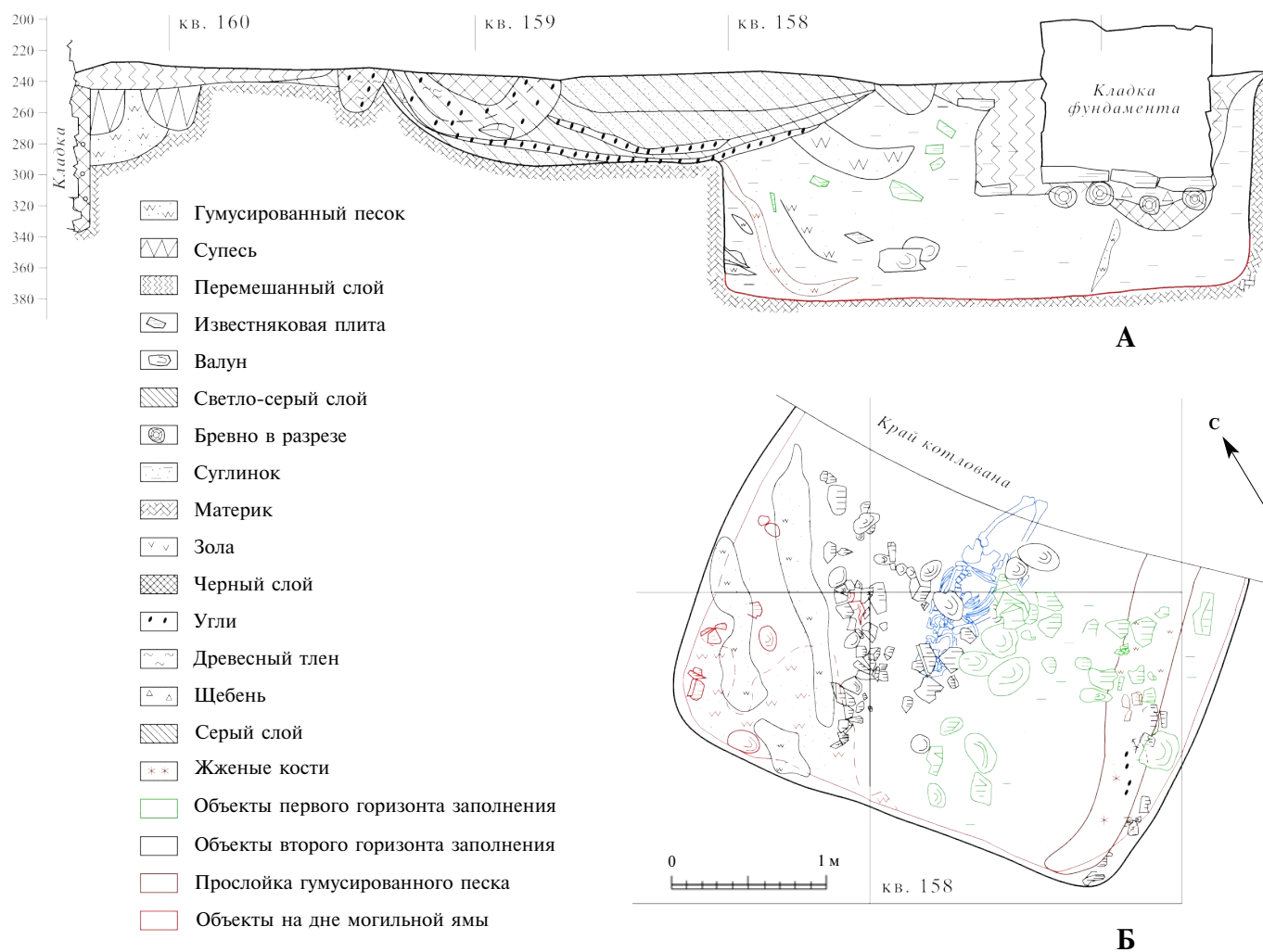

Рис. 3. Псков. Трупеховский I раскоп, погребение I (74).

А. Разрез могильной ямы и прилегающего к ней культурного слоя; Б. План погребения I (горизонты заполнения могильной ямы).

ки обычной дворовой застройки, для части которой были получены надежные дендрохронологические даты.

Открытие погребений в песчаных отложениях под культурным слоем было совершенно неожиданным и несомненно важным для истории города. Раскопками погребений руководили Т. Ю. Закурина, М. И. Кулакова, Е. В. Салмина, Е. А. Яковлева (Закурина, Кулакова, Яковлева, 2000, с. 21–23; Салмина, 2000; 2001). Исследование рельефа выполнялось Е. А. Яковлевой (2001). Изучение материалов погребальных комплексов продолжается.

Погребение I (74). Раскоп I, уч. Б, Е, кв. 151, 151а, 158, 158а, пл. 12–19. Было обнаружено во время исследова-

ния северного участка раскопа, где находился котлован, оставленный фундаментами позднего здания (Закурина, 2001, с. 145–147).

При зачистке южной стенки котлована на глубине ок. 2,5 м от современной дневной поверхности обнаружены бедренные кости человека, лежавшие в анатомическом порядке в направлении ССВ–ЮЮЗ. Остальная часть костяка была перекрыта напластованиями земли, представленными плотным гумусированным суглинком светло-коричневого цвета мощностью 1,3 м.

Зачистка стенки котлована дала возможность выявить разрез могильной ямы и проследить ее параметры и ряд конструктивных деталей. В

частности, с восточной стороны четко читалась прослойка светло-серой активно гумусированной супеси мощностью 2–4 см. Прослойка залегала наклонно по всей высоте могильной ямы от края до дна, перекрывая костяк и почти соприкасаясь с ним. Стены могильной ямы были выявлены при исследовании ее заполнения по разнице структур. Между прослойкой гумусированной супеси и стенами ямы, представленными плотным суглинком коричневого цвета, был выявлен слой комковатой коричневой глины, толщина которого от края могильной ямы до прослойки гумусированного песка в верхней части ямы составляла около 2 см, в нижней до 40 см (рис. 3, Б).

Рис. 4. Псков. Трупеховский I раскоп, погребение 1(74). Гребень односторонний составной. Длина 11,8 см.

Данная находка позволила спрогнозировать ход дальнейших исследований. Стало очевидным, что к югу от местонахождения костей, выявленных в разрезе стенки котлована, располагалось погребение.

В плане могильная яма была выявлена в южной части раскопа после исследования хозяйственных ям периода освоения участка под жилую застройку в XII–XIII вв. и разборки плитнякового фундамента современного здания. Таким образом, в результате активной хозяйственной деятельности верхняя часть заполнения могильной ямы и насыпи, если таковая существовала, были полностью уничтожены. Это не позволило установить уровень дневной поверхности формирования могильной ямы.

Наиболее высокая точка материка над могильной ямой составила 1,2 м от современной дневной поверхности. Эта точка явилась и самой высокой на всей исследованной площади. В целом поверхность материка имела заметный уклон в юго-западном направлении. При размахе в 13 м перепад высот составил около 2 м. Таким образом, погребение 1 располагалось на одной из господствующих высот у склона плато.

В ходе изучения могильной ямы в составе ее заполнения было выявлено два горизонта камней (рис. 3, А). Первый горизонт — на глубине 1,66–2 м в восточной части ямы, второй — на глубине 2,05–2,42 м в западной части ямы. В составе этого скопления найден небольшой фрагмент гончарного глиняного сосуда. Кроме того, в заполнении выявлены прослойки гумусированной супеси, одна из которых залегала в виде узкого языка наклонно по восточной стенке от верхнего края ямы до дна, другие на дне ямы (рис. 3, А).

В результате исследования установлено, что погребальная яма имела прямоугольную в плане форму с почти отвесными стенами и горизонтальным дном с небольшим уклоном в северо-восточном направлении. Максимальная ширина дна ямы не менее 3,2 м, длина ямы не установлена, исследованная часть составила более 2 м, глубина — не менее 1,3 м.

В центральной части на дне могильной ямы находился костяк мужчины 35–45 лет, лежавший на спине в анатомическом порядке и ориентированный головой на юго-юго-запад (определение костных останков

сделано Д. В. Пежемским). Сохранились практически все кости скелета, кроме голеней и стоп, уничтоженных при рытье котлована.

Правая рука вытянута вдоль туловища, под кистью обнаружен односторонний составной костяной гребень (рис. 4). Левая рука согнута в локте и положена поперек туловища, кисть покоилась на правом бедре. Позвонки поясничного отдела сдвинуты влево. Под костяком, на костях черепа, рук и грудной клетки выявлен слой мелкоструктурного, рыхлого темно-коричневого глина.

При расчистке костей черепа, предплечий, грудной клетки и таза были обнаружены скопления золотых нитей, наибольшее количество которых выявлено в районе предплечий и шейного отдела позвоночника.

Рассматривая состав псковского некрополя в целом, можно сказать, что данное погребение и по внешним, конструктивным признакам, и по составу инвентаря является уникальным для Пскова. Несмотря на то, что погребение сохранилось частично, в нашем распоряжении имеется информация для характеристики представленного в данном случае погребального обряда.

Известно, что для древнерусских могильников данного периода важной проблемой является дифференциация погребений с труположениями на камерные и погребения в могильных ямах.

Является ли рассматриваемая находка обычной ингумацией в могильной яме или камерным погребением? Попытка оценки этой находки заставляет обратиться к хорошо изученным памятникам с ингумациями в ямах.

Наиболее разработана типология камерных погребений на материалах Бирки и Гнёздова. При анализе материалов Гнёздова использованы жесткие количественные критерии (Авдусин, Пушкина, 1989; Жарнов, 1992, с. 12). К камерным могут быть отнесены только ингумации в ямах со следами деревянных конструкций, ширина дна ямы не менее 140–150 см, а соотношение ширины и длины — от 0,6 до 1 м.

Ориентируясь на приведенные критерии, мы можем заключить, что по своим параметрам могильная яма погребения I сходна с погребениями, отнесенными в Бирке и Гнёздове к камерным.

Деревянные конструкции в яме не прослеживаются. Тем не менее в заполнении ямы и на ее дне обнаружены прослойки активно гумусированной супеси. Ориентировка и характер их залегания дают основание предположить, что они могут представлять собой остатки каких-то конструкций, перекрывавших могильную яму и уложенных на ее дно в момент совершения погребения. Сходная картина наблюдалась в погребении I(80) Старовознесенского раскопа. Пробы земли, взятые из подобных прослоек, свидетельствуют о наличии древесного детрита, характерного для остатков разложившегося дерева.

Особый интерес в составе погребения представляет собой находка остатков погребальной одежды, представленных нитями золотного шитья. Находки золотных нитей, обнаруженных в виде скоплений на костяке и в непосредственной близости от не-

го, свидетельствуют о том, что часть одежды погребенного была изготовлена из роскошной ткани. Исследование образцов нитей, взятых с нижней челюсти и с костей позвоночника, позволило определить характер технологии изготовления этой ткани. По заключению О. В. Орфинской, при изготовлении части костюма погребенного использована вышивка золотной нитью «в прокол» и «в прикреп». Подобная вышивка выполнялась только на шелковых тканях (Фехнер, 1993, с. 4). Возможно, это плащ с воротником, сшитый из шелка. Как указывает М. В. Фехнер, «одежда из дорогих шелковых тканей была распространена только в среде светской и духовной знати» (Фехнер, 1993, с. 4).

Для датировки и характеристики обряда погребения важное значение имеет находка составного одностороннего гребня (рис. 4). Гребень имеет «рожки» на концах накладок и геометрический орнамент из двойных линий. Части гребня соединены металлическими штифтами. Гребень может быть отнесен к гребням второй группы, типа 2, по О. И. Давидан (1999). Гребни с «рожками» на концах накладки (тип Б, по Амброзиани) становятся характерными для Скандинавии с конца IX — начала X в. (Давидан, 1999, с. 171).

Односторонние составные гребни второй группы встречаются в памятниках Восточной и Западной Европы IX–XI вв. (Давидан, 1962, с. 101), на Руси бытуют до первой половины XI в. (Рыбина, Розенфельдт, 1997, с. 21).

Известны немногие случаи более узкого датирования гребней 2-го типа второй группы из древнерусских памятников. Один из таких гребней найден в Старой Ладогe — горизонт Д, нижний пласт (Давидан, 1999, с. 170–171, рис. 2, 9). По данным дендрохронологии, начальные отложения горизонта Д отнесены ко второй четверти — середине X в. (Рябинин, Черных, 1988, с. 94–99; Черных, 1996, с. 113; 114, рис. 17). В соответствии с ярусной стратиграфи-

ей нижний пласт горизонта Д датируется 920-ми — 970-ми гг. (Кузьмин, 1997, с. 345, табл. 1).

Два гребня с выступами на концах накладок из комплекса второй четверти X в. и слоя второй половины — конца X в. Рюрикова городища опубликованы Е. Н. Носовым (1990, с. 70, 71, рис. 28, 3; 72, рис. 29, 2).

Один экземпляр такого гребня происходит из доярусного слоя раскопа X на ул. Ленина в Пскове, датируемого серединой — второй половиной X в. (Плоткин, 1996, с. 165, рис. 4, 3; 166). Гребни из погребений и слой некрополя на ул. Ленина в большинстве своем могут быть отнесены ко второй группе, однако плохая сохранность не дает возможности определить тип (Малышева, 2004, с. 22, 23).

Эти и другие возможные примеры не исключают, однако, датирования погребального комплекса первой половиной XI в., учитывая позднюю дату бытования подобных гребней.

Погребение 2(75). Раскоп I, уч. Ж, кв. 164, 171, пл. 18. Труположение в яме. Яма нарушена, предположительно определяется лишь восточная граница в 0,5–0,7 м от костяка, где отмечен подъем материка (глуб. 314 см) над дном. Перекопом же уничтожены кости левых конечностей, стопы и голени правой ноги погребенного. Ориентировка — ЮЮВ. «Полностью сохранился позвоночный столб, кости грудной клетки, кости правой руки, кости таза и бедренная кость правой ноги. Кости черепа смещены, но сохранились полностью. Костяк лежал на горизонтальной поверхности на глубине 346 см, на материке... В районе черепа выявлено пятно черного цвета с углями...» (Закурина, 2001, с. 147, рис. 537, 538, 541–543). Кости черепа находились над костями верхней части правого отдела грудной клетки (Закурина, 2001, рис. 541). Соответствует ли это первоначальному положению тела или объясняется перемещением в результате разложения мягких тканей, либо нарушением подхитившей вплотную средневековой ямой 9, не

устанавливается. Около правого бедра погребенного был найден односторонний составной костяной гребень. Погребенный — мужчина 25–35 лет (определение Д. В. Пежемского).

Гребень, сопровождавший погребенного, аналогичен гребню из погребения 1(74), т. е. принадлежит к типу 2 второй группы по Давидан (Давидан, 1999, с. 170, 171), датируемому в древнерусских памятниках X—первой половиной XI в.

Погребение 3(76). Раскоп I, уч. Е, кв. 189; уч. З, кв. 196, глуб. 417–432, 442 см. Трупосожжение на стороне с помещением останков на горизонте. Большая часть пережженных костей была довольно равномерно распространена в сохранившемся пятне гумусированного песка, включавшем углистые пятна и отдельные крупные угли (площадь 2,37 × 1,9 м, толщина 0,05–0,15 м) (древний дерн?). В северной половине пятна, ближе к его центру, находилось небольшое компактное скопление остатков кремации (поперечник 0,14 м, глуб. 442 см). Пятно с пережженными костями перекрывалось слоем супеси мощностью 0,2 м (остатки насыпи?). Инвентарь отсутствовал. Возможно, частью инвентаря являлся ланцетовидный наконечник стрелы, найденный в 0,1 м от пятна погребенного дерна в заполнении частокольной канавки (Закурина, 2001, с. 147, 148, рис. 550–552).

Погребение 4(77). Раскоп I, уч. К, кв. 189; уч. З, кв. 22а, 38б, 38в, 54б, 54в, глуб. 270–280 см. Трупосожжение на стороне с помещением останков на горизонте. Основная часть пережженных костей была сосредоточена в углистом пятне (мощностью 0,04–0,06 м) неправильно-овальной формы (0,64 × 0,56 м). Пятно располагалось на слое погребенного дерна площадью ок. 2,6 × 1–2,1 м. Вместе с костями в скоплении были угли. Некоторое количество мелких кусочков костей было встречено в пятне дерна. В угольном пятне вместе с костями находились фрагменты двух небольших раннекруговых сосудов с примесью крупной дресвы в тесте и же-

лезное кольцо. По форме венчиков сосуда близки керамике группы 5 по Белецкому (Белецкий, 1980, рис. 4, 24, 25). Подобные формы представлены также в слое псковского некрополя (Лабутина, 1996б, с. 112, рис. 13, 1а, б) и ряде комплексов 15-го яруса псковского посада кон. X—нач. XI в. (Плоткин, 1996, с. 165, 167, табл. 1, д-5).

Погребение 5(78). Раскоп III, уч. А, кв. 7–8, глуб. 370–400 см. Трупосожжение на стороне с помещением останков в урну. Характеристика погребения опубликована автором раскопок (Салмина, 2001). Урна заглублялась в яму, прорезавшую слой гумусированной серой супеси и подстилавший ее древний дерн. При устройстве ямы, возможно, был прорезан и перекрывавший супесь верхний дерновый слой (Салмина, 2001, с. 13, рис. 2). Участок захоронения с севера, востока и запада от местоположения урны был нарушен поздними ямами. Помимо пятна дерна (1,31 × 0,2–0,38 м), прорезанного ямкой для урны, на этом же уровне (–370–382 см) сохранились два угольных пятна (кв. 8), в которых были выявлены скопление кальцинированных костей, фрагменты стенок сосуда, покрывавшего урну, оказавшиеся в стороне от погребения либо в ходе ритуала захоронения, либо в результате нивелировки участка.

С восточной стороны погребального участка, в кв. 8, была выявлена дугообразная канавка шириной 0,4–0,5 м, дно которой покрывал древний дерн, а в песчаном заполнении присутствовали пережженные кости (ровик кургана?). Других явных следов надмогильного сооружения не выявлено. Участок погребения был перекрыт слоем серой супеси.

Инвентарь погребения: раннегончарная урна, разбитый сосуд-крышка, крупные фрагменты придонной части которого перекрывали кости в урне и не менее 26 фрагментов были собраны в пятне дерна недалеко от погребения и в угольных пятнах по соседству; нож железный (в дерновом пятне в 0,9 м от урны), оселок

точильный (в дерне около урны), кольцо бронзовое, (Салмина, 1999, с. 85–87, рис. 179–186).

Обряд захоронения остатков кремации в урне с покрытием в виде крупных фрагментов другого горшка имеет аналог в погребении 31 псковского некрополя (Волочкова, Закурина, 1996, с. 120–122, рис. 3–5). Урна погребения 5(78) по форме близка одному из типов примитивно-круговой керамики группы 4 из Пскова (Белецкий, 1980, рис. 3, 1). Сходный по конфигурации и пропорциям горшок был обнаружен в погребении 73 и отнесен к X в. (Колосова, Милютина, 1996, с. 158, 159, рис. 29, 30). Орнаментация урны из погребения 5 сближает ее с керамикой 5-й группы (Белецкий, 1980, с. 7, рис. 4, 27). Вероятная дата — вторая половина X—начало XI в.

Погребение 6(79). Раскоп VII, кв. 1–16, глуб. 248–301 см. Трупосожжение (на стороне?) с помещением останков в основание насыпи (в грунтовой яме, в слое коричневой супеси на древнем дерне над материком) на общей площади 4,5 м² (глуб. 255–287 см). При нивелировке надмогильного сооружения часть костей могла быть перемещена и перекрыта затем слоем серой супеси. Выявленная часть кургана (северо-восточный сектор) сохранила местами часть насыпи (до 0,35 м в высоту). Насыпь кургана была устроена на естественном дюнном всхолмлении и окружена ровиком, часть которого вошла в раскоп (ширина 1,2–1,25 м, заглубление в материк — 0,25–0,35 м, стенки пологие, дно ровное). Радиус кургана — ок. 4 м. В песчаном заполнении ямы 20, синхронной захоронению, — два мелких фрагмента лепной посуды (Кулакова, 2001, с. 48, 49, 51–54, рис. 74–77, 79–100).

Открытые в Трупеховских раскопках погребения не дают полной картины использования участка под кладбище в древнерусское время из-за сильных нарушений культурных отложений. Следует учитывать, что жесткие условия охранных раскопок не позволили провести исследования

широкой площадью. Но отметим, что следы разрушенных погребений и надмогильных сооружений были встречены на участках исследования неоднократно. На раскопе I были зафиксированы остатки насыпи над слоем погребенного дерна с отдельными переотложенными костями на нем, первоначально принятые за погребение («б») (Закурина, 2001, с. 149, рис. 563–565). В раскоп III «заходила» пола разрушенной насыпи со следами ровика, остатками переотложенных негоревших и пережженных костей, фрагментом раннегончарного сосуда, лимоновидной бусины — в слое древнего дерна, нарушенном ямами (Салмина, 1999, с. 82–84, рис. 177, 178; 2001, с. 9–12, рис. 1). Вероятно, имеет отношение к комплексу кладбища переотложенный ланцетовидный наконечник стрелы с шейкой и упором, найденный в зоне разрушения погребения 3. Он относится к типу 62, по Медведеву, датируемому довольно широко (IX–первой половиной XI в.) (Медведев, 1996, с. 73, 74). Встреченные в одной из ям VI раскопа два мелких фрагмента лепной керамики (Салмина, 2000, с. 57; 2001, с. 20, 21; П-98-Тр.-VI/154), по-видимому, тоже происходят из «слоя» некрополя.

Итак, на территории Среднего города, на месте Трупеховских раскопов, в 1998 г. был открыт участок некрополя Пскова с остатками 6 погребений и другими следами использования участка под кладбище. Погребения располагались на юго-западном и южном склонах плато (1, 2, 3, 5), причем 1 и 2 (ингумации) в верхней части юго-западного склона. Погребения 4 и 6 находились на краю плато (рис. 2). По способу помещения останков определенно устанавливается для одного случая ингумации устройство камерного захоронения (погребение 1). Очевидно, что все представленные кремации относятся к типу сожжения на стороне. Способ захоронения останков: на горизонте (погребения 3, 4, возможно 6), в грунтовой яме (6?), в урне в грунтовой яме и в виде скопле-

ния на горизонте (5). Нарушенность погребений не позволяет считать их полностью закрытыми комплексами. О надмогильных сооружениях можно судить по остаткам насыпей (погребения 3, 4, 6), ровиков (погребения 5 и 6); заполнению камеры (погребение 1). Достаточно полно восстанавливаются параметры ямы камерного погребения.

Для датировки погребений этого участка данных немного. Приведенные выше наблюдения позволяют считать, что захоронения производились в хронологическом диапазоне X–первая половина XI в., с возможными уточнениями в сторону омоложения ранней даты до сер. X в. и удревнения поздней до нач. XI в.

Сходство в обряде погребения, наличие погребений по способу кремации и ингумации и их топографическая близость, совпадение по времени существования, приуроченность к общему объекту рельефа (плато в центральной части Среднего города) позволило исследователям высказать уверенное предположение о том, что участки А и Б псковского некрополя могли быть частью одного обширного кладбища (Яковлева, 2001, с. 91; Малышева, 2003, с. 103). Дальнейшие исследования позволяют проверить и детализировать это наблюдение.

Старовознесенские раскопы

Неожиданные открытия новых погребений были сделаны во время охранных исследований в южной части Окольного города, на Старовознесенских I и II раскопах, получивших свое название от располагавшегося неподалеку одноименного женского монастыря. В декабре 2003 г. было обнаружено первое захоронение женщины с богатым сопутствующим инвентарем и украшениями (погребение 1(80), руководитель раскопок Е. А. Яковлева). В результате осмысления полученного материала археологи предположили, что открытое погребение не единственное на дан-

ном участке, и вокруг него простирается неизвестный ранее некрополь (Яковлева, 2004, с. 101), удаленный от исторического центра Пскова — Крома, — почти на 1,3 км. Подтверждением этой гипотезы было обнаружение еще одной древней могилы на Старовознесенском II раскопе (руководитель раскопок А. В. Михайлов), в июне 2004 г.

Исследованный участок расположен в 750–980 м к югу от некрополя, открытого в раскопах на ул. Ленина и Трупеховских, в 350 м к востоку от р. Великой, на 16,5 м выше уровня воды в реке и примерно в 50 м от трассы древнейшей дороги южного направления, ставшей затем Великой улицей. Как и могильник в древнейшей части Среднего города, погребения, открытые в 2004 г., устроены на возвышенности в пределах прямой видимости от реки. До строительства последнего кольца укреплений во второй половине XV–XVI в. эта территория находилась где-то на границе исторических топонимов Полонище и Поле, которая вследствие роста города смешалась в сторону последнего (Лабутина, 1985, с. 109).

Раскопки показали, что исследованный участок начал осваиваться в XIII в. По непонятным пока причинам, хозяйственная жизнь здесь вскоре затухает и наступает длительный этап запустения, который продолжался до XV в. Всплеск активности освоения данной территории приходится на XVI–XVIII вв. Именно к этому времени относятся сотни хозяйственных и строительных ям, разрушивших культурный слой. В совокупности с техногенными отложениями последних веков он имеет мощность до 3 м. Контуры могильных ям погребений были выявлены после снятия серой, супесчанистой подзолистой почвы, сформировавшейся в XIII–XV вв. и расположенной в основании культурного слоя посада XVI–XVIII вв.

Погребение 1(80). Раскоп Старовознесенский I. Пятно погребения имело неправильную округлую форму размером до 5,8 м (С–Ю) × 4,8 м

Рис. 5. Псков. Старовознесенские раскопы. Ситуационный план с обозначением погребений.

(З–В). Выявить яму с захоронением, имевшую заполнение, почти неотличимое от материка, помогли участки полосы серой гумусированной супеси, местами маркирующие могилу по периметру. Слой этой супеси наклонно, а местами вертикально распространялся вглубь ямы.

Аналоги открытого памятника позволяют утверждать, что захоронение было подкурганным. В пользу этого также свидетельствует участок ровика, прослеженный в 2 м к ЗСЗ от захоронения и распространявшийся за пределы раскопа (рис. 5). Ровик был засыпан перемещенным грунтом, взятым из насыпи. Материалы раскопа дают основания предполагать, что

верхняя, возвышающаяся часть кургана была уничтожена при освоении участка в XIII в. Нижняя к этому времени частично просела внутрь могилы, заполнив ее внутренний объем. В слое заполнения ямы были обнаружены многочисленные мелкие угольки, в основном дерева хвойных пород, обугленные микроостатки трав (определение пород древесины по образцам угля и дерева, а также биоморфные анализы образцов грунта выполнены А. А. Гольевой (Институт географии РАН)). Возможно, в Пскове, как и в Гнёздове (Авдусин, Пушкина, 1989, с. 192), погребальная яма была выкопана после сожжения на поверхности земли ритуального кост-

ра. Над центром восточной части захоронения в составе просевшей насыпи находился большой гранитный валун (до 0,8 м в поперечнике).

Открытое погребальное сооружение располагалось на глубине 1,8 м от поверхности материка (ок. 4 м от современной поверхности). Это была деревянная конструкция, ориентированная по оси З/ЮЗ–В/СВ, занимавшая центральное положение в прямоугольной, со скругленными углами яме (4 × 4,5 м) такой же ориентации (рис. 7). Усыпальница представляла собой сруб размером 2,7 × 3,3 м, сложенный из соснового горбыля или досок шириной до 0,26 м с угловыми выпусками длиной 0,15–

Рис. 6. Псков. Старовознесенский I раскоп. Раскопки погребения I(80), декабрь 2003 г.

0,3 м. Участки деревянных стен достоверно прослеживались на высоту до 1,2 м от уровня дна материковой ямы (рис. 7).

Внутреннее пространство сруба было поделено широкой (0,3 м) доской, вероятно изначально стоявшей «на ребре», на два примерно одинаковых по ширине «помещения»: северное (где находились останки) и южное (рис. 7). Сохранность дерева не позволила проследить способ, которым крепилась доска к восточной и западной стенкам сруба.

Вся конструкция имела верхнее перекрытие и нижний настил-пол. О наличии перекрытия свидетельствовала прослойка серой гумусированной супеси, маркировавшая контуры ямы на уровне материка и распространявшаяся вглубь ее заполнения. Биоморфный анализ этой супеси показал преобладание в образцах древесного детрита при наличии единичных фитолитов луговых трав. Оче-

видно, к верхнему настилу относился также обломок доски поперечного камере направления, перекрывавший останки в районе таза, над скорлуповидными фибулами. Толщина доски в этих местах достигала 1 см, фиксируемая ширина — до 0,12 м.

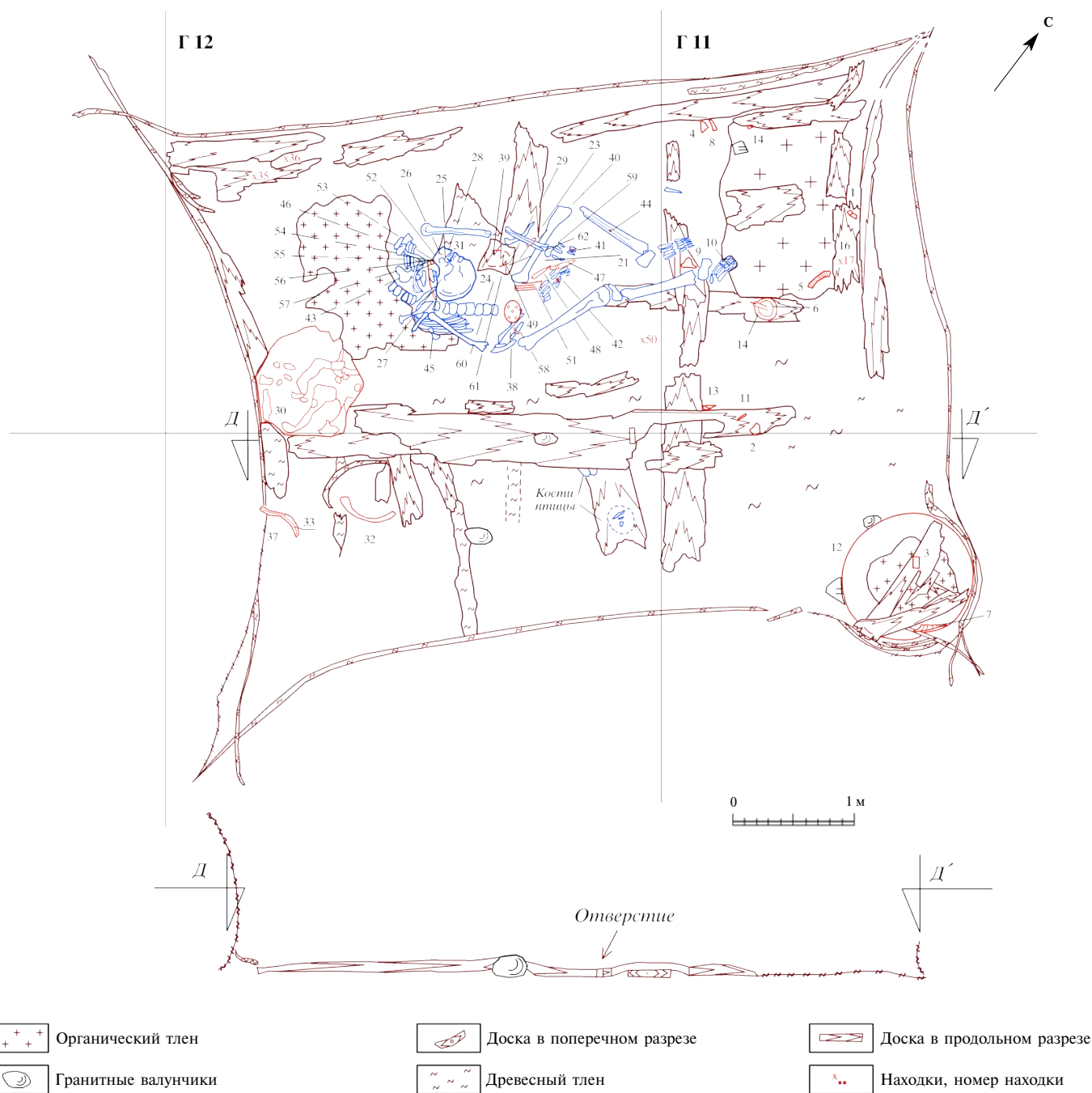
Нижний настил-пол сохранился фрагментарно, в основном в виде пятен или полосок древесного тлена поперечного камере направления (рис. 7). Тлен прослеживался по всему дну ямы и, распространяясь за пределы сруба, занимал значительно большую, чем он, площадь (3,5 × 4,6 м). Непосредственно под скелетом прослежены участки досок, лежащих по оси З–В, что позволяет предположить наличие некоего деревянного погребального ложа.

Открытая деревянная конструкция по всем параметрам соответствует общепринятым критериям, позволяющим отнести ее к типу захоронений, называемому «камерным». Со-

держимое погребального сооружения подтверждает это.

В центре северной части камеры находился скелет женщины 25–30/35 лет, захороненной в сидячем, а точнее — в полусидячем положении (антропологическое определение останков выполнено Д. В. Пежемским). Погребение имело юго-западную ориентировку (рис. 7). Череп и ключицы находились в области грудной клетки и брюшной полости. Здесь же, в районе нижней части грудной клетки, были обнаружены и шейные позвонки. Кисти рук располагались на костях ног, симметрично, приблизительно друг к другу, заметно ниже таза. Кости ног указывали на то, что они были согнуты в коленях.

В камере было обнаружено более 60 предметов, среди которых — ювелирные украшения, хозяйственный инвентарь, декоративные детали одежды и утвари (рис. 7–12). Некоторые вещи сохранились целиком.

НАХОДКИ

5. Рукоять ножа, оплетенная проволокой (фрагмент)	45. Шейная гривна
21. Подковообразная фибула	46, 56. Подвески-маски
24. Крестик из листового серебра	47. Нож с костяной рукоятью, оплетенной проволокой
29. Обоймица края деревянного сосуда(?)	49. Обоймицы края кошелька
33. Обоймица края деревянного сосуда	52, 55. Монеты с ушками для привешивания
38. Скорлуповидная фибула	54. Зеленая бусина на проволочном колечке
40, 58. Браслеты	57. Лунница
41. Перстень широкосрединный	60. Круглая центральная фибула
42. Перстень с бирюзовой вставкой (фрагмент)	

Рис. 7. Псков. Старовознесенский I раскоп. Погребение I(80). I. План; II. Разрез.

Рис. 8. Ювелирные украшения из погребения I(80) Старовознесенского I раскопа.

Рис. 9. Псков. Старовознесенский I раскоп. Погребение I(80).
Перстень с бирюзовой вставкой (фрагмент). Диаметр щитка 1,1 см.

В основном это изделия из цветных и драгоценных металлов. Другие находки дошли до наших дней в виде отдельных фрагментов, тлена или ржавчины. Большую часть погребального инвентаря составляли ювелирные украшения (рис. 7; 8). Из них более двух десятков — это изделия из серебра, некоторые украшения со следами позолоты. В целом все типы вещей из захоронения известны по материалам некрополей Гнёздова, Шестовиц, Киева, Тимерева, Бирки и т. п. Традиционна для камерных захоронений и сама «комплектность» набора предметов, сопровождающих умершую «в мир иной». Богатство и разнообразие комплекса свидетельствуют о высоком социальном статусе и материальном достатке семьи, к которой она принадлежала.

Наиболее интересные и важные для понимания этого памятника предметы находились на костяке. В районе шеи, у основания черепа, найдена серебряная гладкая гривна из ромбического в сечении дрота

с застежкой в виде двух крючков со спирально закрученными наружу концами (45; рис. 8 — здесь и далее нумерация находок соответствует рис. 7). Там же, частично под черепом, были обнаружены элементы ожерелья. Центральное место в нем занимала большая серебряная лунница (4,2 × 3,2 см), украшенная орнаментом из треугольников, выложенных регулярной зернью (57; рис. 8). С двух сторон от нее симметрично размещались: две византийские монеты с ушками для привешивания (52, 55; рис. 8) и две подвески-маски (46, 56; рис. 8).

Монеты представляют собой позолоченные серебряные милиарисии Романа I (920—945 гг.; 52) и Константина VII и Романа II (945—959 гг.; 55). Ожерелье с этими монетами могло сформироваться не ранее середины X в. Наличие монет с изображением крестов и христианских императоров не случайно в погребении. Несомненно, они играли символическую и меморативную

функцию. Контекст комплекса — датировка, особенности обряда, наличие серебряного креста — позволяет отнести их к предметам личного благочестия одной из первых русских христианок. Как справедливо отметил А. Е. Мусин, серии монет из погребений соответствуют не только хорошо известным фактам из истории византийско-скандинавских отношений, но и событиям христианизации (Мусин, 2002, с. 172). В данном случае привлекательным и возможным представляется соотнесение находок с известным фактом раздачи милиарисиев Константином VII во время посольства княгини Ольги в Константинополь в 957 г. (Литаврин, 1982, с. 74).

Редкой для погребений находкой являются подвески-маски (46, 56; рис. 8). Это полые серебряные украшения с рельефной основой лицевой пластины, на которой в технике зерни и скани изображены черты бородатого мужского лица. Предметы относятся к «гибридному» типу ювелирных изделий, совместивших в себе славянско-русскую ювелирную технологию и скандинавскую тематику. Подобные изделия известны в кладах и погребениях Швеции, Восточной Прибалтики и Древней Руси и являются эволюционной стадией развития типа подвесок с изображением человеческого лица, распространенного в Скандинавии в эпоху викингов (Новикова, 1999, с. 47—52). Е. Ю. Новикова считает, что этот тип подвесок сложился на о. Готланд к концу X в., откуда с первой половины — середины XI в. распространился на Русь и в Восточную Балтику.

На погребенной было и богатое ожерелье из 19 различных бус, в основном стеклянных и пастовых. Помимо них ожерелье включало в себя: одну ромбическую янтарную бусину, одну зеленую пастовую на золотом колечке с завязанными концами (54; рис. 8), а также пять зонных бусин плохой сохранности, похожих на корродированные металлические изделия. Особо следует отметить две серебряные полые бусины, орнамен-

Рис. 10. Псков. Старовознесенский I раскоп. Погребение I(80).
Нож с костяной рукоятью, оплетенный серебряной проволокой. Длина 11,4 см.

тированные геометрическим зерненым орнаментом. Аналоги одной из них есть в кладе из Фелхагена с о. Готланд (ок. 1000 г.) (Наследие варягов, 1996, с. 53) и камерном погребении 124 из Киева (Каргер, 1958, с. 210, табл. XXVIII).

Под нижней челюстью была найдена маленькая подковообразная спиралеконечная круглая в сечении серебряная фибула (29; рис. 7, 8) для застегивания ворота нижней рубахи. Помимо находок подобных фибул в погребальных памятниках Швеции и России, в Новгороде этот тип неоднократно встречен в слоях X–XI вв. (Седова, 1981, с. 81). По данным С. А. Авдусиной и Н. В. Ениосовой, распространение этого типа фибул из серебра практически ограничивается Биркой (Авдусина, Ениосова, 2001, с. 94). По мнению Ю. Э. Жарнова, подобные маленькие подковообразные фибулы являются несомненной принадлежностью женского скандинавского костюма (Жарнов, 1991, с. 208–210).

В районе тазобедренного сустава, предплечий, а также кистей рук наблюдалось скопление перемещенных в результате посмертных изменений костей и предметов, перекры-

тых органическим тленом и фрагментами досок верхнего настила (рис. 7).

Наиболее важной находкой, сделанной в этом месте и позволяющей определить характер и датировку погребения, является крестик (2,8 × 2,8 см) из листового серебра (24; рис. 7; 8). Лопастей креста несколько расширены и имеют треугольное окончание, орнаментированы круглым пуансоном. В средокрестии — рельефный полусферический выступ. Крест подвешивался за ушко, как и на монетах. Подобные кресты известны в погребениях, в том числе камерных, на территории Северной Европы и Древней Руси. По данным А. Е. Мусина, находки такого типа, согласно исследованию Й. Стеккера, были распространены в X–XI вв. (тип. 1.2.1.) (Мусин, 2002, с. 138).

В области таза находились две скорлупообразные овальные позолоченные бронзовые фибулы, относящиеся к типу P52E (2-я пол. X в.) (Jansson, 1985, р. 88, 89). В нижнюю часть ранта обеих фибул вдеты серебряные кольца с завязанными концами, вокруг правого — 5 маленьких колечек из более тонкой проволоки для привешивания мелких предметов (38, 39; рис. 8). Рядом с левой фибу-

лой найдена длинная, узкая серебряная обоймица, вероятно охватывавшая край небольшого деревянного сосуда (29). Обе стороны предмета орнаментированы по краю комбинированным мелким орнаментом «волчий зуб» и линией квадратиков.

Между парными фибулами находилась центральная серебряная, круглая фибула (диаметр 3,8 см), декорированная рубленой проволокой (60; рис. 8). Композиция этого украшения состоит из четырех симметричных радиальных сегментов, в которых расположены стилизованные медвежьи морды(?). На обратной стороне фибулы сохранились элементы крепления и спиралевидное 5-оборотное ушко, в которое вставлено серебряное кольцо с завязанными концами.

На запястьях — два серебряных гладких дровяных, круглых в сечении (до 1,5 мм в диаметре), браслета (48, 50; рис. 8). Застежки браслетов выполнены, как и у гривны, что позволяет отнести их к единому ювелирному ансамблю. Под правой кистью, как и в погребении 1(74) (Трупеховский I раскоп), — односторонний составной гребень в футляре (51). На безымянных пальцах обеих рук — по серебряному перстню: один

Рис. 11. Псков. Старовознесенский I раскоп. Погребение I(80).
Рукоять ножа, оплетенная серебряной проволокой. Длина 5,8 см.

из них — широкосрединный с завязанными концами (41), другой — с бирюзовой вставкой на высоком цилиндрическом касте (42; рис. 8, 9).

В районе кистей рук — компактно, вытянуто по оси З–В, лежали три небольших удлиненных предмета: широколезвийный нож с костяной рукоятью (47; рис. 10), оплетенной серебряной проволокой, костяная копоушка (дл. 9,5 см) с широкой округлой на конце ручкой (48) и небольшой оселочек-брусок (21), крепившийся за бронзовое кольцо с завязанными концами. Вероятно, именно эти предметы были подвешены к колечкам на фибуле с левого плеча. Там же найден фрагмент железного предмета с закрепленной в нем проволочной петлей и продетым в нее проволочным колечком (61). Сохранившийся фрагмент напоминает часть пружинных ножниц, широко известных в древностях Восточной Европы X в. Экземпляры с колечком для привешивания найдены в Новгороде, курганах Смоленщины, на Рюриковом городище (Носов, 1990, с. 75, рис. 31 и др.).

Под правой фибулой обнаружено 8 маленьких серебряных обоймиц, размером 7 × 9 мм, которые располагались на расстоянии 3–4 мм друг от друга, обрамляя край несохранившегося кожаного изделия, вероятно ко-

шелька. Под ступнями, под фалангами стопы, найдены два шипа, представляющие собой треугольные рамки, с длиной сторон 4–5,8 см (9, 10).

По образцам органического тлена из области грудной клетки определялись ткани, из которых была сшита одежда погребенной (исследования выполнены Е. С. Зубковой и О. В. Орфинской). Удалось установить четыре типа текстиля различной расцветки и типов переплетения. Кроме этого, в слое были встречены отдельные волокна хлопка и неопределимые растительные волокна. Образец тлена с доски, подстилавшей кости, показал наличие остатков красной шерстяной ткани.

Вокруг костяка, в том же северном «помещении», было найдено еще 10 предметов.

В ЮЗ углу этой части камеры находился развал железных деталей и оковок деревянного сундучка (30), состоящий из 169 фрагментов. На некоторых железных деталях сохранились отпечатки тканей, лежавших в сундуке, шляпки гвоздиков, которыми железные детали крепились к деревянной основе. Сундучок, имевший высоту около 13 см, был снабжен замком и ручками. У противоположной, восточной стены на доске настила была найдена бронзовая, «П-образная» в продольном сечении

обоймица с отверстием и серебряным колечком для привешивания (1). Изделие украшено орнаментом «волчий зуб».

По периметру северной части камеры, в которой находились останки, было найдено 7 кованых железных гвоздей (4, 8, 13, 16, 17, 35, 36) и два предмета, похожих на гвозди (11, 13). Один из них достоверно находился в доске, разделявшей камеру на два «помещения», и был забит с северной стороны. Рядом с одним из гвоздей лежал узколезвийный ножичек с длинным черешком. В незначительном отдалении от лезвия лежала его костяная рукоять, плотно обмотанная серебряной проволокой (5; рис. 11). По обеим сторонам от костей стоп найдены предметы торгового инвентаря: компактно сложенные бронзовые весы со складным коромыслом и две железные цилиндрические гири в медной обтяжке (15). По сохранившимся участкам гири имели высоту ок. 1,5 см и 1,2 см. Верхние круглые площадки, частично выступающие из куска железа, орнаментированы по периметру пуансонным орнаментом.

В южном «помещении», отгороженном продольной доской от местоположения останков, найдено пять предметов. В ЮВ углу камеры стоял латунный таз (12) диаметром 0,5 м,

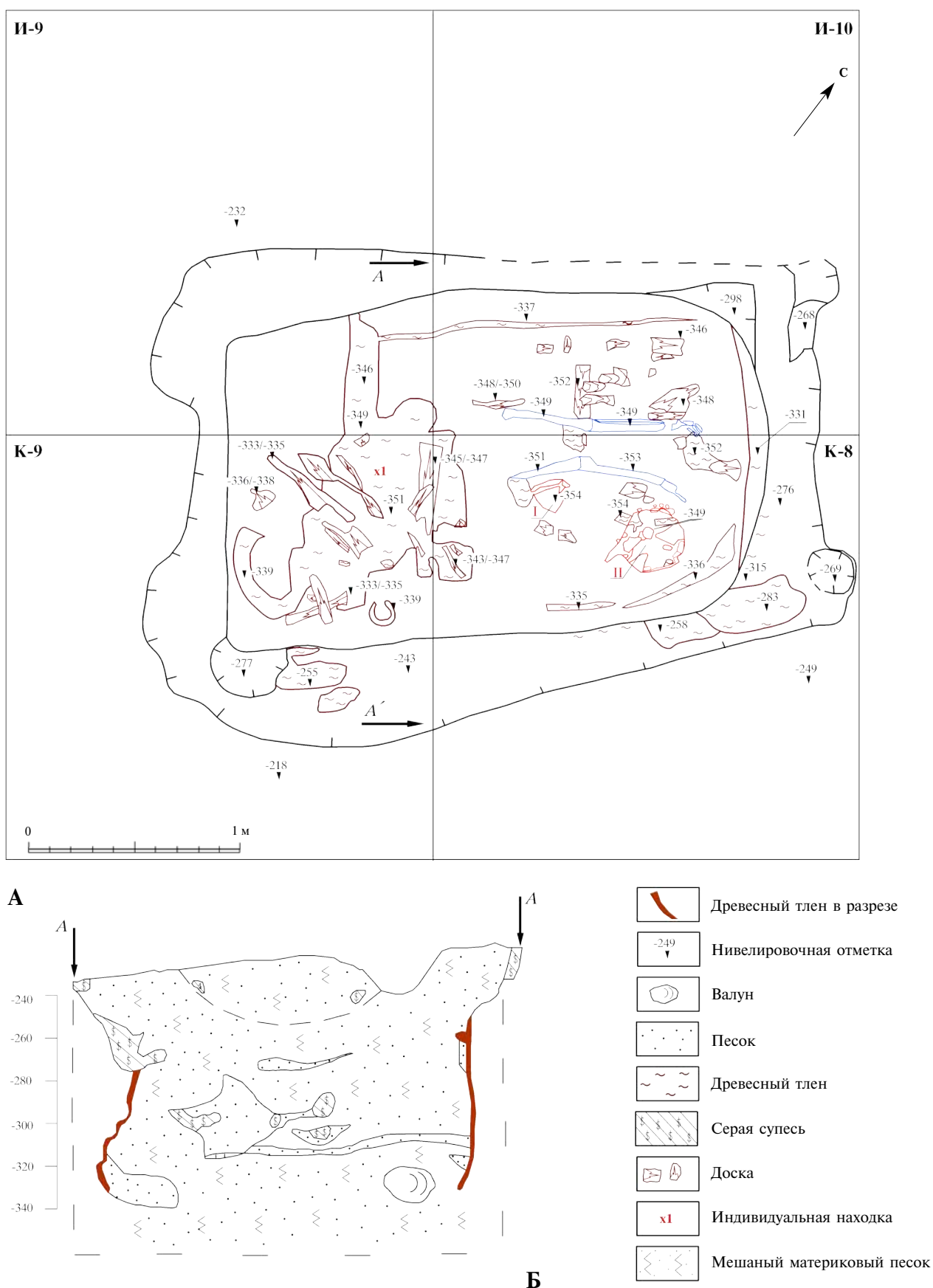

Рис. 12. Псков. Старовознесенский II раскоп, погребение II(81).
А. План; Б. Разрез.

заполненный органическим тленом и фрагментами упавших сверху досок. Дно тастика с двух сторон усилено полосками — пластинами, приклепанными по периметру основания тонкими штифтиками. На поверхности тлена, заполнявшего сосуд, лежал осколок его же донной части и прямоугольная рамка железной пряжки размером 7 × 4,5 см.

В западной части этого «помещения» лежали железные детали (дужка, части обода и проушин) истлевшего деревянного ведра (32). У самой западной стенки были обнаружены серебряные детали, украшавшие несохранившийся предмет из органического материала, скорее всего деревянный сосуд. Это тонкая полоса длиной 22 см и шириной 1 см и маленькая обоймица размером 1,5 × 1,1 см, орнаментированная по периметру точечным пуансоном (33). Оковка представляла собой увеличенную копию маленьких обоймиц на кошельке. Она крепилась в нижних углах серебряными штифтиками с расклепанными концами. Способ крепления декоративной полосы к изделию не ясен. Однако подобные оформления верхней части деревянных сосудов, в частности, ковша, известны (например, в погребении 122 в Киеве, Каргер, 1958, табл. XXVI. 2, а–е).

Богатый вещевой материал и особенности обряда погребения 1 определяют хронологические рамки времени захоронения как не ранее середины X в. — начала XI в. Ряд вещеведческих наблюдений позволяет поднять нижнюю временную границу до 3-й четверти — конца X в.

Этническая принадлежность погребенной довольно полно характеризуется позой и элементами ювелирного набора как скандинавская. Однако обращает на себя внимание присутствие «гибридных» ювелирных украшений и ножей «нескандинавского» типа. Характер обряда несомненно дуалистичен. Он в равной мере совместил в себе следы языческого мировоззрения и элементы нового — христианского. В пользу

последнего достаточно веско свидетельствуют особенности погребального сооружения, ориентация костяка, наличие крестов (в т. ч. и на византийских монетах), а также датировка памятника. В историческом контексте он соответствует временам Святослава и Владимира, ранним периодам христианизации (подробно см. Мусин, 2002), затронувшей в первую очередь элитные слои полиэтничного общества Древней Руси, в котором значительную роль играл скандинавский элемент, уже теряющий свою обособленность в рамках формирующейся древнерусской народности.

Неожиданная находка, сделанная на охранном раскопе в Окольном городе Пскова, где археологи не предполагали обнаружить ничего «ранее XV в.», обернулась интересным открытием и дала в руки специалистов богатый материал для исследований. Комплексная работа археологов, историков, реставраторов и специалистов естественнонаучного профиля над этим погребальным комплексом продолжается и несомненно приведет к интересным выводам и реконструкциям.

Погребение 2(81). Раскоп Старовознесенский II, кв. К-8, К-9, И-8, И-9, яма 31.

Погребение 2 было обнаружено в 9 м к югу от погребения 1. Могильная яма подпрямоугольной в плане формы была выявлена на уровне материка на глубине около 2,2–2,3 м от дневной поверхности и читалась в виде пятна слабогумусированного песка, вытянутого по оси З–В. Северный и западный края пятна были окаймлены тонкой полоской серого супесчаного слоя шириной 0,06–0,12 м. Над пятном могильной ямы средневековые культурные напластования были полностью уничтожены в новое и новейшее время. Исключение составляли материковые ямы, одна из которых (частокольная канавка) пересекала по диагонали пятно могильной ямы. Восточный край могильной ямы (в верхней части) был потревожен ямами XVI–XVII вв.

Остатков курганной насыпи не сохранилось. Однако говорить о ее существовании позволяют остатки ровика, выявленные в 2,5 м к ЮЗ от могильной ямы (рис. 5). Ровик сохранился на протяжении 3 м между двумя подвальными ямами XVII в. Ширина ровика — 1,1–1,2 м, глубина — около 0,3 м. Ровик был засыпан гумусированным песком, под которым была выявлена тонкая прослойка погребенного дерна, маркировавшая дно ровика. Предполагаемый диаметр кургана составлял (принимая за центр кургана центр могильной ямы) около 8 м. Очевидно, ровик был засыпан при нивелировке кургана, которая, по всей видимости, была связана с освоением участка.

Могильная яма была заполнена слабогумусированным материковым песком с редкими включениями прослоек серого супесчаного слоя и материкового песка белого и желтого цвета (рис. 12, Б). Общие размеры могильной ямы составили 2,95–3,2 × 2,3–2,4 м, глубина 1,1–1,3 м. В центральной части ямы зафиксированы деревянные конструкции погребальной камеры. Из-за трансформации деревянных стенок под тяжестью материкового грунта первоначальные размеры установить невозможно. Зафиксированные в ходе раскопок размеры камеры — 2,45 × 1,5–1,6 м (рис. 12, А). Стенки камеры в виде полос органического тлена прослеживались на высоту 0,6–0,7 м от дна могильной ямы. Ям от угловых столбов, следов выпусков бревен или плах, а также железных гвоздей в конструкции камеры не встречено. Возможно, стенки камеры были составлены из досок или нетолстых плах. Способ их крепления по углам достоверно не устанавливается.

Остатки верхних перекрытий были выявлены в западной части камеры, немногим выше уровня пола. Это скопление хаотично расположенных досок очень плохой сохранности. Максимальная длина досок — до 1 м при ширине в 0,08–0,1 см.

Погребальная камера, по всей видимости, имела дощатый пол на до-

Рис. 13. Псков. Старовознесенский II раскоп. Погребение II(81). Огниво с бронзовой рукоятью. Длина 5,5 см.

щатых же лагах. Элементы пола были наиболее отчетливо зафиксированы в восточной части камеры, где сохранился фрагмент лаги длиной 0,25 м и лежащие на ней три доски пола (в западной части камеры уровень пола фиксировался по пятну органического тлена). Доски пола были положены вдоль камеры, по оси З–В. Уровень камеры незначительно понижался к В.

Остатки погребения обнаружены в восточной части камеры. От костяка сохранились только кости обеих ног, включая мелкие кости стопы и фаланги пальцев ног. Сохранность костей плохая. Ориентировка погребения — З–В. По всей видимости, в камере была погребена женщина 35–45 лет (определение Д. В. Пежемского).

Встреченный в погребении инвентарь сгруппирован в двух комплексах. Исключение составляет железная втулка (навершие?) с сохранившимися внутри фрагментами дерева, которая была обнаружена в западной части камеры отдельно от вещевых комплексов. Вещевой комплекс I

выявлен у правого бедра и включает 5 предметов: огниво с бронзовой рукоятью (рис. 13), железный ключик, небольшой ножик, шило с костяной рукоятью и перевитием серебряной проволокой у основания рукояти, а также неатрибутируемый железный предмет, у которого отчетливо читается черешок. Все предметы очень плохой сохранности, за исключением огнива с бронзовой рукоятью. Рукоять огнива несет стилизованное изображение двух звериных голов, повернутых друг к другу, раскрытые пасти зверей образуют прорезь в форме ромба. Огниво относится к группе II, типу 5, варианту 2 по Л. А. Голубевой (Голубева, Варенов, 1993, с. 100, 101) и датируется второй половиной X–началом XI в. Подобные огнива производились в Прикамье, Среднем Поволжье, Среднем Зауралье, возможно, в Западной Финляндии и имели широкий ареал распространения. В частности, по одному такому огниву обнаружено в Тимерево и Старой Ладоге, два огнива происходят из Новгорода, пять — с территории Финляндии и Аландских

островов (Голубева, Варенов, 1993, с. 100). Огниво этого типа встречено и в Бирке (погр. 644) (Hardh, 1984, S. 158, 159).

Вещевой комплекс II располагался у правой ноги погребенной, в ЮВ углу камеры. Он представляет собой фрагменты крышки деревянного сосуда с железными оковками. Реконструируемый диаметр сосуда — около 0,3 м. По периметру крышки проходила железная полоса, прибитая гвоздями. На поверхности крышки маленькими гвоздиками были укреплены четыре треугольных железных пластины, орнаментированные по краям двойной полосой насечек. В центре крышки было закреплено железное кольцо. Кроме этого, поверхность крышки была украшена тонкими бронзовыми пластинками, орнаментированными в стиле Еллинг, фрагмент одной из пластин выявлен при расчистке комплекса II. На оборотной стороне одной из треугольных пластин находится внутренний замок, посредством которого крышка закреплялась на сосуде. Аналогии подобным сосудам с крышками, имею-

шими треугольные железные накладки, известны в могильнике Тюмби-Бинебек (Юж. Ютландия) в камерных погребениях 51 и 54а, которые датируются первой половиной – серединой X в. (Müller-Wille, 1987, S. 66–68, Taf. 85, 93; Eisenschmidt, 1994, S. 105). Еще два подобных сосуда происходят из Бирки (погр. 585, 965) (Müller-Wille, 1987, S. 68).

Открытие и изучение древнерусского некрополя Пскова X–начала XI в. внесло много нового в понимание пространственного развития города. Еще ранее, при раскопках в Кремле, в Довмонтовом городе, по Советской улице археологи установили, что Псков значительно вырос в течение X–начала XI в. Раскопки показали, что в центре древней части посада, в районе педагогического института и улицы Ленина было курганное кладбище, одновременное поселению. Сейчас выяснилось, что оно распространялось между двумя «языками» посада, разместившимися

вдоль рек Великой и Псковы. Вероятно, на месте городища на кремлевском мысу формируется детинец Пскова, а вне его укреплений, в южной части Кремля, на территории будущих Довмонтова города и Застенья XIV в. развивается посад Пскова. И детинец, и посад в археологическом понимании относятся к поселению. В последние десятилетия были открыты еще два археологических памятника X–начала XI в.: городской курганный некрополь и языческое святилище. Стала более ясной топографическая структура раннего города.

Исследование двух участков некрополя (рис. 1, А, Б) показало, что кладбище было местом погребения тех, кто жил на соседних участках посада X–начала XI в. Об этом говорит сходство инвентаря погребений и вещей из слоя детинца и посада. Особенно ярко это видно при сравнении бытовых вещей, в первую очередь керамики. В культурном слое этого времени в Кремле и Довмон-

товом городе также встречаются отдельные скандинавские вещи и нашедшие широкое распространение в Европе североевропейские предметы, в частности односторонние гребни. Только исследование некрополя убедительно показало, что среди населения Пскова имелись скандинавы и их семьи. Среди погребенных в некрополе горожан были, по-видимому, дружинники (погребения 1, 25), возможно, люди, занимавшиеся торговлей.

Отдельное, пока особое место в некрополе Пскова занимают камерные погребения Старовознесенских раскопов. В погребении 1(80) впервые в Пскове так полно представлено почти классическое (по обряду и инвентарю) скандинавское погребение. Кем были погребенные женщины, чем объясняется их изолированное захоронение в удалении от известного сейчас поселения и более северных участков некрополя? Эти проблемы еще предстоит изучить.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Авдусин Д. А., Пушкина Т. А., 1989. Три погребальные камеры из Гнёздова // История и культура древнерусского города. М.
- Андреева Е. Г., 1996. Человек и животные из погребений г. Пскова по костным остаткам (раскопки 1976 г.) // АИП. Псков. Вып. 3.
- Белецкий С. В., 1980. Культурная стратиграфия Пскова (Археологические данные к проблеме происхождения города) // КСИА. Вып. 160.
- Волочкова О. К., Закурина Т. Ю., 1996. Погребения древнерусского курганного некрополя Пскова (по материалам раскопов V, XI, XII) // АИП. Псков. Вып. 3.
- Вязкова О. Е., Татарников О. М., Яковлева Е. А., 2003. Опыт и некоторые результаты реконструктивного моделирования погребенного рельефа древнего Пскова // Псков в российской и европейской истории. М. Т. 1.
- Голубева Л. А., Варенов А. Б., 1993. Новое об огнивах с бронзовыми рукоятками // РА. № 4.
- Давидан О. И., 1962. Гребни Старой Ладogi // АСГЭ. Вып. 4.
- Давидан О. И., 1999. Новые находки гребней в Старой Ладoge // РА. № 1.
- Жарнов Ю. Э., 1991. Женские скандинавские погребения в Гнёздове // Смоленск и Гнёздово. М.
- Жарнов Ю. Э., 1992. Погребальный обряд в Древней Руси по материалам гнёздовского некрополя: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М.
- Жарнов Ю. Э., 1998. Гнёздовские курганы с остатками труположения // Историческая археология. Традиции и перспективы. К 80-летию со дня рождения Д. А. Авдусина. М.
- Закурина Т. Ю., Кулакова М. И., Яковлева Е. А., 2000. Исследования на Трупеховских I, II, IV, V, VII раскопах в Пскове // АО 1998 г.
- Закурина Т. Ю., 2001. Отчет об охранных археологических раскопках в Пскове по адресу: Октябрьский проспект, д. 106 на Трупеховском 1 раскопе в 1998 году // Архив ОА ПГОИАХМЗ. Д. 164–166.
- Каргер М. К., 1958. Древний Киев. М., Л. Т. 1.
- Кильдошевский В. И., 1994. Псковская экспедиция ИИМК РАН (1976–1991 гг.) // Древний Псков. Исследования средневекового города. СПб.
- Кильдошевский В. И., 1996. Погребения псковского некрополя (раскоп VII) // АИП. Вып. 3. Псков.
- Колосова И. О., Милютин Н. Н., 1994. «Большой курган» древнерусского некрополя Пскова (погребения 57 и 59) // АИП. Псков. Вып. 2.

- Колосова И. О., Милютина Н. Н., 1996. Древнерусский некрополь Пскова (по материалам раскопа XVI) // АИП. Псков. Вып. 3.
- Кузьмин С. Л., 1997. Ярусная стратиграфия нижних слоев Староладожского городища // Памятники старины. Концепции. Открытия. Версии. СПб; Псков. Т. 1.
- Кулакова М. И., 2001. Отчет об археологических раскопках в Пскове в 1998 году (Трупеховские раскопы II ПА IV) // Архив ОА ПГОИАХМЗ. Д. 112–113.
- Лабутина И. К., 1983а. Культурный слой Пскова // АИП. М.
- Лабутина И. К., 1983б. Изучение начальных отложений культурного слоя в пределах стены 1309 г. // АИП. М.
- Лабутина И. К., 1985. Историческая топография Пскова в XIV–XV вв. М.
- Лабутина И. К., 1989а. Языческое святилище Пскова // История и культура древнерусского города. М.
- Лабутина И. К., 1989б. Святилище Пскова по раскопкам 1982 г. // АИППЗ. 1988 г. Псков.
- Лабутина И. К., 1992. Открытие псковского некрополя // Археологи рассказывают о древнем Пскове. Псков.
- Лабутина И. К., 1996а. Раскопки в древней части псковского посада (1967–1991 гг.) // АИП. Псков. Вып. 3.
- Лабутина И. К., 1996б. Погребения псковского некрополя (17–24, 26–28) // Там же.
- Лабутина И. К., Кильдюшевский В. И., Урьева А. Ф., 1981. Древнерусский некрополь Пскова (по раскопкам 1976 г.) // КСИА. Вып. 166.
- Литаврин Г. Г., 1981. Путешествие русской княгини Ольги в Константинополь. Проблема источников // Византийский временник. Т. 42.
- Мальшева (Милютина) Н. Н., 2003. Древнерусский некрополь Пскова X–начала XI вв. (основные итоги исследования) // Псков в российской и европейской истории (к 1100-летию первого упоминания). В 2-х т. М. Т. 1.
- Мальшева Н. Н., 2004. Древнерусский некрополь Пскова X–начала XI века (историко-топографическое исследование): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М.
- Милютина Н. Н., 1994. Некоторые результаты изучения древнерусского кладбища Пскова (погребальный обряд) // АИП. Вып. 2.
- Милютина Н. Н., 1996а. Погребения древнерусского некрополя Пскова (№ 62, 63, 64, 65) // РА. № 3.
- Милютина Н. Н., 1996б. Погребения псковского некрополя (раскопы VI, VIII, IX) // АИП. Вып. 3.
- Милютина Н. Н., 1997. Древнерусский некрополь Пскова (историко-топографическое исследование) // Славянский средневековый город. М. (Тр. VI МКСА. Т. 2.)
- Михайлов К. А., 2001. Древнерусские камерные погребения и Гнёздово // Археологический сборник. М. Тр. ГИМ. Вып. 124.
- Мусин А. Е., 2002. Христианизация Новгородской земли в IX–XIV веках. СПб.
- Наследие варягов. Диалог культур, 1996. Государственный музей-заповедник «Московский Кремль», Государственный исторический музей. Стокгольм.
- Новикова Е. Ю., 1999. Подвески-маски из кладов Швеции, восточной Прибалтики и Древней Руси // Археологический сборник. Памяти М. В. Фехнер. М. Тр. ГИМ. Вып. 111.
- Носов Е. Н., 1990. Новгородское (Рюриково) городище. Л.
- Плоткин К. М., 1996. Граница псковского некрополя (по материалам раскопа X) // АИП. Вып. 3.
- Рыбина Е. А., Розенфельдт Р. Л., 1997. Гребни, расчески // Древняя Русь. Быт и культура. М.
- Рябинин Е. А., Черных Н. Б., 1988. Стратиграфия застройки и хронология нижнего слоя Староладожского земляного городища в свете новых исследований // СА. № 1.
- Салмина Е. В., 1999. Отчет об археологических раскопках в г. Пскове на месте прокладки коммуникаций к д. 12 по Октябрьскому проспекту в 1998 г. (Трупеховские III и VI раскопы) // Архив ОА ПГОИАХМЗ. Д. 111.
- Салмина Е. В., 2000. Работы на Трупеховских III и VI раскопах в 1998 г. в г. Пскове // АО 1998 г.
- Салмина Е. В., 2001. Работы на Трупеховских III и VI раскопах в 1998 г. в Пскове // АИППЗ. Псков.
- Седова М. В., 1981. Ювелирные изделия древнего Новгорода. М.
- Фехнер М. В., 1993. Древнерусское золотное шитье X–XIII вв. в собрании Государственного исторического музея // Средневековые древности Восточной Европы. М.
- Хартанович В. И., 1996. Характеристика антропологических материалов из погребений и культурного слоя в г. Пскове (раскопки 1972, 1974 и 1976 гг.) // АИП. Вып. 3.
- Черных Н. Б., 1996. Археология и дендрохронология. М.
- Яковлева Е. А., 2001. Модель первоначального рельефа Пскова и летописные топонимы Среднего города // АИППЗ. Псков.
- Яковлева Е. А., 2004. Отчет об охранных археологических раскопках в южной части окольного города Пскова на Старовознесенском раскопе в 2003/2004 гг. Камерное погребение X в. // Архив ОА ПГОИАХМЗ. Д. 154. Т. 1–2.
- Hardh B., 1984. Feuerstahle // Birka II:1. Systematische Analysen der Gräberfunde. Stockholm.
- Eisenschmidt S., 1994. Kammergräber der Wikingerzeit in Altdänemark. Bonn.
- Müller-Wille M., 1987. Das wikingerzeitliche Gräberfeld von Thumby-Bienebeck (Kr. Rendsburg-Eckenforde). Teil II. Neumünster.
- Jansson, 1985. Ovals spannucklor // Archaeological Studies Uppsala University Institute of North European Archaeology.

Исследования средневекового Белоозера

В 1990 году Белозерским отрядом Онежско-Сухонской экспедиции ИА РАН были возобновлены археологические исследования одного из древнейших городских центров Северо-Восточной Руси — города Белоозера. Эти работы стали продолжением масштабных раскопок городища, которые велись под руководством Л. А. Голубевой с 1949 г. и были прерваны в 1965 г. в связи с реконструкцией Волго-Балтийского водного пути и значительным подъемом уровня воды в р. Шексне и Белом озере (Голубева, 1973).

Новый цикл полевых исследований на Белоозере существенно отличался от традиционных археологических раскопок. Затопление и подтопление большей части городища потребовало выработки новых подходов как к проведению полевых работ, так и к дальнейшей обработке полученного материала (*рис. 1*). Опираясь на накопленный в археологии опыт исследования разрушаемых памятников, в первую очередь — памятников эпохи камня, был разработан и успешно реализован комплекс методических приемов, который позволил превратить собираемый материал в надежный источник новых данных по истории Белоозера. Большую роль в этом сыграло совершенствование технических приемов сбора находок и широкое использование металли-

ческих сит для промывки переотложенного водой культурного слоя (Захаров, 2001; 2004). В результате за 13 лет исследований удалось собрать около 14 тысяч средневековых предметов. В новой коллекции, благодаря ее огромным размерам, широко представлены самые разнообразные категории вещей — от железных ножей и шиферных пряслиц до золотых украшений, свинцовых печатей и каменных иконок, — дающие детальное представление практически обо всех сторонах жизни этого крупного древнерусского города (*рис. 2, 3*). Интересные и важные материалы, значимые для понимания ранних этапов развития города, были получены при раскопках городского некрополя в 1993—1994 гг., когда удалось изучить древнейшую часть могильника, содержащую погребальный комплекс со своеобразным обрядом кремации (Макаров и др., 2001, с. 83, 279—309).

Всесторонний компьютерный анализ богатейшей вещевой коллекции, собранной в ходе новых исследований, дополняя результаты раскопок Белоозера и его некрополя, позволяет достаточно подробно и надежно реконструировать историю становления и развития города. Не меньшее значение для понимания особенностей градообразования и общих закономерностей урбанизации северной части Руси имеют итоги интенсивных

археологических изысканий в регионе, история которых насчитывает уже более полувека. Благодаря масштабным разведочным работам, нацеленным на максимальное выявление археологических памятников, раскопкам на эталонных, узловых для понимания истории края поселениях и могильниках, Белоозера на сегодняшний день можно включить в число наиболее полно изученных территорий Древней Руси (Голубева, Кочуркина, 1991; Макаров, 1990; 1993; 1997; Шаров, Хворостова, 1996; Захаров, 1993; 1994; 1996; 2002; 2004; Макаров, Зайцева, 1999; Макаров, Захаров, 1999; 2003; Макаров и др., 2001; Макаров, Меснянкина, 2004; Кудряшов, 2002). Важной особенностью накопленных археологических материалов является их разноплановость, сочетающая как широту, так и глубину охвата. Собранные материалы позволяют рассмотреть историю развития города в контексте формирования и трансформации сети сельских поселений региона и по-новому осветить многие особенности существования Белоозера, являвшегося не только одним из древнейших, но и наиболее удаленным от центра древнерусским городом.

Благодаря новым исследованиям можно считать доказанным, что Белоозера, как и Новгород, представляло собой город, разделенный на

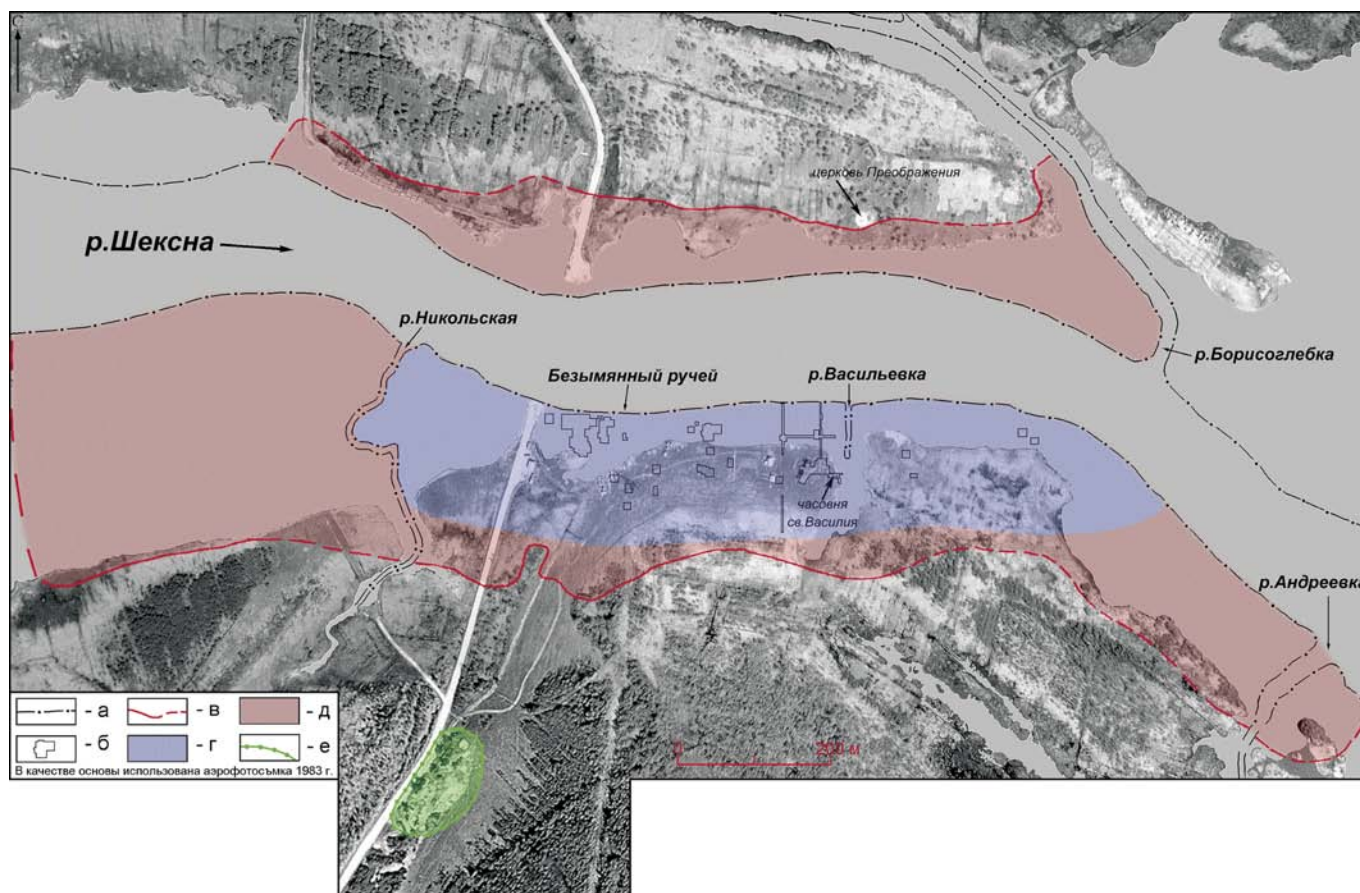

Рис. 1. Древнерусский город Белоозеро: общая территория и современное состояние памятника.

а. Берега рек до затопления; б. Раскопы Л. А. Голубевой; в. Границы распространения культурного слоя; г. Территория города по результатам раскопок; д. Территория городского некрополя.

двое рекой. Первоначальное поселение возникло на правом берегу Шексны, в его наиболее возвышенной части. С течением времени правобережная часть города вытянулась вдоль берега реки почти на 2 км, а его площадь достигла 41 га. Застройка левого берега Шексны началась не позднее первой половины XI в., и в период расцвета города левобережное поселение занимало не менее 13 га. Общая площадь Белоозера, по новым данным, составляла около 54 га, что, безусловно, ставит его в ряд крупнейших городских центров Северо-Восточной Руси (рис. 1).

Одной из интереснейших проблем в истории Белоозера является вопрос о времени его возникновения и характеристике начальных этапов существования города. Как известно, Белоозеро впервые упоминается в ле-

тописной статье 862 г. среди древнейших русских городов в качестве одного из ключевых пунктов «Сказания о призвании варягов» — места княжения Синеуса. Изучению проблемы призвания варягов посвящена огромная литература, однако роль Белоозера в этом процессе до последнего времени оставалась предметом дискуссий. Уже первое обобщение результатов раскопок (Голубева, 1973) выявило существенную хронологическую нестыковку между летописными и археологическими данными.

В последние десятилетия, благодаря появлению новых материалов, среди которых особое место занимают итоги раскопок Рюрикова городища, произошли значительные изменения в оценке исторической достоверности «Сказания». Признание реальности его контекста и основ-

ной фабулы побудило исследователей к поиску решений, позволяющих, в свою очередь, снять явные противоречия между сведениями «Сказания», относящимися к Белоозеру, и археологическим материалом. В результате были сформулированы две точки зрения — о возможности пересмотра датировок древнейших городских напластований и отнесения времени основания Белоозера к IX в. (Дубов, 1990, с. 61–64), и о возможности отождествления Белоозера эпохи Синеуса не с городом у истока Шексны, а с каким-либо другим средневековым поселением края. В качестве основных претендентов на эту роль было предложено рассматривать поселения в Киснеме — на северном берегу Белого озера (Булкин и др., 1978, с. 129; Башенькин, 1997, с. 22, 23), либо одно из древнейших поселений

региона — поселение Крутик, существовавшее во второй половине IX — третьей четверти X в. в верхнем течении Шексны (Белецкий, 1996, с. 15–16; Башенькин, 1997, с. 23). Между тем, новые материалы, полученные в результате широкомасштабных полевых исследований, заставляют усомниться в правомерности таких построений.

Детальный анализ всего комплекса древнейших находок, происходящих как с территории самого города, так и из его некрополя, убеждает в том, что начало развития Белоозера относится к середине X в. При более осторожном подходе, принимая во внимание определенную слабость датирующего потенциала вещевой шкалы раннего периода, время возникновения города следует определять в рамках второй трети X в. Но никаких реальных данных для удревнения этого события и отнесения его к началу X в., а тем более к IX столетию, в нашем распоряжении нет (Захаров 2004, с. 65–68). Поэтому, учитывая весь известный на сегодняшний день археологический материал, можно достаточно уверенно констатировать тот факт, что хронологический разрыв между летописной датой возникновения Белоозера и реальным событием составлял не менее чем три четверти века.

Тщательное обследование северного берега Белого озера доказало, что находок, относящихся к эпохе призвания варягов, в Киснеме нет. Зарождение этого куста селищ, ставшего в XII–XIII вв. одним из крупнейших в регионе, произошло лишь в конце X в., когда на месте будущей агломерации возникли два миниатюрных селища. Их суммарная площадь была во много раз меньше площади Белоозера в тот же период. К XI в. относятся и древнейшие из исследованных погребений Киснемского могильника, располагавшегося на моренной возвышенности к северо-востоку от поселений (Макаров и др., 2001, с. 139–145). Следовательно, небольшие киснемские селища, появившиеся спустя несколько десяти-

летий после основания поселения в истоке Шексны, не могут рассматриваться ни как предшественники Белоозера, ни как город, в котором «седе» Синеус.

Не может претендовать на роль города Синеуса и поселение Крутик, несмотря на синхронность его существования событиям, изложенным в «Сказании о призвании варягов». Чрезвычайно скромные размеры этого памятника, занимавшего лишь около 0,6 га, отсутствие искусственных укреплений, практически полное отсутствие в вещевой коллекции предметов вооружения и расположение в сравнительно труднодоступном месте не позволяют считать Крутик центром раннегородского типа и даже просто крупным поселением. А ярко выраженная специфика хозяйственного уклада, основу которого составляла промысловая охота на пушного зверя, четко зафиксированная составом и огромными размерами остеологической коллекции памятника (Андреева, 1991, с. 182, 183), заставляет отнести Крутик к числу тех периферийных поселений, где осуществлялась непосредственная добыча разнообразных продуктов лесного промысла, поступавших затем на международные рынки. Невозможно рассматривать Крутик и в качестве регионального экономического и административного центра, предшествующего в этом качестве Белоозеру. Располагаясь за пределами основного ареала расселения веси, Крутик был одним из первых поселений в этом регионе, и время его возникновения маркирует, очевидно, начальный этап проникновения веси из Юго-Западного Белозерья на Белое озеро и Шексну. Первичная сеть поселений начинает складываться здесь в X в., уже в тот период, когда возникает поселение на истоке Шексны, а жизнь на Крутике постепенно замирает.

Не подтверждает особого положения Крутика и анализ распространения находок скандинавского облика в Центральном Белозерье. В первую очередь следует отметить, что белозерские материалы по количест-

ву, разнообразию и яркости скандинавских вещей существенно уступают собраниям, происходящим из соседних регионов — Юго-Восточного Приладожья, Ярославского Поволжья, территории мери, не говоря уже о коллекциях из Рюрикова городища, Гнёздова или Ладоги. Кроме того, несмотря на масштабные работы по исследованию могильников Белозерья, ни одно из вскрытых к настоящему времени погребений не может быть атрибутировано как достоверно скандинавское. Неменьшее значение для рассматриваемой темы имеют и результаты хронологического анализа. Выясняется, что все достоверно скандинавские предметы в Белозерье, включая и находки с Крутика, не могут быть датированы временем ранее второй половины X в. и, следовательно, не имеют прямого отношения к эпохе призвания варягов (Макаров и др., 2001, с. 85; Захаров, 2004, с. 111–118).

Вместе с тем приведенные сведения не следует расценивать как доказательство полного отсутствия интереса варягов к Белозерью. Об очевидном присутствии здесь скандинавов свидетельствуют как сами находки, так и их тесная связь с важнейшими, узловыми точками ранней истории региона. С территории центрального поселения края — города Белоозера — происходит самая многочисленная и разнообразная коллекция скандинавских вещей. Наиболее яркие находки, среди которых присутствует железный молоточек Тора, связаны с другим древнейшим пунктом региона — группой памятников в низовьях р. Кемы. Фиксируются следы пребывания варягов и на Крутике. Но совершенно очевидно, что устанавливаемые по археологическим данным масштабы скандинавского присутствия в Белозерье и время появления здесь варягов не соответствуют той роли, которая отводится Белоозеру в летописном «Сказании о призвании варягов».

Темпы роста раннего Белоозера были весьма высоки, и к концу X в. оно занимало уже около 1,5 га, явля-

Рис. 2. Актовые печати из сборов на Белоозере в 1997–1999 гг.

ясь крупнейшим поселением региона. Культурный облик этого поселения близок культуре ранних городов и открытых торгово-ремесленных поселений на севере Руси, и начало урбанизации края, безусловно, связано со становлением города в истоке Шексны.

В дальнейшем развитии Белоозера выделяются два периода быстрого роста территории и интенсификации жизни в городе. Первый относится к XI в. — за это столетие общая площадь города увеличилась в 5 раз, достигнув к концу века 7 га. Второй этап приходится на вторую половину XII — начало XIII в. и совпадает с

периодом наивысшего расцвета Белоозера. Общая площадь, занятая городом в этот период, составляла более 50 га. Однако уже со второй половины XIII в. начинается постепенное сокращение городской территории. В XIV в. заселенной остается лишь самый восточный край некогда огромного города. Такая ситуация, выявленная при повторном рассмотрении и картографировании результатов раскопок, подтверждается новыми данными, полученными при изучении многотысячной коллекции подъемного материала, происходящей практически со всей территории памятника и отражающей общую ситуацию

более детально и точно, чем материалы раскопок. К сожалению, из-за почти полного затопления восточной окраины города определить площадь Белоозера в этот период можно лишь приблизительно, но совершенно ясно, что размеры Белоозера в XIV в. были значительно меньше, чем в XI в.

Упадок Белоозера сопровождался становлением нового центра края — города Белозерска. В исторической литературе это явление обычно именуется «переносом» и связывается с эпидемиями моровой язвы, дважды прокатившейся по Руси во второй половине XIV в. Считается, что в ре-

зультате моровых поветрий Старый город запустел, а часть оставшегося в живых населения переселилась на южный берег Белого озера, где в это время возник новый город. Однако тщательный анализ летописных известий и поземельных документов подтверждает сделанный на основании археологических материалов вывод о том, что явное угасание города началось по крайней мере за полстолетия до моровых поветрий (Захаров, 1994).

Для понимания сути происходящих перемен и выяснения причин упадка Старого города необходимо оценить изменения, происходившие в X–XIII вв. как в его округе, так и во всем регионе. Результаты исследований позволяют утверждать, что Белоозеро возникает в неосвоенном районе, вне связи с аграрными поселениями. Ближайшие окрестности города не заселяются в течение X и XI в. Сеть сельских поселений вокруг него пребывала в зачаточном состоянии даже во второй половине XII–XIII вв. — в эпоху наиболее интенсивного развития Белоозера. Вместе с тем, отмечая опережающие, особенно на ранних этапах, темпы роста самого города, можно достаточно уверенно говорить о том, что эволюция Белоозера во многом соответствует общей динамике развития региона.

Исследование сельских памятников принесло богатейшие материалы, дающие возможность восстановить как структуру хозяйства региона, так и динамику изменения сети сельского расселения. Сопоставление полученных данных с результатами изучения города показывает, что Белоозеро было прочно вписано в ту систему экономики, которая в X–XIII вв. позволяла динамично развиваться как городу, так и всему региону в целом. В ее основе лежал комплексный характер хозяйства, значительная товарность которого обеспечивалась в первую очередь не земледелием, а высокой продуктивностью разнообразных промыслов. Важное место среди таких промыслов, как показывает состав археологических коллекций сельских памятников, зани-

мала пушная охота. Особая эффективность такого хозяйственного уклада способствовала формированию определенной системы сельского расселения, которая начинает складываться уже в XI в. и достигает своего расцвета, как и сам город, в XII–XIII вв. Ее характеризует расположение большинства поселений непосредственно на берегах рек и побережьях озер, преобладание относительно крупных поселений, группировка их в компактные гнезда и, соответственно, значительная концентрация населения в небольших по размерам микрорегионах (Макаров и др., 2001, с. 224). Причем сам город, на долю которого в XII–XIII вв. приходится около трети от общей площади белоозерских поселений, являлся местом сосредоточения значительной части экономических и людских ресурсов края.

Последовавший затем кризис, нашедший наиболее яркое отражение в судьбе центрального поселения края, мог быть обусловлен целым рядом причин. Важное место среди них занимало, вероятно, ощутимое истощение природных ресурсов окружающих территорий, уменьшение их продуктивности и существенное увеличение количества населения, требовавшие изменений в сложившейся структуре хозяйства. В сельских районах кризис выразился в кардинальной перестройке системы расселения, направленной на увеличение в экономике удельного веса аграрного сектора. В конце XIII–XIV в. значительная часть населения перемещается с побережий озер и рек на более возвышенные водораздельные участки, где формируется сеть малодворных деревень, расположенных на небольшом расстоянии друг от друга. Но для города смена хозяйственного уклада оказалась губительной. Не имея возможности для развития в новых условиях, Белоозеро угасает.

Следствием упадка Старого города стало формирование нового центра края, возникающего всего в 15 км к западу от него, но расположенного в совершенно иных топографических

и ландшафтных условиях. Первые селища в этом районе появляются уже в X в. — в тот же период, что и город Белоозеро. В XII–XIII вв. южный берег Белого озера был уже плотно заселен и освоен, существенно выделяясь по этим показателям даже на региональном уровне. И именно в это время, в середине XII в., здесь возникает еще одно поселение — на месте будущего Белозерска. По размерам и составу находок оно близко окружающим селищам, но в отличие от них располагалось не в озерной котловине, а на одном из отрогов моренного холма, на высоте около 30 м над уровнем воды.

И хотя упадок второй половины XIII–XIV в. фиксируются здесь так же отчетливо, как и на остальной территории Белозерья, исключительно высокая концентрация людских и материальных ресурсов предшествующего периода стала, вероятно, основой для активного развития района в новых исторических условиях. На этом фоне факт создания поселения на месте Белозерского кремля, топография расположения которого, резко отличаясь от топографии окружающих селищ XII–XIII вв., полностью отвечала новым требованиям, выглядит весьма примечательно. Моренно-холмистые ландшафты в окрестностях Белозерска, способные удовлетворить возникшую потребность в значительном расширении сельскохозяйственных угодий, являлись районом интенсивного заселения в XIV–XV вв. Эти обстоятельства позволяют говорить, что процесс становления Белозерска во многом соответствует известному представлению о возникновении городов в густонаселенных сельскохозяйственных районах в связи с внутренними потребностями их развития. К сожалению, археологические материалы не позволяют детально охарактеризовать этапы развития Белозерска и четко определить время перемещения административного центра края. Вместе с тем есть все основания относить это событие к первой половине XIV в. — периоду явной деградации Старого города.

Рис. 3. Некоторые вещевые находки из сборов на Белоозере.
1-16. Золото; 17-22. Серебро; 23-25. Камень; 26-30. Стекло.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Андреева Е. Г., 1991.* Фауна поселения Крутик (по остеологическому материалу из археологических раскопок) // Голубева Л. А., Кочуркина С. И. Белозерская весь (по материалам поселения Крутик IX–X вв.). Петрозаводск.
- Башенькин А. Н., 1997.* Вологодская область в древности и Средневековье // Вологда: Краеведческий альманах. Вологда. Вып. 2.
- Белецкий С. В., 1996.* Начало Пскова. СПб.
- Булкин В. А., Дубов И. В., Лебедев Г. С., 1978.* Археологические памятники Древней Руси IX–XI веков. Л.
- Голубева Л. А., 1973.* Весь и славяне на Белом озере. X–XIII вв. М.
- Голубева Л. А., Кочуркина С. И., 1991.* Белозерская весь (по материалам поселения Крутик IX–X вв.). Петрозаводск.
- Дубов В. И., 1990.* Новые источники по истории Древней Руси. Л.
- Захаров С. Д., 1993.* Левобережное Белоозеро по результатам обследований 1990–1992 гг. // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Материалы научной конференции. Новгород. Вып. 7.
- Захаров С. Д., 1994.* Письменные и археологические данные о Белоозере XIV в. // ТАС. Тверь. Вып. 1.
- Захаров С. Д., 1996.* Некоторые итоги исследований древнего Белоозера (1990–1993 гг.) // Древности Русского Севера. Вологда. Вып. 1.
- Захаров С. Д., 2001.* К вопросу о методике раскопок средневековых поселений // КСИА. Вып. 211.
- Захаров С. Д., 2004.* Древнерусский город Белоозеро. М.
- Кудряшов А. В., 2002.* Археологические памятники Средней Шексны X–XIII вв.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М.
- Макаров Н. А., 1990.* Население Русского Севера в XI–XIII вв. По материалам могильников восточного Прионежья. М.
- Макаров Н. А., 1993.* Русский Север: таинственное Средневековье. М.
- Макаров Н. А., 1997.* Колонизация северных окраин Древней Руси в XI–XIII вв. По материалам археологических памятников на волоках Белозерья и Поонежья. М.
- Макаров Н. А., Зайцева И. Е., 1999.* Новые исследования средневековых могильников на Русском Севере. Могильник Минино II на Кубенском озере // РА. № 4.
- Макаров Н. А., Захаров С. Д., 1999.* Археологическое изучение северорусской деревни: первые итоги раскопок поселения Минино на Кубенском озере // Славяне, финно-угры, скандинавы, волжские булгары. СПб.
- Макаров Н. А., Захаров С. Д., 2003.* Накануне перемен: сельские поселения на Кубенском озере в XII–начале XIII вв. // Русь в XIII веке: Древности темного времени. М.
- Макаров Н. А., Меснянкина С. В., 2004.* К изучению средневековых могильников с кремациями на Русском Севере // Восточная Европа в Средневековье: К 80-летию Валентина Васильевича Седова. М.
- Макаров Н. А., Захаров С. Д., Бужилова А. П., 2001.* Средневековое расселение на Белом озере. М.
- Шаров С. А., Хворостова Е. Л., 1996.* Археологическое изучение Белозерского кремля XII–XV вв. // Древности Русского Севера. Вологда. Вып. 1.
- Zakharov S., 2002.* Beloozero town: an urban centre on the periphery // Medieval Europe. Basel. 2002. Center – Region – Periphery. 3rd International Conference of Medieval and Late Archeology. Vol. 3. Hertingen.

Неизвестное Средневековье: сельские поселения и могильники на Кубенском озере

Средневековые селища — самая многочисленная и самая малоизученная категория археологических памятников на Русской равнине. Общее число селищ с культурными напластованиями X—XIII вв., т. е. классической древнерусской культуры, выявленных в настоящее время на территории Европейской России, составляет несколько тысяч. По имеющимся данным, в центре и на севере Европейской России, на территории современных Псковской, Новгородской, Ленинградской, Вологодской, Тверской, Ярославской, Смоленской, Московской, Костромской, Ярославской, Нижегородской, Ивановской и Владимирской областей, раскопки на площади более 80 кв. м производились на 65 селищах этого времени (рис. 1). В этот список не вошли открытые поселения на посадах древнерусских городищ, средневековые сельские поселения на площадках городищ железного века, многослойные поселения, на которых вещевые комплексы домонгольского времени трудно отделимы от позднейших и более ранних. Но даже если расширить этот перечень, остается несомненным, что лишь ничтожная часть общего массива древнерусских селищ затронута раскопками. Понятно, что современные научные зна-

ния о древнерусской деревне домонгольского времени формировались при значительном дефиците конкретного археологического материала, характеризующего культуру и хозяйство сельских поселений.

Пробелы в археологическом изучении средневековой деревни не могут быть ликвидированы путем одних лишь обследований памятников, составления археологических карт и комплексных ландшафтных исследований, без широких раскопок селищ. В археологии остро ощущается дефицит конкретных знаний о внутренней структуре сельских поселений, жилых и хозяйственных сооружений и обиходных вещах. Но, осознавая необходимость расширения раскопок, мы должны отдавать себе отчет, что эти пробелы обусловлены не только скромными размерами вскрытых площадей, недостаточным количеством исследованных построек и собранных артефактов, но и недостаточно эффективными приемами старых раскопок, неудовлетворительными методами фиксации и сбора артефактов, неполнотой и неточностью имеющейся археологической документации по раскопанным памятникам.

Мининский проект, работа над которым продолжалась 9 лет (1996—2004 гг.), был задуман как попытка

углубленного изучения истории колонизации компактной сельской территории на северной периферии Руси, как микрорегиональное исследование, нацеленное на выявление механизмов роста и культурных изменений. Идея раскопок эталонного средневекового селища или локальной группы селищ на Севере появилась в середине 1990-х гг., в момент завершения цикла полевых работ по изучению средневекового расселения на Белом озере, основным содержанием которых было широкое обследование центральной части Белозерского края с максимальным полным выявлением и картированием селищ, но без раскопок (Макаров, Захаров, Бужилова, 2001). Предполагалось, что следующим шагом в изучении сельских территорий Севера должны были стать стационарные раскопки одного из выявленных памятников с хорошей сохранностью культурного слоя. Поиски наиболее подходящего объекта завершились выбором для раскопок селища Минино I, находящегося на Кубенском озере, к востоку от обследованных Онежско-Сухонской экспедицией ИА РАН белозерских территорий. Планируя полевые работы на Кубенском озере, мы исходили из того, что перспективу получения значимых научных результатов открывает не только

распространение раскопок на новые памятники, выделяющиеся особым качеством, но и обновление методов, поиски новых приемов полевых исследований, адекватных тем проблемам, которые предстоит решить.

Археологический комплекс Минино включает семь археологических памятников, приуроченных к приустьевой части р. Дмитриевки (другие названия Староселка, Карачевка) на участке протяженностью около 1 км от места впадения ее в Кубенское озеро (рис. 2). На шести из этих памятников выявлен культурный слой различных исторических эпох, разной мощности и сохранности, на двух выявлены и исследованы погребения, часть которых прорезает культурный слой или перекрыта им, одна из стоянок полностью размыта озером и зарегистрирована как местонахождение. Поселения и могильники, получившие свое название по имени ныне существующей д. Минино, тесно соседствуют с бывшим Дмитриевским Карачевским погостом, полуразрушенная церковь которого находится на правом берегу реки, в 900 м от озера. Средневековый культурный слой зафиксирован на трех поселениях (Минино I, VI, VII), рядом с которыми выявлен обширный средневековый могильник (Минино II), (рис. 2), (Кубенское озеро, Макаров, Захаров, 2003; 2005; Макаров, Зайцева, 2003).

Ценность Мининского археологического комплекса для изучения севернорусской деревни определяется, с одной стороны, характером отдельных объектов, их необычной сохранностью и высокой насыщенностью вещевым материалом, с другой стороны, относительной целостностью всего гнезда памятников и его ландшафтного окружения. Площадка одного из селищ, занимающего центральное положение в локальной группе, в отличие от большинства средневековых поселений осталась незатронутой распашкой и таким образом сохранила стратиграфию культурных отложений и остатки построек. Избежал значительных разрушений и

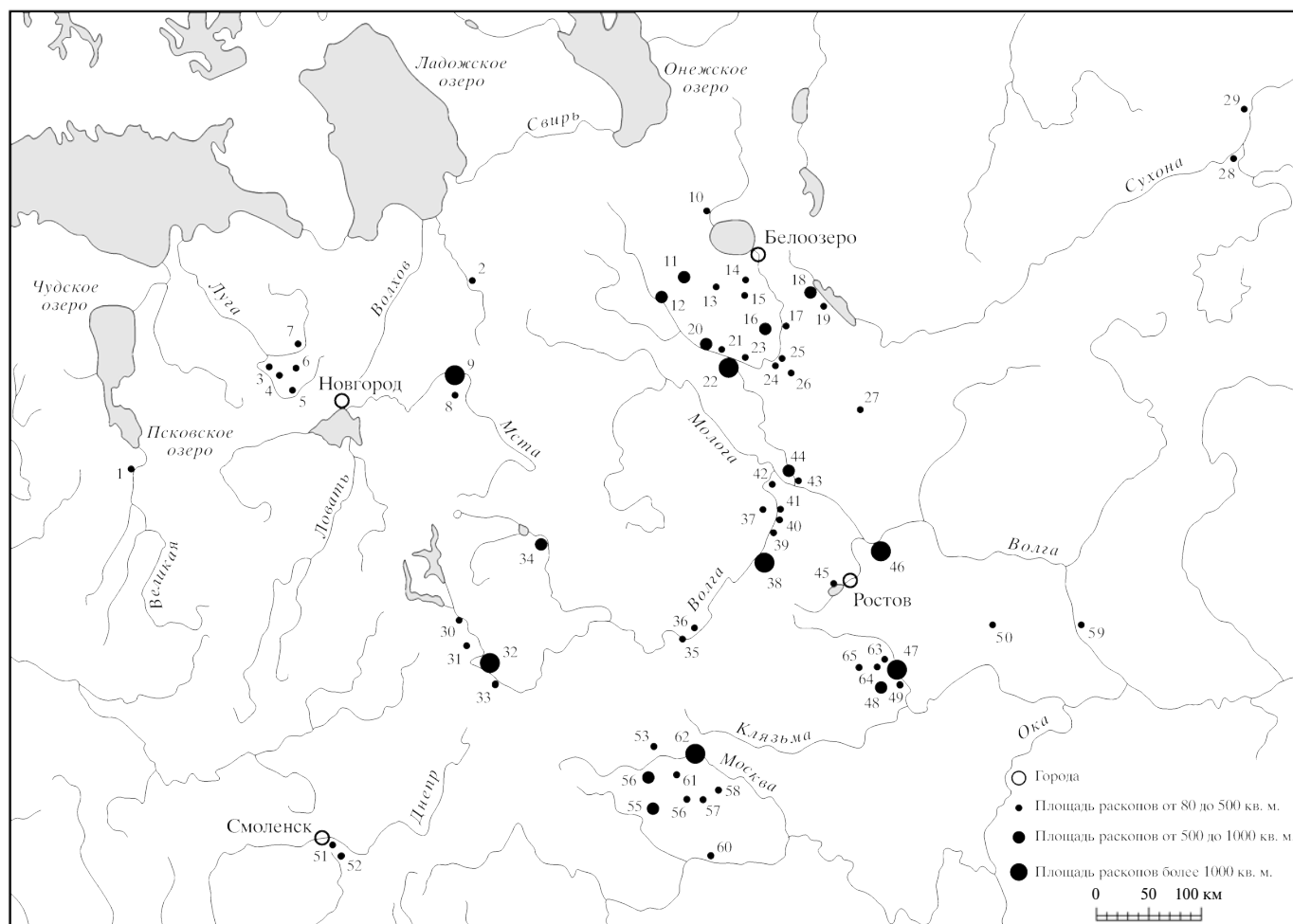
могильник с погребениями по обряду кремации и ингумации. Многочисленный вещевой материал, сопровождавший погребения, дал возможность достаточно точно определить их хронологические позиции и общую динамику функционирования некрополя. Раскопки в Минино открыли неожиданные перспективы для изучения ландшафтных и исторических взаимосвязей между отдельными объектами, для перекрестного изучения различных аспектов средневекового расселения, хозяйства и культуры в рамках одной локальной территории с опорой на разные категории источников и материалов.

Общий подход к исследованию памятников Мининской локальной группы определили три принципиальных момента. Во-первых, полевые работы изначально были организованы как «медленные раскопки» с тонкими методами разборки культурного слоя, позволяющими полнее собрать вещевой материал, часть которого неизбежно уходит в отвал при обычных приемах раскопок, и точнее зафиксировать строение культурного слоя и остатков сооружений (Захаров, 2001). В задачу проекта входило не полное вскрытие памятников, а получение репрезентативных данных, достаточных для реконструкции различных аспектов средневековой жизни. Благодаря тонким приемам разборки культурного слоя на двух селищах (Минино I и Минино VI) в раскопах общей площадью около 1000 кв. м было собрано около семи с половиной тысяч средневековых вещей. Собрание находок из раскопов на поселении Минино I является наиболее крупной коллекцией вещей, когда-либо собранной при раскопках древнерусского селища домонгольского времени. Даже если учесть наличие в коллекции значительного количества малоинформативных мелких обломков артефактов, это собрание дает неизмеримо более подробные представления о материальной культуре сельских поселений, чем коллекции других близких по характеру памятников.

Во-вторых, археологическая часть проекта дополнялась естественнонаучными исследованиями, специфичными для каждого конкретного памятника, в том числе изучением палеоэкологических материалов, собиравшихся в ходе раскопок. Специалистами изучены спорово-пыльцевые материалы из культурного слоя и естественных разрезов, зерновые материалы из культурного слоя, археозоологические материалы, включая остатки ихтиофауны, антропологические материалы из могильника. Радиоуглеродным методом датировано около 40 образцов органики из культурного слоя и с площадки могильника. Реконструкция природной среды, окружавшей средневековые поселения, многих аспектов хозяйственной деятельности и жизнеобеспечения, разнообразных палеоэкологических аспектов колонизации стала возможна именно благодаря участию в проекте специалистов-естественников.

Наконец, существенно параллельное исследование поселений, могильников и хозяйственной зоны, принадлежащих одному археологическому микрорегиону, что дало возможность изучения жизни одного средневекового коллектива по разным группам материалов.

Селище Минино I, располагавшееся на невысоком выступе мысовидной террасы р. Дмитриевки — центральное поселение Мининского гнезда. Его площадка была тесно застроена: на современной поверхности до раскопок зафиксированы задернованные развалы печей — 46 небольших всхолмлений, на верхушках которых из-под дерна выступали крупные камни. В раскопах выявлены остатки не менее 7 наземных сооружений, 6 из которых — жилые дома (рис. 3), а одно имело производственное назначение. Расчищенные в раскопах жилые постройки представляли собой наземные сооружения срубной конструкции, двухкамерные, с внутренней перегородкой, с остатками печей, сооружавшихся из камня и глины (рис. 3). На поселении

1. Выбуты	23. Урывково	45. Шурскол II
2. Петровское 3	24. Минино 4 на Юге	46. Введенское
3. Удрай IV	25. Минино 5 на Юге	47. Весь 1
4. Удрай III	26. Минино 2 на Юге	48. Гнездилово
5. Удрай I	27. Телешово II	49. Васильково
6. Удрай II	28. Морозовица I–II	50. Рыбино (Стрелка 1)
7. Заполье 2	29. Гостинское	51. Дросненское
8. Заручьеvie IV–VII	30. Волково	52. Яновское
9. Бор IV	31. Холмово	53. Саввинская слобода
10. Никольское V на Кеме	32. Благовещение	54. Письково
11. Муриновская пристань	33. Струйское	55. Кутьино 1а
12. Никольское VI	34. Шитовичи 6	56. Жданово
13. Молебный остров	35. Пекуновское	57. Покров 5
14. Дюково	36. Кимрское	58. Новое Сьяново
15. Нефедово	37. Оленино	59. Наговицыно I
16. Селище-Воркопъ	38. Грехов Ручей	60. Прилуки I
17. Андриюшино-Ирма	39. Алтыново	61. Десна
18. Минино I на Кубенском	40. Золоторучье	62. Мякинино
19. Минино VI на Кубенском	41. Нестерово	63. Весь 5
20. Кривец	42. Васильки	64. Вишенки 3
21. Октябрьский Мост	43. Усть-Шексна 1	65. Кистыш 3
22. Соборная Горка	44. Усть-Шексна 2	

Рис. 1. Древнерусские селища X–первой половины XIII в., исследованные раскопками.

Рис. 2. Мининский археологический комплекс. Общий вид с обозначением местоположения средневековых памятников.

Минино I собрано в общей сложности 5180 находок, не считая керамики. Среди них 1454 изделия из стекла (рис. 4), 1148 изделий из цветного металла (рис. 5), 1925 изделий из железа, 288 изделий из кости и рога, 180 изделий из камня, 184 изделия из глины. Таким образом, более половины коллекции составляют импорты или вещи, изготовленные из привозных материалов. Ассортимент бытовых и хозяйственных вещей и украшений разнообразен — от железных ножей и сланцевых оселков до фрагментов византийских стеклянных сосудов и гири для малых взвешиваний, от простых бронзовых спиральных и трубчатых пронизок до сложных зооморфных украшений, изготовленных в наборной технике (рис. 5, 1). Наиболее

представительными категориями вещей в коллекции являются стеклянные бусы (1397 экз., рис. 4), железные ножи (288 экз.) и иглы (296 экз.), детали металлической посуды (190 экз.). Найдено 10 целых и фрагментированных западноевропейских денариев, чеканенных между 993 и 1086 гг. (рис. 5, 2). Выразительную группу находок составляют христианские древности — кресты-тельники и подвески с изображением креста (всего 22 экз., рис. 5, 3) (Макаров, 2004). Среди них 3 креста «скандинавского типа» (рис. 5, 3) происходящие из культурных напластований XI в.

Датировка большинства вещей из культурного слоя укладывается в пределы конца X—начала XIII в. Для уточнения нижней даты поселения существенное значение имеют стек-

лянные бусы. Следует отметить присутствие в коллекции мозаичных бус, в том числе поперечно-проколотых, полосатых лимонок, цилиндрических пронизок из тянутой трубочки, крупных рубленых бисерин и навитых глазчатых бус с петлями. В целом на долю бус из тянутой трубочки и другие ранние типы бус, время бытования которых определяется X—XI вв., приходится более 23% всех стеклянных бус селища (325 экз.). Радиоуглеродным методом датирован 21 образец углей и дерна из культурного слоя. Общий интервал 15 из них соответствует 892—1260 гг., однако верхняя граница четырех наиболее ранних дат, входящих в эту группу, установлена в пределах второй половины—последней трети X в., то есть соответствует датировке наибо-

Рис. 3. Поселение Монино I. Раскоп 3 с развалом печи в жилой постройке XII в.

лее ранних бус. В целом радиоуглеродные и вещевые даты определяют время существования поселения в близком интервале.

Поселение Монино VI, находящееся в 250 м к юго-западу, на противоположном берегу р. Дмитриевки, по своей топографии и современному внешнему облику существенно отличается от первого селища. Этот памятник располагается на более высокой береговой террасе (высота берега над меженным уровнем воды 4–5,5 м) и имеет значительно большую площадь (средневековая керамика зафиксирована на площади не менее 3 га, хотя на площади 1 га концентрация ее очень низкая). Поверхность селища имеет следы многолетней распашки, ее борозды хорошо видны на материке после снятия слоя аморфной темно-серой гумусированной супеси толщиной до 40 см, со-

ставляющей основную часть культурных напластований. Не потревоженный распашкой темно-серый культурный слой, насыщенный печными камнями, крупными фрагментами керамики и костями животных, сохранился практически только в материковых ямах. Всего в раскопе выявлено 177 ям различных размеров, форм и глубины, по составу находок и керамическим комплексам 64 из них отнесены к средневековому времени. По крайней мере одна из них представляет собой подпечную яму жилой постройки.

Хотя состояние культурного слоя, казалось бы, не позволяло рассчитывать на сбор сколько-нибудь представительной вещевой коллекции, раскопки дали обильный вещевой материал, происходящий как из перемешанного распашкой аморфного слоя, так и из ям. Структура вещевой кол-

лекции в целом близка коллекции центрального селища Монино I. В составе ее 337 предметов из стекла, 533 предмета из цветного металла (рис. 6) и 669 предметов из железа. Наиболее представительные категории находок, как и на первом поселении, — стеклянные бусы (334 экз.), железные ножи (83 экз.), железные иглы (113 экз.). Среди находок 5 серебряных западноевропейских денариев (рис. 6, 1–5), фрагмент весов для малых взвешиваний, амулет-топорик, свинцовая пломба (рис. 6, 6), стеклянная вставка перстня. Значительными сериями представлены нательные крестики (рис. 6, 7–13), разнообразные металлические украшения (височные кольца, браслеты (рис. 6, 26), перстни (рис. 6, 23–25) подвески (рис. 6, 28, 29), обломки фибул и детали поясных наборов (рис. 6, 15–22), стеклянные перстни.

Рис. 4. Поселение Ммино I. Стекланные бусы.

Рис.5. Поселение Митино I. Предметы из цветного металла и серебра.

Рис.6. Поселение Минино VI. Предметы из цветного металла и серебра.

Рис. 7. Могильник *Минино II*. Средневековые погребения на площадке. Общий вид.

По набору бус, включающему рубленый бисер (4), желтые (3), золото- и серброкстеклянные (3), лимонки и ягдовидные бусы (7), время возникновения поселения следует относить к периоду не позднее середины XI в.

Сопоставление материалов обоих селищ выявляет ряд различий между ними. Заметны различия в планировочной структуре. Селище *Минино I* было застроено весьма плотно: на раскопах неоднократно фиксировались случаи, когда новые постройки частично или полностью перекрывали остатки существовавших ранее сооружений. Очевидно, поселение имело упорядоченную — уличную — планировку. Напластования этого селища чрезвычайно плотно насыщены различными культурными остатками. Так, на 1 кв. м вскрытой площади приходилось в среднем более 16 индивидуальных находок и около 0,6 кг керамики. Иная картина фиксируется на селище *Минино VI*. На один

метр вскрытой площади здесь приходится около 3 предметов и 0,25 кг керамики. Менее плотной была и застройка селища. Несмотря на то, что частичное наложение жилых зон разного времени прослеживается и здесь, ясно, что постройки располагались более свободно, на некотором удалении друг от друга. Вероятно, это поселение имело прибрежно-рядовую или кучевую застройку.

Вместе с тем прослеживаемые различия в планировочной структуре, плотности застройки и насыщенности культурного слоя различными находками нельзя рассматривать как свидетельство различий в уровне жизни или системах жизнеобеспечения. По общему набору находок, структуре вещевых коллекций и качеству материала эти селища чрезвычайно близки между собой. Более того, в коллекции из *Минино VI* присутствуют некоторые необычные для селищенских напластований предме-

ты, отсутствующие на первом поселении. Редкой для сельских поселений является находка амулета-топорика, позволяющая говорить о присутствии на селище профессиональных воинов (Макаров, 1992). Особенно важна находка свинцовой пломбы, показывающая, что в руках сельчан находились какие-то официально удостоверенные документы. Близки по структуре собранные коллекции железных инструментов и орудий труда. Значимым открытием является обнаружение следов ювелирного производства, ранее выявленных на *Минино I* (Зайцева, 2003, с. 53–54). Сравнение коллекций остеологических материалов, определение которых было произведено А. Б. Савинецким и О. А. Крылович, показывает, что на обоих селищах численно доминируют кости диких животных, — в первую очередь бобра. В слое обоих селищ сохраняются карбонизированные остатки культурных злаков. Зафиксированы и

остатки ранних пахотных горизонтов, перекрытые культурным слоем. Возделываемые поля располагались на окраинах жилых зон обоих селищ, в непосредственной близости от домов, и застраивались по мере роста поселений.

В могильнике Монино II в трех раскопах, заложенных в разных частях памятника, на общей площади более 880 кв. м исследовано более 80 средневековых погребений (рис. 7). Среди них 65 погребений по обряду ингумации (ненарушенных или частично поврежденных) и не менее 17 погребений по обряду кремации. Происхождение основной массы кальцинированных костей, собранных в верхнем слое (их более 1500 г), связано, вероятно, с наземными погребениями по обряду кремации. Среди почти 600 средневековых предметов, собранных в верхнем слое в обоих раскопах (рис. 9), большая часть также относится к наземным кремациям, меньшая — к нарушенным погребениям по обряду ингумации. Площадка, на которой помещались остатки кремаций, изначально имела значительные размеры, простираясь с запада на восток не менее чем на 40 м. Первоначально ямы с кремациями помещали в наиболее возвышенной части площадки на значительном расстоянии друг от друга. Ингумации образуют компактные группы с плотным размещением могил, разделенные значительными (4–5 м) участками, не занятыми погребениями.

Прослеживается несколько разновидностей обряда кремации: помещение кремированных останков компактно на поверхность земли (возможно, в какое-то деревянное сооружение) или в неглубокую ямку; помещение кальцинированных костей в глубокую яму округлой в плане формы; помещение кальцинированных костей на дно или на край крупных ям, оставшихся незасыпанными, так что впоследствии кости отлагались в их заполнении, наконец, помещение сожженных останков и погребального инвентаря в рас-

сеянном виде на поверхность площадки. Значительная часть инвентаря, соотносимого с погребениями по обряду кремации, находилась в верхнем пахотном слое. Такое положение может объясняться как относительно большой численностью погребений с «рассеянным» размещением останков, так и существованием обычной помещать вещи отдельно от кальцинированных костей.

Ингумации были помещены в простые грунтовые ямы овальной или прямоугольной в плане формы (рис. 8), вероятно, в какие-то деревянные сооружения, возможно в гробы, изготовлявшиеся обычно без использования гвоздей (остатки последних обнаружены лишь в 4 погребениях). Определена ориентировка 43 погребений: 34 погребенных имеют восточную, северо-восточную или юго-восточную ориентировку, 9 — западную или северо-западную. Древнейшие ингумации ориентированы головой на восток. Умершие обычно погребались на спине в вытянутом положении. Руки погребенных чаще всего лежали вдоль тела или были чуть согнуты, кисти рук располагались на тазовых костях или рядом с ними (рис. 8).

31 погребение по обряду ингумации в Мониновском могильнике содержало сопровождающие вещи — бытовой инвентарь и орудия труда. Среди ненарушенных ингумаций доля погребений с сопровождающим инвентарем составляет 57%. Отсутствие сопровождающего инвентаря в большей мере характерно для погребений детей в возрасте до 3 лет, среди погребений взрослых таких комплексов лишь 3. В 35 погребениях найдены металлические украшения и детали костюма (рис. 10, 11), которые были надеты на умерших, а в отдельных случаях положены в могилу в качестве дара. Среди непо потревоженных комплексов погребений с украшениями и деталями костюма 28, то есть 70%. Исследование могильника позволяет проследить развитие погребального обряда со второй половины X до начала XIII в. от языческих

кремаций к безынвентарным ингумациям с западной ориентировкой, соответствующим христианскому канону.

***

Сформулирую кратко некоторые результаты проекта, важные для общего понимания развития сельских территорий на севере Древней Руси.

Огромная коллекция вещей и палеоэкологические материалы характеризуют продолжавшуюся не менее двух с половиной столетий жизнь двух крупных сельских поселений, возникших на крайней периферии Северо-Восточной Руси (Кубенское озеро, 2001; Макаров, Захаров, 2003; Макаров, Захаров, 2005). Основным событием в средневековой колонизации Мининского микрорегиона стало возникновение поселения Монино I на мысовидной террасе вблизи устья р. Дмитриевки во второй половине X в. Это поселение, площадь которого уже на первом этапе его существования составляла 1 га, изначально возникло как крупный стационарный поселок и оставалось таковым до конца своего существования в первой половине XIII в. Экономическим базисом поселения было комплексное земледельческо-промысловое хозяйство, часть продуктов которого предназначалась для внутреннего потребления, а другая, прежде всего ценные сорта пушнины, — для продажи.

Раскопки в Монино раскрывают картину длительного и широкомасштабного пушного промысла, осуществлявшегося жителями кубенских поселений на протяжении двух с половиной столетий. Главными объектами промысла были бобр, белка и куница, кости которых в общей сложности составляют более 56% всех остеологических остатков из средневековых напластований. В культурном слое мининских поселений найдено 10 томаров и еще 3 происходят из погребальных комплексов. Присутствие наконечников стрел с тупым бойком в инвентаре древней-

Рис. 8. Могильник Минино II. Общий вид погребения 18 с расчищенными на костяке украшениями, XI в.

ших мужских погребений в могильниках Минино и Владышнево, как и в могильнике Нефедьево на Волоке Славенском (Макаров, 1997, с. 159), при общей бедности инвентаря в захоронениях мужчин, свидетельствует, что пушная охота изначально являлась одним из главных хозяйственных занятий средневековых колонистов, требовавшим символического обозначения в погребальном обряде. Находки серии амулетов, изготовленных из таранных костей бобра, возможно, отражают существование особых магических представлений, связанных с этим животным.

Обнаружение новых свидетельств пушной охоты в Минино не стало неожиданностью, если учесть проведенные ранее раскопки территориально близких белозерских памятников, поселения Крутик и могильника Нефедьево, в материалах которых представлены значительные массивы костей бобра и наконечники стрел с тупым бойком. Неожиданным оказался общий историко-археологиче-

ский контекст, данные о сочетании промысла с сельским хозяйством на крупном средневековом поселении, о стабильности промысла в течение длительного времени, наконец, о непосредственном участии жителей поселения в торговле мехами. Последнее наблюдение, документированное находками серебряных монет, бус и других импортов, заслуживает особых комментариев.

В историографии прочно укоренилась точка зрения, что основным способом накопления мехов на новгородском пушном рынке в XIII–XV вв. был сбор дани, собиравшейся боярами как с окраинных северных волостей, в том числе с финно-угорского населения, для которого охота была традиционным занятием, так и с крестьянского населения центральных районов Новгородской земли (Хорошкевич, 1963, с. 47–72). Действительно, письменные источники XV в. содержат многочисленные сведения об уплате населением новгородских пятин части повинностей

пушшиной. А. Л. Хорошкевич полагает, что участие крестьян в пушной торговле стало сколько-нибудь заметным лишь в последней трети XV в., с заменой натуральных выплат пушшиной денежным оброком (Хорошкевич, 1963, с. 68–72). Цилиндры-бирки из Новгородских раскопок, документирующие сбор государственных податей пушшиной с отдаленных административных округов в Поонежье и Северодвинском бассейне в XI–первой четверти XII в. (Янин, 2001, с. 48–57) не оставляют сомнения в том, что подобная практика сложилась в древнейший период новгородской истории и имела жизненную важность для экономического благосостояния новгородского боярства.

Однако раскопки в Минино открывают иные механизмы сбора пушных ценностей. Археологические материалы, полученные на Кубенском озере, свидетельствуют, что существенная часть импортов, ввозившихся на Русь в X–XII вв., оседала в руках

Рис. 9 Могильник Миныно II. Инвентарь погребений по обряду кремации, собранный в пахотном слое на уровне 1 пласта. Поясная гарнитура (1–19 11–21, 23), подвеска-конек (10), полутрубчатая подвеска (22). Цветной металл. Вторая половина X–первая половина XI в.

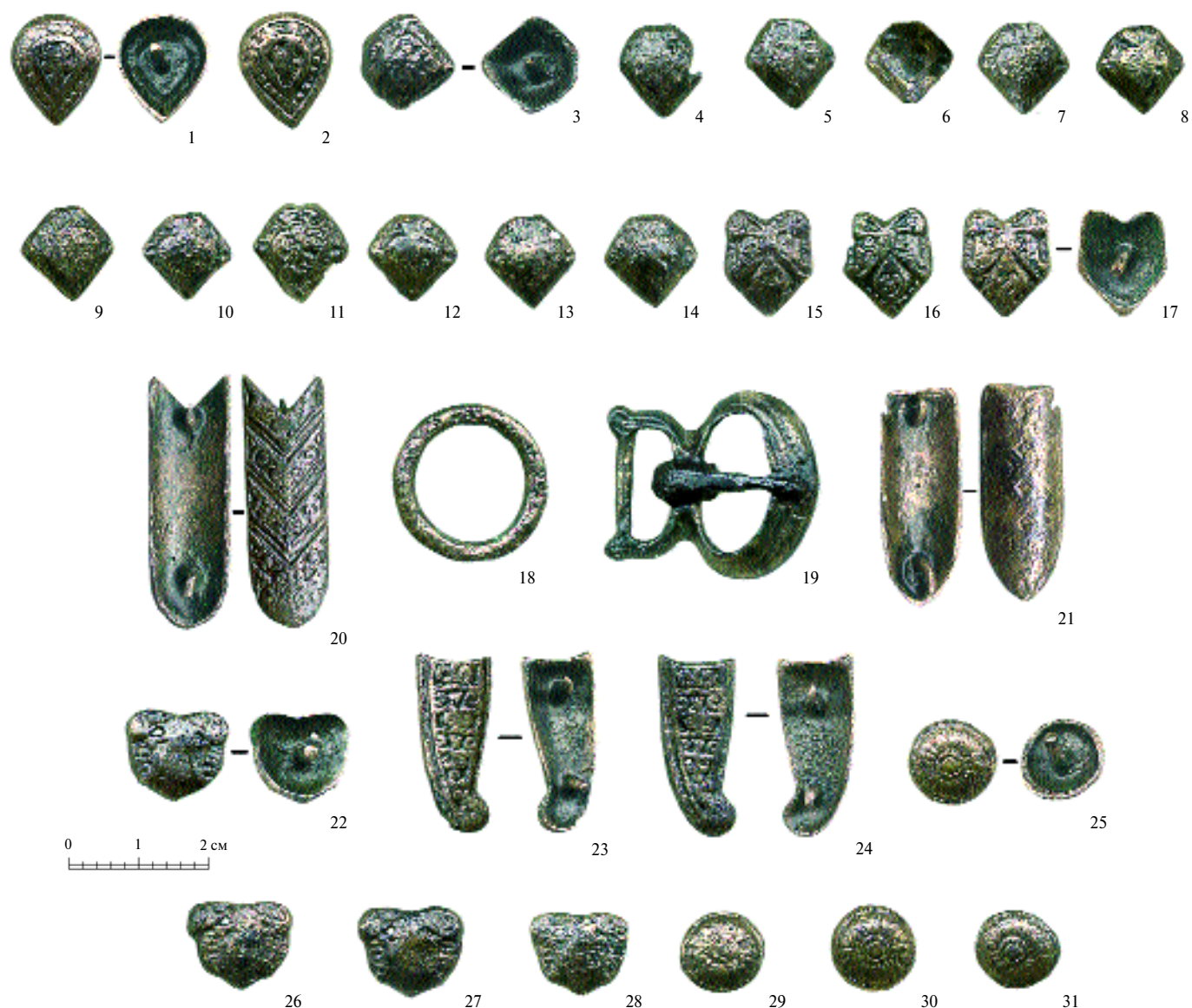

Рис. 10. Могильник Минино II. Погребение 61. Поясная гарнитура. XI в.

жителей периферии. Отсюда следует, что пушнина попадала на рынок не только в результате принудительного изъятия ее в качестве дани, но в не меньшей степени в результате цепочки торговых операций, непосредственными участниками которых были обитатели лесных поселений. Очевидно, экспортеры пушнины были не в состоянии получить весь необходимый им объем меховых ценностей, используя систему фиска. Участие в торговле и включенность в систему дальних торговых связей во многом

определили облик культуры и характер потребления северной деревни X—XII вв.

Интерпретация средневековых памятников Мининского микрорегиона предполагает обсуждение вопроса о том, насколько обычен состав коллекции для средневековых селищ, правомерно ли рассматривать его как вещевой комплекс рядового поселения. По составу коллекции и по самому характеру культурных напластований, обильно насыщенных вещевым материалом, селища Минин-

ского комплекса обнаруживают значительное сходство с памятниками Белого озера, Шексны и Верхней Волги второй половины X—середины XII в. Для большинства этих памятников характерны высокая концентрация изделий из цветного металла, прежде всего украшений, стеклянных бус, находки куфических и западноевропейских монет. В коллекциях шекснинских и белозерских поселений многочисленны бытовые вещи и орудия труда из железа, присутствуют сельскохозяйственные ору-

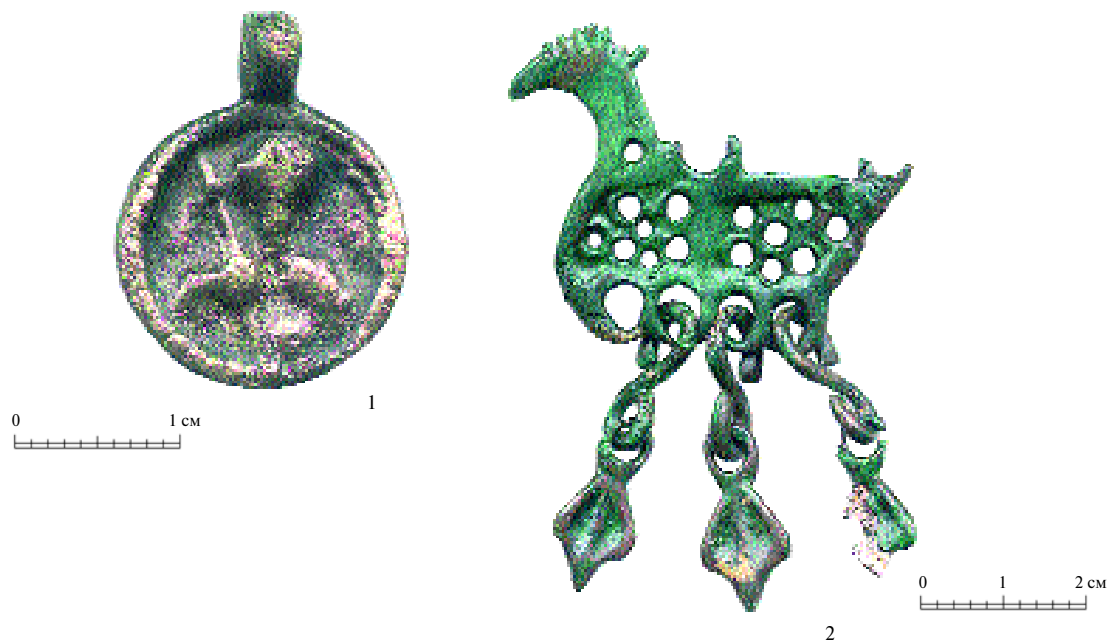

Рис. 11. Могильник Минино II. Находки из погребений XII в. Цветной металл.
1. Погребение 57; 2. Погребение 40.

дия, инструменты ремесленников и наконечники стрел, но редки находки боевого оружия, предметов воинского снаряжения и амфорной керамики. Таким образом, массовый вещевой материал шекснинских и белозерских памятников отражает относительно высокий достаток жителей сельских поселений, важность ремесла и товарных отношений в экономике и повседневной жизни, и вместе с тем — достаточно демократический облик культуры, отсутствие в ней, за единичными исключениями, специфических признаков аристократического и воинского быта. На общем фоне неукрепленных севернорусских поселений X—XIII вв., исследованных раскопками, мининские селища правомерно рассматривать как обычные населенные пункты на окраинах, не имевшие специальных функций управления и военного контроля. Источником благосостояния их обитателей была их собственная трудовая деятельность, а не изъятие и перераспределение продуктов, производившихся на других поселениях.

Раскопки в Мининском микро-регионе с большой надежностью документируют известный цикл жизни средневековых сельских поселений, охватывающий два с половиной или три столетия, с X до середины XIII в. Как показывают наблюдения палинологов, устройство крупных поселений на Кубенском озере стало возможно в условиях климатического оптимума, при общем потеплении климата, благоприятствовавшем земледелию и сделавшем возможным устройство полей на низких приозерных террасах, где риск вымерзания посевов был особенно велик. Длительное сохранение ячменя, культуры с коротким вегетационным периодом, устойчивой к низким температурам, как основной сельскохозяйственной культуры, безусловно отражает сложные условия ведения сельского хозяйства. В этой ситуации стабильное жизнеобеспечение достигалось путем сочетания земледелия, скотоводства, рыболовства (с употреблением в пищу малоценных сортов рыбы) и охоты на крупных копытных, использования в пищу мяса бобров, и вероятно, белок.

Обеспечение пропитания крупного по северным меркам поселения требовало значительных усилий, о недостатке пищевых ресурсов в отдельные периоды свидетельствуют следы заболевания цингой на костных останках из могильника и общая высокая детская смертность. После запустения центрального поселения Мининского региона в начале XIII в. в условиях неблагоприятных климатических изменений и кризиса пушной торговли развитие не было полностью оборвано. Выявленная связь между Мининским археологическим комплексом X—XIII вв. и Карачевским погостом позднего Средневековья и раннего нового времени показывает, что при всех трансформациях и переменных в организации расселения, произошедших в XIII в., многие древнейшие очаги колонизации не были полностью заброшены, а стали основой для развития локальных центров, погостов и волостей.

Наконец, раскопки в Минино выявили характер региональной культуры, формировавшейся в процессе колонизации Севера. В мининских

древностях отчетливо выражены культурные элементы, связанные по своему происхождению с древнерусской метрополией, и в то же время — яркие черты своеобразия, в которых естественно видеть финские традиции. Специфические условия развития экономики, при значительном удельном весе в ней торговли и лесных промыслов, и накопление значительных материальных ресурсов на северных окраинах Руси создавали почву, с одной стороны, для сохранения у периферийных общин прочных связей с метрополией, культурные достижения которой приобретали особую ценность, с другой стороны, для выработки особых форм местной репрезентативной культуры, выразительными проявлениями которой являются парадный женский костюм и погребальный обряд Мининского микрорегиона. Для этих групп было важно, с одной стороны, ощущать свою принадлежность к древнерусской цивилизации и включенность в общую сеть культурного и торгового обмена, открывавшую доступ к разнообразным достижениям метрополии, с другой стороны, обо-

значить собственную консолидированность, отличия от других региональных групп, продемонстрировать высокие материальные возможности и социальную полноценность жителей окраин, в реальности занимавших подчиненное положение в иерархии древнерусских территориальных образований. Формирование на рубеже XI—XII вв. нового парадного женского убора, в котором существенное место занимали украшения местных северных типов, — свидетельство консолидации новых областных групп населения, осознававших свое особое положение среди прочих этнических и территориальных образований, формирования особой региональной идентичности.

Одним из важных результатов Мининского проекта является осознание того факта, что раскопки средневековых поселений сплошной площадью, установка на полное вскрытие памятников не являются универсальным и наиболее эффективным методом их научного изучения. Раскопки на ограниченных площадях в Минино дали больше реальной информации о селищах, чем значитель-

но более широкие вскрытия площадей на типологически близких памятниках. Ускорение разборки культурного слоя на таких сложных объектах неизбежно повлекло бы за собой потерю значительной части вещевого материала, в том числе бус и предметов из цветного металла, столь важных для датирования. Раскопки половины площади поселения Минино I принятыми темпами заняли бы 150 лет и дали бы возможность сформировать коллекцию из 125 000 артефактов, то есть явно избыточную для характеристики одного сельского поселения. Понятно, что «медленные раскопки» не могут быть универсальной технологией полевых работ, для полноценного изучения любой эпохи необходимо вскрытие значительных площадей, по крайней мере, на некоторых памятниках. Таким образом, при раскопках археолог часто вынужден выбирать между полнотой пространственного охвата объекта и полнотой сбора артефактов, которая не менее важна для полноценной научной характеристики археологических памятников.

БИБЛИОГРАФИЯ

Зайцева И. Е., 2003. Сплавы цветных металлов сельских памятников северо-восточных окраин Древней Руси // РА. № 4.
Захаров С. Д., 2001. К вопросу о методике раскопок средневековых поселений // КСИА. Вып. 211.
Кубенское озеро: взгляд сквозь тысячелетия. Шесть лет исследования Мининского археологического комплекса. Отв. ред. Н. А. Макаров. Вологда, 2001.
Макаров Н. А., 1992. Древнерусские амулеты-топорики // РА. № 2.
Макаров Н. А., 1997. Колонизация северных окраин Древней Руси в XI—XIII вв. (по материалам археологических памятников на волоках Белозерья и Поонежья. М.
Макаров Н. А., 2004. Кресты тельники из раскопок средневековых селищ и проблема христианизации севернорусской деревни // Исторические записки. Т. 7(125). М.
Макаров Н. А., Зайцева И. Е., 2003. Средневековые могиль-

ники на севере Древней Руси: новые исследования на Кубенском озере // Археология, этнография и антропология Евразии. № 2(14).

Макаров Н. А., Захаров С. Д., Бужилова А. П., 2001. Средневековое расселение на Белом озере. М.

Макаров Н. А., Захаров С. Д., 2003. Накануне перемен: сельские поселения на Кубенском озере в XII—начале XIII века // Русь в XIII веке. Древности темного времени. Отв. ред. Н. А. Макаров, А. В. Чернецов. М.

Макаров Н. А., Захаров С. Д., 2005. Севернорусская деревня по материалам раскопок средневековых селищ на Кубенском озере // КСИА. Вып. 219.

Хорошкевич А. Л., 1963. Торговля Великого Новгорода с Прибалтикой и Западной Европой в XIV—XV вв. М.

Янин В. Л., 2001. У истоков новгородской государственности. Великий Новгород.

Возвращение культурных ценностей древнего города

В современном Владимире трудно найти следы былого величия стольного города Северо-Восточной Руси: пережили лихолетье вражеских набегов и воинствующего атеизма Успенский и Дмитриевский соборы, уцелели парадные Золотые ворота и частично сохранились древние оборонительные сооружения. Однако даже эти всемирно известные памятники белокаменного зодчества являются лишь осколками грандиозного ансамбля каменных построек, состоявшего из нескольких городских проездных ворот, стен детинца с надвратной церковью, княжеских и епископских хором, многочисленных храмов и монастырских строений. А чудом не срытые огородниками и строителями остатки земляных валов уже не могут передать масштабности планов владимирских князей XII–XIII вв. превратить затерянную в лесах крепость в политический центр всей Русской земли.

Ничтожно мало сохранилось и вещественных свидетельств блистательного прошлого города, в первую очередь, произведений прикладного искусства — ведь только в XIII в., после учиненного в феврале 1238 г. полчищами Батыева разгрома, Владимир пережил еще несколько опустошительных ордынских набегов (наиболее разрушительный — поход «Дю-

деневой рати» 1293 г.). До недавнего времени единственными образцами подобных изделий, принадлежавших горожанам домонгольской эпохи, служили немногочисленные предметы — серебряные и золотые украшения из трех кладов, случайно обнаруженных в XIX в. (1837, 1865 и 1896 гг.) (Корзухина, 1954, с. 145–147). Ни по качеству исполнения, ни количественно эти находки не выделяются среди множества аналогичных предметов из киевских, рязанских или московских кладов. Казалось, что о поражавших очевидцев роскошью и тонкостью работы изделиях художественных мастерских Владимиро-Суздальской Руси, представленных в первую очередь церковной утварью, остается судить лишь по их красочным описаниям в летописях. Ведь результаты периодически предпринимаемых с 1934 г. археологических раскопок во Владимире не позволяли надеяться на серьезное расширение перечня уже известных произведений.

Основания для сложившегося в 1960–1970-е гг. мнения о бесперспективности города с точки зрения археологии на первый взгляд имелись. Городская почва не сохраняет древесных и иных органических остатков ранее XV–XVII вв., поэтому древнерусский культурный слой, формировавшийся в течение века, незначи-

лен по мощности и почти везде перекопан до материка, разрушен строительными работами, перепланировками последних трех — четырех столетий. Серьезные проблемы с выбором удобного для раскопок места создает плотная современная застройка исторического центра города. Следует, правда, заметить, что до начала 1990-х гг. раскопки, не связанные с изучением памятников архитектуры, носили или разведочный характер (шурфы 2 × 2 м), или предваряли строительные работы. В последнем случае площадь раскопов обычно не превышала 100 м², а исследования не имели продолжения даже при обнаружении участков с непотревоженными напластованиями XII–XIII вв.

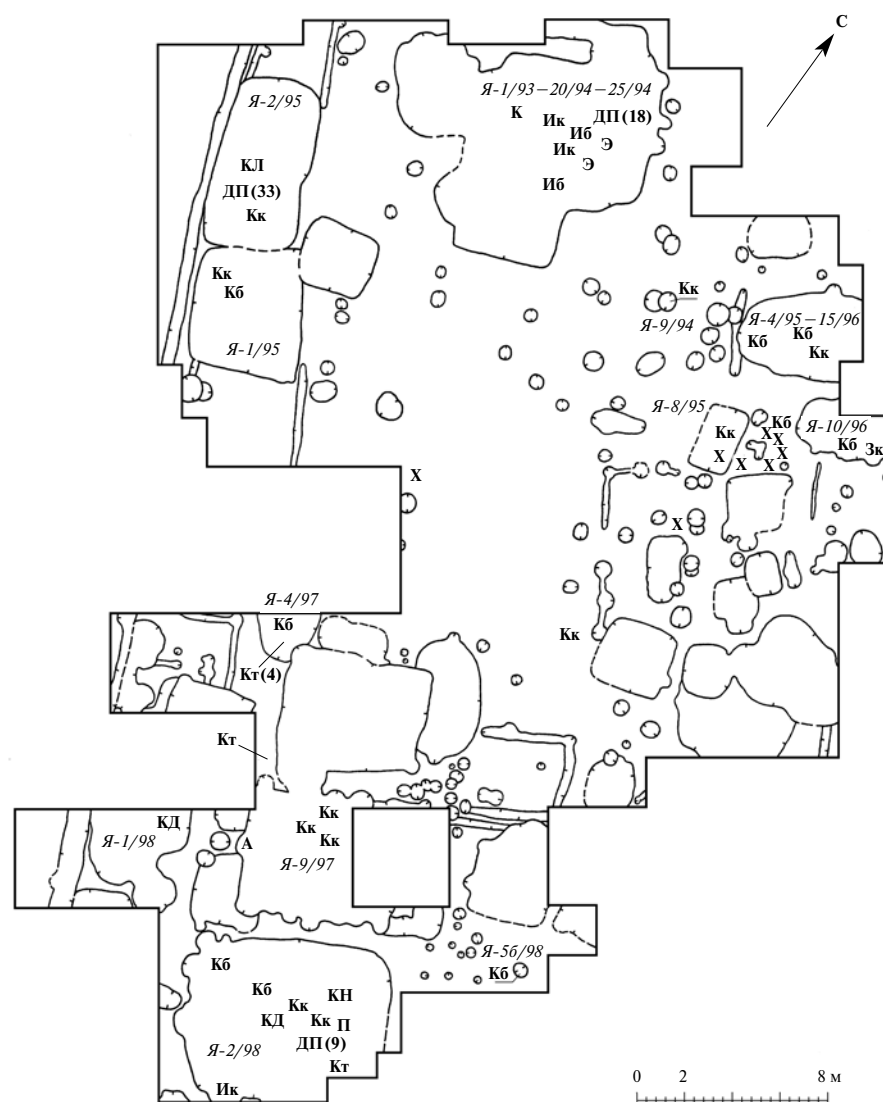
Новым этапом в археологическом изучении Владимира стали 1990-е гг., в течение которых площадь исследованного культурного слоя увеличилась в несколько раз. Благодаря широкомасштабным работам, при которых размеры отдельных раскопов достигали тысячи и более квадратных метров, удалось выяснить важнейшую особенность владимирской археологии домонгольского периода. Ее главным объектом являются не перекопывающие материк напластования, а заполнения многочисленных ям, вырытых в материке горожанами XII–XIII вв. Подобные ямы были обнару-

жены даже под фундаментами построек двух последних столетий, а потому участки с такими сооружениями перестали рассматриваться как утраченные для науки.

Наиболее значительные по размерам ямы служили в древности котлованами подвалов (подполий) жилых построек. Такие ямы имеют прямоугольные очертания со сторонами от 2–3 до 6–8 м и углублены в материк на 1,5–2 м и более. После разрушения жилища яма превращалась в место скопления упавших сверху деревянных конструкций, печных обломков, а также различных предметов, находившихся в доме. Заполнения подполий лишь изредка бывают серьезно затронуты поздними перекопами, поэтому они являются достаточно надежными хранилищами археологических древностей. Помимо остатков жилищ и углублений на месте разнообразных хозяйственных сооружений (ямы овальных и подпрямоугольных очертаний глубиной до 1 м), на материке хорошо прослеживаются также небольшие округлые ямы, не превышающие в поперечнике 1 м, и неширокие (до 0,5 м) канавки — основания столбов и различных оград-заборов.

Изучение заполнения ям и взаимного расположения оставленных на материке следов строительной и хозяйственной деятельности людей позволяет, несмотря на отсутствие непосредственных остатков деревянных сооружений, реконструировать общий вид как отдельных построек, так и всей дворовой застройки. Только таким образом можно реально представить ту среду, в которой проходила повседневная жизнь жителей древнего Владимира, мысленно перенестись на улицы города, отделенного от нас более чем семью с половиной веками.

Исследования, ставшие одними из самых успешных в истории археологических открытий Владимира, начались в 1993 г. с небольших разведочных работ, призванных определить характер культурных напластований участка, на котором плани-

Ик. Каменная икона	Кт. Терракотовый нательный крест
Иб. Бронзовая икона	Зк. Заготовка каменного нательного креста
Э. Бронзовый энколпион	Х. Фрагменты хорса
К. Клад предметов христианского культа	КЛ. Колокол
ДП. Детали книжных переплетов и их количество	КД. Фрагменты крышки кадила(?)
Кк. Каменный нательный крест	А. Привеска в виде архангела
Кб. Бронзовый нательный крест	КН. Фрагменты напрестольного креста
	П. Фрагмент подсвечника

Рис. 1. План расположения материковых углублений домонгольского времени на территории «усадьбы священнослужителя», местоположение обнаруженных здесь предметов христианского культа и деталей книжных переплетов.

ровалось строительство жилых домов. Участок располагался в восточной части исторического ядра Владимира, в так называемом «Ветчаном (т. е. ветхом) городе», на территории между современными улицами Большая

Московская, Чехова, Герцена и Златовратского. Когда в пределы одного из шурфов попал узкий край материковой ямы древнерусского времени, трудно было предположить, что работы в этом месте города, на террито-

Рис. 2. Серебряная чаша (потир?) с изображением грифона из раскопок в «усадьбе священнослужителя». Диаметр 13,4 см.

рии площадки бывшего детского сада, окруженной сараями, кучами мусора и руинами кирпичных построек XIX–XX вв., будут продолжаться в течение 6 лет и общая площадь раскопа достигнет почти 1000 м².

Раскопки в «Ветчаном городе» приоткрыли трагические страницы истории одной из городских усадеб, разрушенных в феврале 1238 г. (Жарнов, 1997). Все постройки были сожжены, а сами владельцы усадьбы, по-видимому, погибли — никто не вернулся на пожарище, не разобрал в поисках сохранившихся вещей завалы обгоревших конструкций, не выкопал спрятанные на дне одного из подвалов драгоценные предметы. Некому было и похоронить женщину, останки которой оказались в том же подполье. Судя по расположению костей, смерть застала ее в подвале, где она сидела, обхватив руками согну-

тые в коленях и прижатые к груди ноги.

В городах, испытавших ужасы Батыева нашествия, нередко при строительных работах или во время археологических раскопок извлекаются на свет серебряные и золотые вещи, спрятанные их владельцами в минуты надвигающейся опасности. Перечень укрытых от врага и огня предметов практически всегда исчерпывается различными украшениями и денежными серебряными слитками — гривнами. Из украшений состояли и владимирские клады, найденные в XIX в., а еще один, обнаруженный в 1977 г. в раскопе у Княгинина монастыря, образовали 2 гривны (Мошенина, 1978).

Клад, выявленный 14 августа 1993 г. в подполье сгоревшего дома, по набору входивших в него предметов оказался уникальным не только

для Владимира, но и для всей территории Древней Руси — его составили лишь вещи христианского культа (Жарнов, Жарнова, 1999). Помимо этих предметов, в ходе шестилетних раскопок была собрана настолько многочисленная и разнообразная коллекция церковных древностей, что исследуемая усадьба получила условное название «усадьбы священнослужителя».

Уложенные в два берестяных свертка вещи клада были найдены в небольшой ямке, вырытой в материковом полу подполья (яма 1/93-20/94-25/94; рис. 1). В одном из свертков оказалась серебряная полусферическая чаша на конусовидной ножке (рис. 2). Внутри, на дне сосуда, было выгравировано изображение шагающего грифона — фантастического зверя с чертами льва и орла (рис. 3). Происхождение этого образа уходит

Рис. 3. То же, вид сверху, фрагмент.

своими корнями в античность, в христианское время древнее оберегающее назначение изображения грифона приобретает иной смысл. Соединяя в себе земное и небесное начало, земное и небесное могущество, грифон становится одним из символов Христа. Чаша, по всей видимости, служила потиром — сосудом, используемым в обряде причащения. Благодаря этой находке можно представить, как выглядел один из атрибутов главного христианского таинства, совершавшегося в рядовых православных храмах домонгольской Руси. Ведь до сих пор были известны лишь 2 подобных литургических сосуда древнерусского времени: так называемый «потир Юрия Долгорукого» из Спасо-Преображенского собора Переславля-Залесского, вещь, безусловно, неординарная, достойная княжеского церковного вклада, и еще один

(видимо, византийский) — из киевскогоклада 1824 г., утерянный еще в XIX в. (Корзухина, 1954, с. 123, 124).

Во втором берестяном пакете лежали серебряные энколпионы (двусторчатые нагрудные кресты для хранения мощей святых и иных реликвий), 4 каменных нательных крестика, серебряное ожерелье, кусок ладана и портативный иконостас из серебряных образков с эмалевыми изображениями. На всех металлических предметах сохранились следы золочения.

Домонгольские серебряные энколпионы — чрезвычайно редкие находки, и поистине уникальны реликварии с остатками содержавшихся в них святынь. Оба владимирских креста (рис. 4–6) относятся к их числу. В воскомастике(?), заполнявшей энколпион большего размера, имелось крестовидное углубление с остатками

дерева — возможно, частицами крестного древа Христова. Аналогичной массой заполнен и второй складень, однако он не раскрывается — штифт замка в древности был расклепан.

Большой энколпион принадлежит к широко распространенному в Древней Руси типу рельефных крестов-складней с Распятием на лицевой створке и Богоматерью с младенцем — на другой; в медальонах ветвей складня представлены Иоанн Креститель, Богоматерь, Иоанн Богослов и святые воины — Георгий, Дмитрий и Нестор(?). Вся плоскость лицевой створки второго креста занимает Распятие, на оборотной — необычная для энколпионов сцена Вознесения. Об особой ценности большого складня свидетельствует его уникальный тканый чехол, обе стороны которого украшали нашивные серебряные золоченые бляшки, образовавшие фи-

Рис. 4. Серебряный энколпион из раскопок «усадьбы священнослужителя», лицевая сторона. Высота 14,4 см.

Рис. 5. То же, обратная сторона.

Рис. 6. Серебряный энколцион из раскопок «усадьбы священнослужителя». Высота 9,2 см.

Рис. 7. Серебряное ожерелье из раскопок «усадьбы священнослужителя». Диаметр иконки 3,9 см.

гуры процветшего креста (символ воскресения, вечной жизни) и голгофский крест (знак Распятия, крестной жертвы Христа). По письменным источникам известно, что в Византии епископы при посвящении в сан, после облачения соответствующих одежд, получали драгоценные кресты с мощами святых (Гнутова, 1993, с. 11). Этот ритуал, по-видимому, соблюдался и в практике русской церкви. Поэтому вполне вероятно, что первым владельцем складней мог быть один из церковных иерархов Северо-Восточной Руси.

В состав облачения священнослужителя также входило и ожерелье из 8 крестовидных подвесок, 10 ребристых бусин и круглой иконки с фронтальным изображением архангела Михаила(?) в лоратных одеждах (парадном костюме византийских императоров) на лицевой стороне и

процветшим крестом с монограммой Христа — на оборотной (рис. 7).

Уникальный характер имеет портативный иконостас с выполненными в технике перегородчатой эмали изображениями Иисуса и избранных святых (князя Борис и Глеб, апостол Петр, святитель Николай Мирликийский(?), воины-мученики — по-видимому, Георгий и Дмитрий) (рис. 9). Иконки были приклеены к отдельным дощечкам, сшитым между собой нитями. На свободном поле дощечек, образуя орнаментальную рамку, были также приклеены серебряные золоченые бляшки — S-видные и в форме двойного трилистного крина. Примечательно, что и иконки, и бляшки имели отверстия по краю, то есть предназначались для крепления к тканой основе. Сходные бляшки окаймляют медальоны с изображениями святых на оплечье и зарукав-

ях саккоса московского митрополита Алексея (середина XIV в.) (Макарова, 1998). Видимо, иконки и бляшки клада также первоначально украшали княжеские облачения или одеяния церковного иерарха.

Среди эмалевых изображений святых особый интерес вызывают почти идентичные изображения князей Бориса и Глеба (пример, отражающий начальный этап формирования их иконографических типов), а также нетрадиционная пара — апостол Петр и святитель Николай — имеющая, возможно, патронимический характер. В целом же, владимирские иконы, своеобразный аналог знаменитого венецианского Пала д'Оро (эмалевого иконостаса собора Св. Марка), можно уверенно отнести к ряду лучших произведений эмальерного искусства, найденных на территории Древней Руси.

Рис. 8. Бронзовый энколпион из раскопок «усадьбы священнослужителя». Высота 12,1 см.

Из заполнения подполья с кладом происходят и 2 каменные иконы, изображающие преподобного Савву Освященного и уникальную для произведений прикладного искусства сцену Раскаяния Петра (рис. 10, 11). Они были исполнены в одной мастерской и, возможно, даже одним резчиком — скорее всего, выходцем из Византии (Жарнов, 1999). Данные археологии и эпиграфики, а также некоторые стилистические черты рельефов позволили датировать иконы последней третью XII — началом XIII в. Их открытие имеет решающее значе-

ние для исследования наиболее яркого течения в домонгольской мелкой каменной пластике, представленного рельефами с Распятием (с городища Князя Гора), князьями Борисом и Глебом из Солотчинского монастыря, Богородицею Никопеей (Государственный русский музей), Симеоном Столпником и Ставрокием из Новгорода, Дмитрием Солунским из Каменец-Подольского и Новгорода (Николаева, 1983. Кат. № 20, 30, 32, 33, 36, 38), со сценой «Сошествия во ад» из Владимира (Седова, Мухина, 1999). Автор владимирских икон, по-види-

мому, стоял у истоков этого направления, выработав его важнейшие черты — использование «трубчатых» складок и рельефной каймы при передаче одежд.

Среднерусское происхождение большинства икон этой группы и несомненная их близость владимиро-суздальской фасадной скульптуре позволяют связать деятельность «мастера рельефной каймы» и его первых учеников с эпохой великого князя Всеволода Большое Гнездо, а саму мастерскую локализовать во Владимире. Вероятно, представители ма-

Рис. 9. Серебряные иконки с эмалевыми изображениями из раскопок «усадьбы священнослужителя». Высота 6,2–6,4 см.

Рис. 10. Стратитовая икона со сценой «Раскаянья Петра» из раскопок «усадьбы священнослужителя». Высота 3,9 см.

стерской принимали участие в создании рельефов Дмитриевского собора, а также Георгиевского собора в Юрьеве-Польском. Манера резьбы школы «мастера рельефной каймы» оказала серьезное влияние не только на резчиков домонгольского времени, ориентировавшихся на ее приемы трактовки одеяний, но и явно прослеживается на иконках XIV в. из Новгорода и Центральной Руси. Сами же образки со сценой Раскаяния Петра и преподобным Саввой Освященным — это первые произведения мелкой пластики Владимиро-Суздальской Руси, сопоставимые по своему художественному уровню с признанными шедеврами белокаменной фасадной скульптуры.

В подполье с зарытым кладом была обнаружена целая группа предметов сюжетного художественного медного литья — 2 энколпиона (того

же типа, что и большой крест клада; рис. 8) и 2 иконы («Архангел Михаил(?)» и «Богоматерь Оранта» (Жарнов, 2000). Эта коллекция позднее была пополнена привеской в виде лоратного(?) архангела (яма 9/97) и фрагментарным напрестольным крестом (яма 2/98) — по-видимому, копией отливки, происходящей с городища Княжа Гора (Собрание Б. И. и В. Н. Ханенко, 1899, табл. IV, № 46). Данные предметы не составляют единой стилистической группы и, по-видимому, не только изготовлены в различных мастерских, но и происходят из нескольких художественных центров. Разными путями оказавшиеся на территории одной усадьбы, эти вещи, уже как единый комплекс металлопластики, достаточно ярко характеризуют наиболее плодотворный период в истории древнерусского медного литья (конец XII — первая треть

XIII в.), определяющийся сосуществованием ряда стилистических направлений, мастеров с индивидуальной творческой манерой.

Помимо напрестольного креста, в пределах «усадьбы священнослужителя» найдены и другие фрагментарные бронзовые предметы, некогда являвшиеся церковной утварью: многочисленные обломки хороса (паникадила), подсвечника, крышек двух кадил(?). В одном из подполий (яма 2/95) после пожара 1238 г. оказался и небольшой (высотой около 25 см) колокол, принадлежавший звоннице, по-видимому входившей в комплекс строений усадьбы. Древнерусские колокола — одна из редчайших археологических находок, владимирский же экземпляр является первым в Северо-Восточной Руси и, кажется, единственным домонгольским колоколом с сохранившимся железным языком.

Рис. 11. Сланцевая икона с изображением преподобного Саввы Освященного из раскопок «усадьбы священнослужителя». Высота 5,7 см.

На территории усадьбы обнаружено также необычайно много нательных крестиков из бронзы, камня и глины — 26 экземпляров, не считая крестиков из клада (Жарнов, 2003, рис. 6). Примечательно, что терракотовые тельники, имитирующие каменные, как более ценные, изготовлены, по всей видимости, на этой усадьбе — 4 из 6 крестиков были найдены вместе (в культурном слое, перекрывающем яму 4/97), в том числе и один — явно бракованный. А на-

ходка заготовки нательного сланцевого креста (яма 10/96) позволила уже с уверенностью говорить о существовании здесь мастерской по производству подобных культовых вещей индивидуального пользования.

В заполнении трех подполий (ямы 1/93-20/94-25/94, 2/95, 2/98) удалось обнаружить до 60 бронзовых деталей переплетов (застежек, накладок, гвоздиков; Жарнов, 2003, рис. 7) не менее 5(?) сгоревших в пожаре 1238 г. книг. Остатки такого коли-

чества книг, происходящих с территории одной древнерусской усадьбы, встречены впервые. Конец XII — первая треть XIII в. — время духовного расцвета города и, в частности, его книжной культуры. Значительными собраниями рукописных книг славялись монастыри и храмы Владимира. Страстным почитателем запечатленного на пергамене слова был, по свидетельству В. Н. Татищева, великий князь Константин Всеволодович: в его библиотеке, сгоревшей в 1227 г.,

только греческих рукописей насчитывалось более тысячи (Татищев, 1994. Т. 3, с. 206, 221). Найденные остатки книг жителя «Ветчаного города», библиотека которого, безусловно, несопоставима с рукописными сокровищами Константина Всеволодовича, служат ярким археологическим подтверждением культурного подъема, переживаемого столицей Владимиро-Суздальской Руси накануне монгольского нашествия.

Работавшая на территории усадьбы мастерская занималась не только изготовлением каменных и терракотовых нательных крестиков. К следам ее деятельности нужно отнести и многочисленные фрагменты тиглей с остатками бронзы и золота, каменной литейной формы, ювелирные пинцеты, сверло, обломки каменных пластинок со следами обработки, сланцевую матрицу для тиснения нашивных бляшек (дробниц) заготов-

ки(?) стеклянных вставок для прорезных дробниц.

Оба обстоятельства — принадлежность усадьбы священнослужителю и существование на ее территории художественной мастерской — сближают это городское владение со знаменитой усадьбой Олисея Гречина, новгородского художника и священнослужителя второй половины XII — начала XIII в. (Колчин и др., 1981). Его двор с иконописной мастерской был почти полностью исследован в 1970-х гг., и до сих пор эти раскопки считаются одним из важнейших событий в археологическом изучении Новгорода. По-видимому, сходство двух усадеб не случайно и отражает основной вариант организации в Древней Руси производства предметов декоративно-прикладного искусства, предназначенных, в первую очередь, для удовлетворения массового спроса на культовые вещи — в

частности, на нательные кресты и небольшие иконописные произведения.

Раскопки «усадьбы священнослужителя» позволили получить важную информацию о топографии одного из районов древнего Владимира и о социальном статусе его обитателей, об их быте и занятиях ремеслами. Возвращенные же археологами культурные ценности, среди которых оказались и настоящие шедевры, серьезно обогатили общие представления о различных сферах древнерусского прикладного искусства (художественное литье, мелкая каменная пластика, перегородчатая эмаль), позволили по-новому взглянуть на историю формирования отдельных художественных школ, на их связи с византийским искусством. И, безусловно, впервые столичный характер Владимира конца XII — первой трети XIII в. получил достойное отражение в археологическом материале.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Гнутова С. В., 1993. Медная мелкая пластика Древней Руси (типология и бытование) // Русское медное литье. Сб. статей. Вып. 1. М.
- Жарнов Ю. Э., 1997. Усадьба первой трети XIII века «Ветчаного города» Владимира-на-Клязьме // Тр. VI Междунар. конгресса славянской археологии. Т. 2. М.
- Жарнов Ю. Э., 1999. Две каменные иконки домонгольского времени из Владимира-на-Клязьме // РА. № 3.
- Жарнов Ю. Э., 2000. Художественное медное литье из раскопок во Владимире-на-Клязьме // РА. № 1.
- Жарнов Ю. Э., 2003. Археологические исследования во Владимире и «проблема 1238 года» // Русь в XIII веке: Древности темного времени. М.
- Жарнов Ю. Э., Жарнова В. И., 1999. Произведения прикладного искусства из раскопок во Владимире // Древнерусское искусство: Византия и Древняя Русь. К 100-летию Андрея Николаевича Грабара (1896 — 1990). СПб.
- Колчин Б. А., Хорошев А. С., Янин В. Л., 1981. Усадьба новгородского художника XII в. М.
- Корзухина Г. Ф., 1954. Русские клады IX—XIII вв. М., Л.
- Макарова Т. И., 1998. Древнерусское наследие в ювелирном деле ранней Москвы. XIV век. Облачение митрополита Алексея. М.
- Мошенина Н. Н., 1978. Раскопки в г. Владимире и на Семинском городище // АО 1977 г.
- Николаева Т. В., 1983. Древнерусская мелкая пластика из камня. XI—XV вв. М.
- Седова М. В., Мухина Т. Ф., 1999. Новые находки мелкой каменной пластики во Владимире // РА. № 3.
- Собрание Б. И. и В. Н. Ханенко, 1899. Древности русские: Кресты и образки. Вып. 1. Киев.
- Татищев В. Н., 1994. Собрание сочинений. Т. 2, 3. История российская. Ч. 2. М.

Свидетель трагедии 1238 г. — клад с территории Боровицкого холма Москвы

«Бедствия — вот из чего творится история».
Й. Хёйзинга «Осень Средневековья»

Трагические события, связанные с первым походом Бату-хана на Русь, оставили заметный след не только на страницах письменных памятников русского Средневековья и источников восточного происхождения. Многочисленные свидетельства разорения древнерусских городов предстают перед глазами археологов в виде слоя пожара, уничтожившего укрепления, церковные здания, жилые и хозяйственные постройки горожан, и в виде останков защитников крепостей, погибших на рубежах обороны. Об активном сопротивлении этому набегу кочевников расскажут сегодня историку находки в жилом слое древнего города железных наконечников ордынских стрел, обломков сабель и вооружения русских воинов.

Но есть среди археологических материалов, связанных с событиями похода Бату-хана на Русь в 1237–1241 гг., совершенно особые находки. Их обнаружение дает в руки исследователей прошлого источник, заключающий в себе столь многоплановую информацию, что обладание им всегда считается значительной удачей для археолога и вызывает большой резонанс в научных кругах.

Речь идет о кладах серебряных ювелирных изделий домонгольского периода, очень четко маркирующих

сложный этап в истории Руси XIII столетия. По образному выражению академика В. Л. Янина, этот век, как и вся наша история, был рассечен надвое ударом кривой татарской сабли (Янин, 1980, с. 561). Именно в этот короткий период (1237–1241 гг.) в землю попали наиболее значимые комплексы вещей из серебра и золота — родовые накопления княжеских семей и высшей знати. Несколько таких кладов были найдены и в Москве, на древнейшей территории города — Боровицком холме, в пределах средневековой крепости.

Один из них обнаружили в 1991 г. во время археологических наблюдений во дворе правительственного здания, стоящего ныне возле Спасских ворот. Краткая информация об этом комплексе серебряных украшений уже публиковалась в научной литературе и научно-популярных изданиях (Авдусина, Панова, 1992, с. 69–71; Панова, Авдусина, 1993, с. 192–193; Панова, 1996, с. 52–60; Рапова, 1998, р. 102; Векслер, Мельникова, 1999, с. 187). Но полные данные о последнем вещевом кремлевском кладе до сих пор не были введены в научный оборот.

В 1991 г. земляные работы (для устройства городских коммуникаций) проводились в восточной части Кремля, на территории здания быв-

шего Президиума Верховного Совета СССР, построенного в 1930-х гг. (первоначально, в 1930–1940-е гг., — военная школа ВЦИК, затем в 1950–1960-е гг. — Кремлевский театр). Несмотря на значительные утраты отложений средневекового времени, связанные с активным строительством на участке наблюдений в XV–XX вв. (здесь с начала XV в. размещался женский Вознесенский монастырь), жилой слой сохранился в юго-западном углу и вдоль западного борта шурфа размером 3 × 5 м, под мощными наслоениями поздних строительных остатков — они залегали до отметки 3,4 м. Общая мощность культурного слоя здесь составляла 4,6 м. В его нижней зоне (глуб. 4,2–4,6 м) был зафиксирован археологический материал конца XII–XIII в. — это фрагменты двух стеклянных браслетов (гладкого и витого) и 29 обломков посуды древнерусского времени — в основном красноглиняной грубой керамики.

Исследования 1980-х–1990-х гг. показали, что освоение восточной части Боровицкого холма (в пределах крепостных стен конца XV в.) началось не ранее конца XII столетия. Поэтому к 1238 г. в этом районе образовались не столь мощные жилые напластования. Именно поэтому при сокрытии клада слой был прорезан

полностью, несмотря на зимнее время — Москва была осаждена войском Бату-хана в конце февраля 1238 г. Ямка для клада оказалась даже заглубленной в материковый песок на 0,4 м (до отметки 5 м).

Скорее всего, украшения были завернуты в ткань, так как следы вместилища из дерева или глины не зафиксированы. Место и другие обстоятельства сокрытия клада всегда представляют большой интерес. Как и его состав. В отличие от Большого кремлевского клада 1988 г., найденного также в восточной части крепости Москвы, комплекс 1991 г. выглядит скромнее. В нем всего 23 предмета, в том числе сломанные украшения (Рис. 1). Это говорит о том, что часть изделий хранили как сырье этого драгоценного металла для использования в дальнейшем. В момент находки клада пострадал только медальон, на остальных вещах сломы старые.

Традиционно в кладе представлены все три основные группы украшений, характерных для княжеско-боярских накоплений древнерусского времени. В первую очередь, выделим украшения головы или головного убора. Это трехбусинные височные кольца (фрагменты шести экземпляров) и четыре шестилучевых зерненных колта (вещи пострадали в древности).

Шестилучевые колты представлены в комплексе 1991 г. изделиями средних размеров — это помогает понять их в сравнении с крупными экземплярами данного типа предметов из клада 1988 г. Следует напомнить, что шестилучевые колты с зернью относятся к наиболее сложным по конструкции и изготовлению украшениям древнерусского времени. Размеры колтов — 6,4; 8 см; 7 и 8,8 см (по наибольшему размаху лучей). Первый колт (инв. № 4635 вх.) сохранил четыре луча и лунницу-держатель. Длина лучей — 1,2–1,3 см, диаметр украшавших их шариков — 0,8 см. Зернь, покрывавшая изделие, сильно оплыла, но удалось выяснить, что ее диаметр не превышает 1 мм. У второго

колта (инв. № 4637 вх.) также сохранился держатель и четыре луча без шариков на их концах. И на нем диаметр зерни не превышал 1 мм (на центральном выступе крупная зернь достигала 3 мм в диаметре). Третий колт (инв. № 4636 вх.) был сильно поврежден — без держателя, с тремя лучами (только два из них — с шариками на концах). Диаметр шариков — 1(1,1) см. Это изделие выделяется самым мелким диаметром зерни (0,7–0,9 мм).

Четвертый колт (инв. № 4638 вх.) был самым крупным в этой группе украшений (8,8 см в диаметре) и самым сохранным (лунница, дужка и 5 лучей). Диаметр проволоочной дужки-держателя — 0,3 см, шариков на концах лучей — 1,2 см (при длине лучей 1,4–1,5 см). На дужке (у лунницы) сохранились обмотка из сканной проволоки и расплющенный конец с круглым отверстием. Все колты имеют с наружной стороны конусовидный выступ с шариком на конце, украшенный напаянными у основания полусферами диаметром 0,4 см, с тремя кругами из сканной проволоки, заполненными зернью. В клад входит также серебряный стержень от шестилучевого колта. В разрезе он представляет квадрат 2 × 2 мм. Расплющенный конец держателя имел круглое отверстие, а на втором конце сделана петля, развернутая наружу (рядом — оплетка из гладкой проволоки диаметром 1 мм).

Височные трехбусинные кольца, как правило, имеют самую плохую сохранность среди украшений вкладах вещей домонгольского времени. В кремлевском комплексе 1991 г. они представлены фрагментами шести изделий с круглыми прорезными бусинами и одним экземпляром — с зернеными. У первых (инв. № 4628, 4629, 4630, 4631, 4632 и 4634 вх.) диаметр стержня не превышал 2 мм, диаметр сканной проволоки на бусинах — 1 мм, зерни — 2 мм. Единственное

в кладе височное кольцо с зернеными бусинами (размер последних 1,4 × 1,8 см) имеет стержень диаметром 2 мм с остатками обмотки из гладкой проволоки диаметром 0,5 мм. Зернь на бусинах пострадала от времени и имеет оплывший вид (диаметр шариков около 1 мм). Серебряные височные кольца с зернеными бусинами достаточно редки в археологических материалах древнерусских центров. Более известны золотые очень малых размеров — они хорошо представлены в коллекции Золотой кладовой музея «Киево-Печерская лавра».

Украшения шеи всегда составляют значительную часть в комплексах аналогичного происхождения. В данном кладе это, прежде всего, три шейные гривны. Первая из них имеет диаметр 19 см (инв. № Арх. 996). Для ее изготовления была использована серебряная проволока диаметром 2 мм. Первоначально приготовили три сдвоенных перевитых проводочных отрезка, которые затем перевели между собою и расковали концы до ширины 0,7 см, сделав на них специальные петли (они завиты наружу) для застегивания гривны при ношении (одна петля обломана).

Второе украшение (инв. № 58147 КП) также имеет диаметр 19 см, но оно выполнено из трех толстых (диаметр 0,4–0,5 см) серебряных проводок, перевитых между собою. Концы здесь также раскованы до ширины 0,6 см и завершаются петлями (загнуты наружу). И третья гривна (инв. № Арх. 1025) диаметром 22 см оказалась сплетенной из шести серебряных проволок (их диаметр 1,5 мм). Плетение достаточно свободное, концы изделия раскованы в пластинки шириной 0,8 см. На одном из концов сохранился крючок (завернут наружу), другой конец обломан.

Одним экземпляром в кладе представлены медальоны (инв. № 57749 КП). Несмотря на утраты части изделия в момент обнаружения, в целом

Рис. 1. Серебряные ювелирные изделия 2-й пол. XII–1-й трети XIII в. из клада 1991 г. Московский Кремль.

ясна композиция, заполнявшая поле круглой пластины диаметром 7,6 см. Последняя выполнена в технике выколотки и слегка выпуклая. По ее краю оставлен бордюр шириной 0,4 см между двух проволок — гладкой (по краю) и сканой. Бордюр поделен на четыре сектора двойными полосками сканой проволоки. Центр пластины занимает гравированный равноконечный крест с процветшим нижним концом — весьма характерный для медальонов домонгольского времени сюжет. Пространство креста заполнено штриховкой в виде косых крестиков. Композиция из переплетенных лент, отходящих от нижнего его конца, включает в себя завивающийся лист. Но интерес представляет завершение процветших концов — они сделаны в виде стилизованных змеиных(?) головок с раскрытой пастью. Этот элемент впервые зафиксирован на ювелирных изделиях данного типа домонгольского периода. Крест размещен на черневом фоне. Держатель бусины имеет продолговатую форму (1,7 × 1,9 см) с ребром посередине из серебряной проволоки, конец которой расплюснен и припаян на оборотной стороне пластины медальона. Бусина покрыта позолотой. Утрачена часть правой стороны и центра креста и побегов, идущих от его нижнего конца.

Бусы представлены в кладе 1991 г. только двумя экземплярами. Одна из них, овальной формы, украшена зернью и 12 напаянными полусферами. Бусы с полусферами хорошо известны покладам из Старой Рязани (Монгайт, 1952, с. 111, рис. 33, 3). Вторая бусина относится к более редкому типу. Сегодня она сохранилась в виде нескольких обломков, в то время как в момент находки она представляла собою половинку украшения.

Бусина была сделана из серебряной пластины, в которой пробиты ровные ряды круглых отверстий диаметром 1,5 мм. Они пробиты внутрь; на оборотной стороне пластины хорошо видны рваные края отверстий. Снаружи каждое из них обрамле-

но проволочным колечком (диаметр проволоки 1 мм). На стыках четырех колечек в своем дополнительном колечке «сидит» шарик зерни диаметром 1,5 мм. Сочетание отверстий, колечек и зерни и создает впечатление ажурности этого изделия.

Из украшений рук в кладе 1991 г. представлены только браслеты. Первый (инв. № 4640 вх.) витой разомкнутый был изготовлен из двух толстых проволок диаметром 0,5 см. Размер браслета 6 × 8,6 см. Интересны завершения разомкнутых концов браслета в виде звериных головок. Оба обломаны в древности и сохранились не полностью, только на 1 и 1,3 см. Определить характер изображений на концах украшения сложно, т. к. на обломках видны лишь уши животного продолговатой формы; возможно, это удастся сделать после реставрации находки. Можно предположить, что изделие на концах украшали стилизованные головки драконов(?).

Второй браслет сохранился полностью. Это великолепный экземпляр наруча (или обруча) из двух широких створок; хорошо сохранились соединение и замок браслета (Рис. 2). На створках (их ширина 6,7 см) этого украшения руки выполнены гравированные изображения птиц и фантастических животных; они размещены в два яруса, разделенных полоской толстой сканой проволоки. Каждая из фигурок находится в клейме с арочным завершением. Половина изображений выполнена на черневом фоне, у второй половины в технике черни по чистому фону исполнены сами фигурки. Браслет выполнен в технике ручной выколотки. Он относится к типу двухъярусных и может быть включен в подтип 2, по классификации Т. И. Макаровой, в который объединены обручи с изображениями птиц и животных (Макарова, 1986, с. 64, 73). Браслет отличает хорошая сохранность черни. Для него характерно отсутствие в орнаментации та-

ких растительных мотивов, как вьющийся стебель, плетенка и т. п.

На одной створке изображения фантастических животных с головой льва(?) размещены в центре композиции, оба — на черневом фоне; они смотрят на зрителя. У обоих животных сделан поясик на туловище, намечена грива(?), высоко поднята передняя правая лапа; их фигуры даны в движении.

В верхнем ряду по сторонам животного помещены обращенные к нему птицы, которые также показаны в движении; лапки снабжены когтями, у правой птицы на конец крыла помещен растительный(?) элемент. В нижнем ряду этой створки все фигуры даны на черневом фоне; по сторонам животного с процветшим хвостом стоят птицы с развернутыми от него телами, но с повернутыми к животному головами. На конце крыла обе «держат» стилизованный листик.

На второй створке (она сохранилась лучше) принцип размещения фигур несколько иной. Животные находятся в левом верхнем и нижнем клеймах. Следует отметить, что клейма с изображениями на черневом фоне размещены на этой створке в шахматном порядке с черневыми на чистом серебряном. Верхние две арочки занимали также изображения птиц, обращенных друг к другу головами, но шагающих в разных направлениях. Обе птицы держат в клювах стилизованные листочки. В нижних двух клеймах птицы движутся в одном направлении — к крылатому животному, но головы их обращены друг к другу. В центральной арочке птица держит в клюве стилизованный листик.

Животные в крайних левых клеймах значительно отличаются как друг от друга, так и от львов(?) левой створки. Но оба они показаны в движении, причем верхняя фигура движется влево, хотя и смотрит в центр композиции, а нижняя идет к центру и полностью развернута вправо. Фи-

Рис. 2. Браслет из кремлевского клада 1991 г. Серебро, гравировка, чернь, позолота.

Рис. 3. Фрагмент красноглиняного сосуда с рельефным (налепным) орнаментом из района находки кремлевского клада 1991 г. Начало XIII в. Персия.

гурки птиц на обеих створках во многом схожи, в том числе и в украшающем их орнаменте.

В состав клада входили также пять обрывков изделия из двух перевитых серебряных проволок диаметром 1–1,5 мм (инв. № 4643/1-5 вх.). Длина обрывков — 4; 6,5; 8,5; 10 и 12 см. Несомненно, это обрывки гривен, сохранявшиеся как сырье для дальнейшего использования.

Оценивая комплекс ювелирных украшений домонгольского времени, найденный в 1991 г. на территории Кремля, прежде всего следует отметить, что в его состав входят изделия только древнерусских ювелиров. Именно это отличает данный клад от Большого кремлевского (1988 г.) — крупной казны, копившейся на протяжении долгого времени членами владими́ро-суздальского княжеского дома. В комплексе 1991 г. представлены ювелирные украшения, характерные для драгоценного убора знатной горожанки древнерусского времени. Причем начало образования этого небольшого комплекса украшений нужно относить ко времени не ранее второй половины — конца XII в. Это обстоятельство также отличает клад 1991 г. от Большого кремлевского, в составе которого есть и более ранние изделия.

Формирование Большого кремлевского клада, как княжеской казны, заняло большее время. Его состав представлял и более широкую географию — от варяжских древностей Балтии до арабского Востока, хотя его основу составили работы древнерусских мастеров.

Датировка ювелирных украшений, найденных в 1991 г., не вызывает вопросов; по набору вещей клад во многом типичен для периода массового попадания этих древностей в землю — рубежа 1230–1240 гг. И, несмотря на то что культурный слой в месте обнаружения клада был в значительной степени уничтожен застройкой XV–первой трети XX в., стратиграфия нижней древнейшей зоны сохранившихся отложений позволяет судить как о времени освоения данного участка Боровицкого холма, так и о времени сокрытия клада.

Кроме отмеченных выше находок, сделанных при археологических наблюдениях в древнейших отложениях шурфа 1991 г. (двух фрагментов стеклянных браслетов, бытовой керамики), выделим обнаруженные в жилом слое 36 фрагментов (венчиков среди них нет) крупного красноглиняного сосуда типа корчаги. Аналогичные находки известны в археологических

коллекциях Киева XIII в. (Каргер, 1945, с. 8, рис. 3). На этом же участке работ были обнаружены 46 фрагментов еще одного крупного сосуда (венчиков нет) с нехарактерным для древнерусских керамических традиций налепным орнаментом в виде косой решетки (Рис. 3). Долгие поиски аналогов показали, что происхождение подобной посуды связано с территорией Персии, где в ассортименте такого керамического центра, как Рей, в XII–XIII вв. были крупные красноглиняные кувшины, украшенные накладным орнаментом в виде косой решетки (Sarre, Martin, 1912, Taf. 195). Один из таких кувшинов найден в слоях XIII–XIV вв. в Херсонесе (Материалы по археологии, с. 135). Аналогия была любезно подсказана В. Ю. Ковалем.

Кремлевский сосуд из ожелезненной глины с редким орнаментом отличается от херсонесского аналога отсутствием поддона и пятен поливы. Но наличие налепного рельефного орнамента в виде косой сетки позволяет ввести его в круг изделий, поступавших на Русь с Ближнего Востока. Все эти материалы дают возможность с большой уверенностью датировать древнейшие отложения в восточной части верхней террасы Боровицкого холма концом XII — началом XIII в.

Находка двух кладов ювелирных украшений в восточной части верхней террасы Боровицкого холма, наряду с другими археологическими свидетельствами, дает возможность реконструировать историческую и социальную топографию ранней Москвы. Анализ всего комплекса артефактов конца XII — первой трети XIII в. и картографирование этих находок с учетом палеорельефа центра Москвы (Боровицкого холма) позволяют определить площадь и систему обороны города, сложившиеся в период, предшествовавший походу Бату-хана на Русь. Объективные данные (остатки дерево-земляных укреплений, жилой и хозяйственной застройки, мощений, кладовые комплексы, вещевые находки и т. д.) говорят о том, что к

Рис. 4. Серебряные наручи из кремлевских кладов 1988 и 1991 гг. (после реставрации).

1238 г. линия оборонительных сооружений охватывала почти всю верхнюю террасу Боровицкого холма. Площадь Москвы в это время составила 14 га; но внутреннее пространство крепости было освоено далеко не полностью — в ее пределах оставался значительный градостроительный резерв.

Клады 1988 и 1991 гг. выделяют на освоенной к XIII столетию территории города участок с социально значимым населением (район современных Спасских ворот Кремля). Анализ археологических данных, геоморфологии и палеорельефа Боровицкого холма позволяет разместить в восточной крепости домонгольского времени двор князя и владения его ближайшего окружения. Находка, наряду с сокровищами княжеского уровня (клад 1988 г.), не столь зна-

чительной (клад 1991 г.) казны, делает это предположение весьма вероятным. В летописи, зафиксировавшей эпизод осады Москвы Бату-ханом, отмечен лишь один человек из княжеской администрации — воевода Филипп Нянок; это вполне объяснимо в ситуации, когда на первый план в жизни города выступили военные события.

Комплекс археологических древностей из культурного слоя Боровицкого холма, в том числе и прекрасные ювелирные украшения, обнаруженные на рубеже 1980—1990-х гг. на территории Кремля, дает возможность, вслед за русскими летописями, считать Москву домонгольского времени городским центром. Недаром за обладание этим городом, пусть и малым, вели в первой трети XIII в. борьбу младшие представители вла-

димиро-суздальской княжеской династии — внуки Всеволода Большое Гнездо. В пределах дерево-земляных укреплений Москвы размещались владения высшей знати, храм с кладбищем, дворы рядовых горожан, ремесленные мастерские сапожников и кузнецов, обработчиков дерева и янтаря, косторезов и ювелиров, изготавливавших из простых сплавов дешевые украшения для основной массы москвичей. Запросы князя, членов его семьи и его ближайшего окружения были иными, и предметы роскоши (дорогие ткани, оружие, вино в амфорах, предметы христианского культа, стеклянная посуда из Византии, континентальной Европы и стран Ближнего Востока) попадали в Москву в результате транзитной торговли. Ювелирные украшения поступали в основном из столицы митрополии —

Рис. 5. Колт из кремлевского клада 1988 г. (после реставрации). Серебро, зернь, скань.

Владимира и центров ближайших княжеств, в том числе Старой Рязани. В археологических материалах этих территорий мы находим ближайшие аналогии многим серебряным изделиям из кремлевских кладов 1988 и 1991 гг.

Комплекс ювелирных украшений 1991 г., как и другие находки кладов с вещами второй половины XII – первой трети XIII в. в Москве, происходят с территории Боровицкого холма — исторического ядра столицы России. Это весомый аргумент в споре о том, откуда же «началась» Москва, в споре, который уже давно пора завершить. Трудно переоценить значение находок кладов — родовых накоплений высшей знати и для определения характера Москвы в первой трети XIII в. Это малый город, а не аморфное «поселение», о котором писали исследователи 1960-х — 1970-х гг. Князь и феодальная городская верхушка обладают значительными материальными накоплениями,

Москва защищена серьезными дерево-земляными укреплениями, ее активно посещают купцы — она включена в систему транзитной торговли, — здесь уже формируется церковная организация, развиты и работают основные отрасли ремесла, сформировалась сельскохозяйственная округа и есть многое другое, что делает город городом.

Комплексы ювелирных украшений домонгольского времени очень важны для изучения истории развития ювелирного дела и материальной культуры русского Средневековья в целом. Археологические данные свидетельствуют о том, что в Москве середины XII – первой трети XIII в. ювелирное ремесло находилось в стадии становления, так как использовались сплавы на основе цветных металлов и производились простые по технологии и морфологии изделия. Высокохудожественные серебряные ювелирные украшения — это результат деятельности сложившихся в

столичных центрах мастерских с уже наработанными не одним поколением ювелиров традициями.

Важно и другое — в кладах вещей домонгольского периода очень точно отражена мода своего времени и представление людей о прекрасном. Изделия из драгоценных металлов, как правило, служили не так долго — изменение моды, поломка вещей приводили к тому, что украшения (и их обломки) переплавляли для того, чтобы сделать другие, отвечающие требованиям нового момента. Спрятанные в землю и ставшие кладом, а затем попавшие в руки историков XX столетия, ювелирные украшения дают возможность спустя 700 и более лет представить состав парадного убора высшей знати, восстановить детали костюма того времени (Рис. 4–6).

Но в момент находки клада невольно задумываешься и о судьбе людей, скрывших свое достоинство в минуту смертельной опасности. Ни один из них не вернулся за своими

Рис. 6. Украшения знатной москвички XIII в. Реконструкция.

вещами — был или убит при осаде Москвы, или захвачен в плен и увезен в татарские пределы, а затем продан в рабство на одном из рынков южных портовых центров на Черном море.

Автор этих строк тоже размышляла об этом, разглядывая находку и слушая рассказ двух строительных рабочих, первыми натолкнувшихся на клад в 1991 г. Но, как известно, многие истории повторяются дважды — один раз в виде трагедии, другой — в виде фарса. Так было и осенью 1991 г. Клад спрятал зимой 1238 г. русский человек, понимавший, что

город не выдержит осаду воинов Бату-хана. А нашли эти вещи два друга-строителя, по национальности русский и татарин.

Эти люди не стали испытывать судьбу и присваивать себе найденные древности. И поступили вполне в духе юридических норм средневековья, например, середины XIV в.: «*Кто найдет что-либо на земле царской, да не берет себе и да не скажет: 'Я не возвращу'*» (Хрестоматия памятников..., с. 906). Иначе не избежать бы им судебного разбирательства, и с пристрастием, как было принято, например в Чехии в конце

XIII в.: «*За присвоение клада один вызов; надлежит позвать в суд, как за ограбление; испытание железом...*» (там же, с. 358).

Юридические документы средневековой Европы свидетельствуют о том, что клады были достаточно обычным явлением жизни (уже требующим законодательной базы). И российская археология подтверждает аналогичную ситуацию многочисленными находками кладов в слоях древнерусских городов, в том числе и Москвы.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Авдусина Т., Панова Т., 1992. Свидетель трагедии // Знание — сила. № 12.
- Векслер А., Мельникова А., 1999. Российская история в московских кладах. М.
- Макарова Т. И., 1986. Черное дело древней Руси. М.
- Материалы по археологии юго-западного Крыма (Херсонес, Мангуп), 1953 // МИА. № 34.
- Монгайт А. Л., 1952. Топография Старой Рязани // КСИИМК. Вып. XLIV.
- Панова Т. Д., 1996. Клады Кремля. М.
- Панова Т. Д., Авдусина Т. Д., 1993. О находке клада 1991 г. в Московском Кремле // РА. № 2.
- Хрестоматия памятников феодального государства и права стран Европы, 1961. М.
- Янин В. Л., 1980. Таинственное средневековье. У древних стен, у Ильмень-озера. М.
- Panova T. D., 1998. Buried Treasures of Moscow Kremlin // Journal of journal. M. Vol. 2. № 1.
- Sarre F., Martin F. R., 1912. Ausstellung von Meisterwerken muhammedanischer kunst in München. Bd. II.

Предыстория и история Москвы по материалам раскопок на Романовом дворе

Москва изучена археологически не так детально, как Новгород или Псков. Долгое время, вплоть до начала 1990-х гг., большие археологические раскопки в Москве были редкостью, случались лишь при благоприятном стечении обстоятельств, т. к. законодательная база была слаба и финансовых средств на городскую археологию почти не выделялось.

Представление о том, что такое Москва и ее культурный слой с археологической точки зрения, основаны на наблюдениях, сделанных при строительстве первых очередей метрополитена и раскопках в Зарядье, в Заяузье и в Кремле в 1930 – начале 1960-х гг. (Арциховский, 1947; Горюнова, 1947; Пассек, 1936; Рабинович, 1971; Шеляпина, 1971).

По материалам этих раскопок была разработана «керамическая шкала», давшая основание для датировок раскопанных объектов (Рабинович, 1949; Розенфельдт, 1968). С некоторыми уточнениями (Московская керамика, 1991; Коваль, 2001) эта шкала используется до сих пор. Тем не менее вопросы хронологии остаются недостаточно проработанными. В возникшем еще в 1950-е – 1960-е гг. споре о времени возникновения Москвы (конец XI – начало XII в. или середина XII в.) окончательной точ-

ки не поставлено до сих пор (Векслер, 1963; Воронин, Рабинович, 1963; Равдина, 1963; Розенфельдт, 1957), хотя более поздний вариант представляется предпочтительным (Авдусина и др., 1989; Кренке, 1997).

В то же время в Москве было сделано очень много наблюдений на строительных котлованах и описаний геологических скважин, что позволило уже в 1940-е – 1960-е гг. дать характеристику культурного слоя города как «литологического тела» и построить карту мощности культурного слоя в пределах центра города (Котлов, 1947; 1962). В 1961 г. Ф. В. Котлов высказал мысль, что «горизонты погребенных почв могут служить целям возрастной стратификации толщ культурного слоя» (Котлов, 1961, с. 149). Перспективность этого подхода к описанию стратиграфии культурного слоя города, в котором сохранность древесины низкая и дендрохронология не разработана, была осознана лишь несколько десятилетий спустя (Александровский и др., 1997).

В 1989 г. на волне подъема демократического движения, после успешных раскопок Института археологии РАН в Историческом проезде под руководством С. З. Чернова, были заложены основы законодательства, охраняющего культурный слой Мо-

сквы в пределах Садового кольца и обязывающего застройщиков финансировать археологические исследования. В результате масштабы археологических раскопок в условиях «строительного бума» 1990-х гг. резко возросли (Беляев, Векслер, 1996). Одним из наиболее крупных археологических проектов тех лет были раскопки на Манежной площади.

Раскопки на бывшем «Романовом дворе», на месте которого теперь стоит «старое» здание Московского университета (ул. Моховая, 9), явились как бы логическим продолжением раскопок на Манеже.

Романов двор находился на возвышенном правом берегу р. Неглинной напротив Кремля. Место это занимало ключевое ландшафтно-топографическое положение в средневековой Москве. Предшественником Романова двора XVII в. был Опричный двор. Сюда, в «антикремль», был на краткое время перенесен административный центр государства при Иване Грозном. Наиболее интенсивно Опричный двор (дворец) функционировал в 1567–1571 гг., окончательно прекратил свое существование, по-видимому, лишь после смерти монарха-тирана в 1584 г. (Мельников, 1991). Спустя два десятилетия, вероятно, при Лжедмитрии I большая часть территории бывшего

Рис. 1. Двор за старым зданием МГУ («Романов двор»). В центре павильон над раскопом. Зима 2002 г.

Опричного двора была отдана во владение боярину Ивану Никитичу Романову (Лаврентьев, 2000). Затем досталась его сыну Никите Ивановичу, а после смерти последнего в 1654 г. была отписана «на государя» — царя Алексея Михайловича Романова.

Раскопки на Романовом дворе длились с 1996 по 2002 г. В ходе этих работ была раскопана площадь около 900 м², а зона наблюдений охватила несколько тысяч квадратных метров. Работы проводились в том числе и в зимних условиях, для чего были сооружены специальные обогреваемые павильоны, имевшие естественное и электрическое освещение (рис. 1; 5), (Кренке, 2005).

Культурный слой на месте Романова двора имел сложное строение. Его трехметровая толща напоминала запутанную микросхему, разновременные слои и сооружения где-то прорезали друг друга, а где-то последовательно накапливались один над другим, создавая летопись событий (рис. 2).

Наиболее значимые результаты раскопок можно объединить в три историко-археологических «сюжета».

Первый сюжет связан с древнейшей историей освоения места. Сделанная по материалам раскопок и геологического бурения реконструкция палеорельефа свидетельствует о том, что исследованный участок возвышенного правого берега реки Неглинной (высотная отметка около 138,5 м в Балтийской системе) имел вид довольно обширного холма, ограниченного с северной и южной стороны оврагами. На востоке поверхность плавно спускалась к руслу р. Неглинной, а на запад шел плавный подъем между отвершками оврагов.

Почти на самой вершине этого холма были обнаружены следы сельского поселения древнерусского времени. Всего было обнаружено 11 ям с находками XII–XIII вв. (Кренке, 2004). Восемь из этих ям могут быть интерпретированы как остатки построек. В их заполнении были встре-

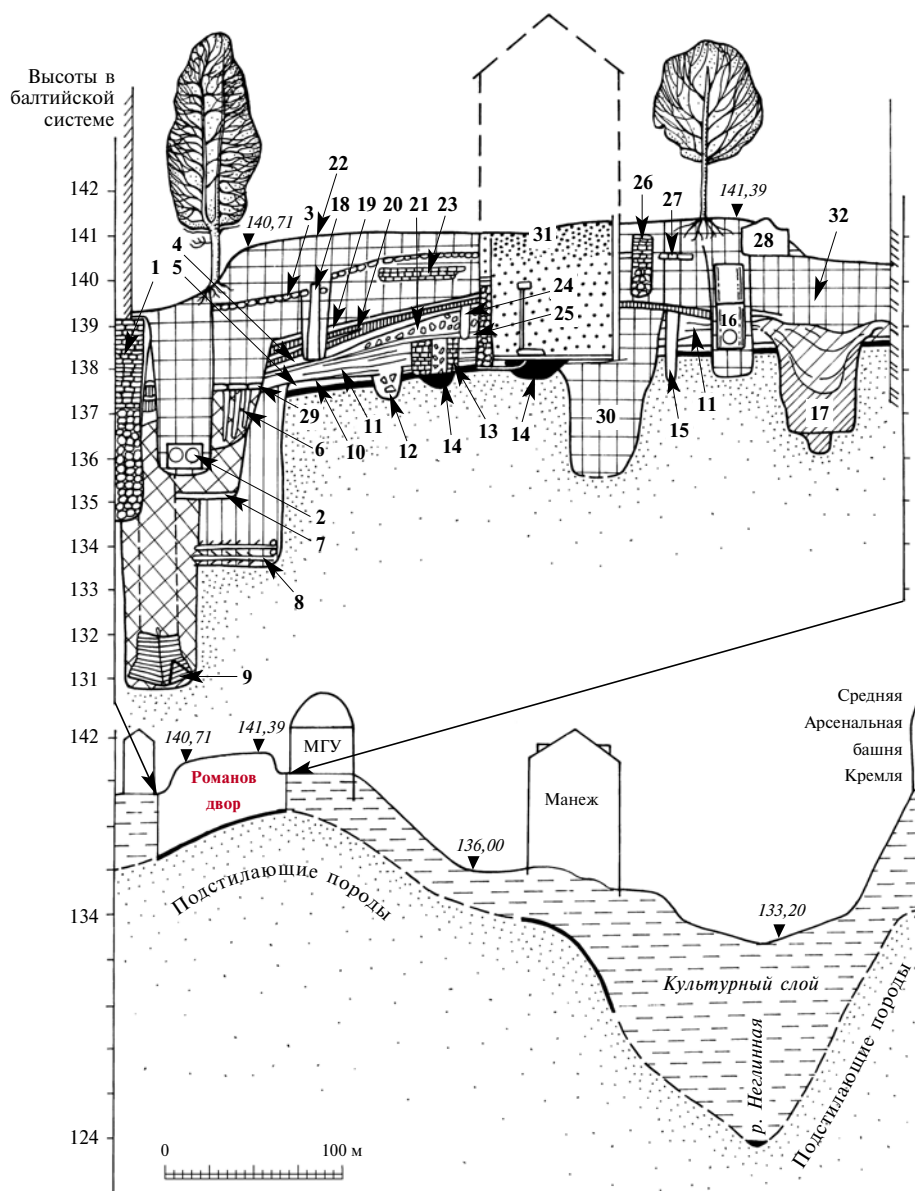
чены камни и обожженная глина от рухнувших печек, большое количество обломков горшков. Серия вещевых находок представлена обломками стеклянных браслетов, двумя шиферными пряслицами, пластинчатыми медными перстнями, витым медным браслетом, фрагментами семилопастного височного кольца поздней разновидности и деталью от весов (Кренке, 2001, с. 516). Особенности форм и орнамента горшков (абсолютно преобладают линейный орнамент и горизонтальное рифление), состав вещевых находок свидетельствуют о том, что наиболее вероятный временной интервал существования поселения — вторая половина XI — первая половина XIII в.

По углю из ям было получено восемь радиоуглеродных датировок, которые охватывают интервал от 730 до 1000 лет радиоуглеродного возраста. Большая часть датировок (пять) сконцентрировалась в интервале 800–900 лет радиоуглеродного возраста, что при пересчете в кален-

дарный возраст указывает на XII—первую половину XIII в. Необходимо учитывать, что радиоуглеродные даты фиксируют не время функционирования (пожара) построек, а время выхода органики (в данном случае — древесины), составлявшей образец, из обменного цикла. Таким образом, наличие «ранних» дат, относящихся к первой половине XII в., вполне естественно и не может служить аргументом для удреждения археологического комплекса.

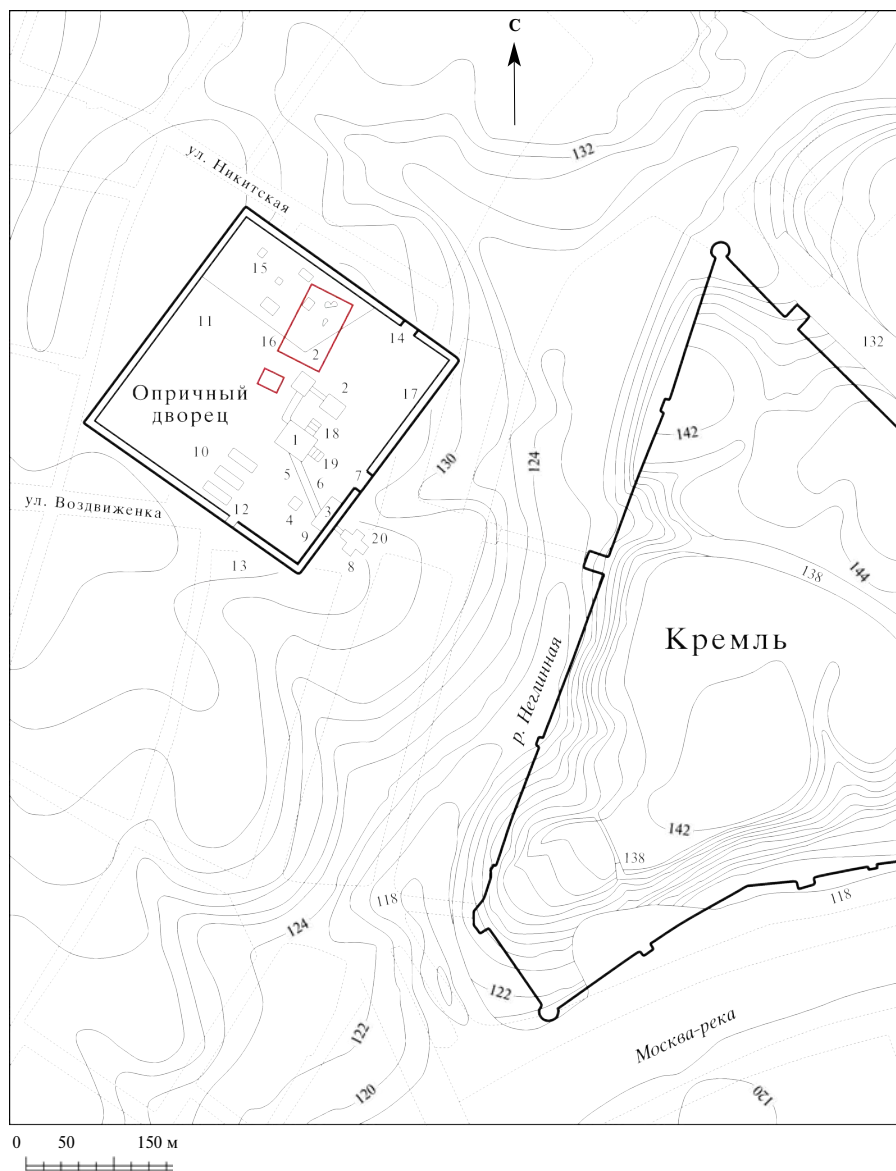
Ямы построек XII—XIII вв. занимали верхнюю часть склона холма, обращенного на северо-запад в сторону оврага (Успенский вражек), правого притока р. Неглинной. Для поселений древнерусского времени в Подмосковном регионе такая ландшафтная приуроченность не характерна. Обычно поселения расположены ближе к воде. В нашем случае, вероятно, сказывалась особая ситуация, сложившаяся вокруг городского ядра — Кремля. Долина р. Неглинной уже была плотно обжита. По правому берегу Неглинной поселения располагались с интервалом в несколько сотен метров друг от друга. Одно поселение располагалось на месте Манежной площади, другое ниже по течению, на месте здания манежа (Векслер, 2004). В этих условиях дефицита удобной земли началось уплотнение поселенческой структуры. Этот процесс, вероятно, и фиксирует обнаруженное на «макушке холма» поселение XII—XIII вв. на Романовом дворе.

Вокруг ям от построек были обнаружены следы пахоты в виде тонких перекрещивавшихся под прямым углом борозд. Такой метод распашки — «двоение» — был распространен у русских крестьян и в XVIII в. (Милов, 2001, с. 97). Выявлено по крайней мере два слоя разновременной пахоты. По форме пахотных борозд удалось установить, что в качестве орудия земледельцы использовали двузубую соху (может быть, и еще какие-то орудия). Поселение на холме прекратило существование в XIII в. Нет прямых доказательств тому, что

1. Фундамент дома по Романову пер., 4, построенного в 1895—1898 гг.; 2. Коллектор канализаций 2-й пол. XX в.; 3. Бульжная мостовая кон. XIX в.; 4. Строительный горизонт (прослойка извести) сер. XVII в.; 5. Пахотный горизонт XII—XIII вв.; 6. Полости от деревянных свай постройки кон. XVII в.; 7. Пол сгоревшего погреба постройки сер. XVII в.; 8. Погреб 2-й пол. XVI в., укрепленный сосновыми стволами; 9. Колодец 3-й четв. XVII в.; 10. Пахотный (огородный) горизонт XIV—XV вв.; 11. Свита прослоек песка и супеси 2-й пол. XVI в.; 12. Подпечная яма 3-й четв. XVI в.; 13. Кладка стены надворной печи кон. XVI в.; 14. Ямы построек XII—XIII вв.; 15. Полость от столбов ограды денежного двора 1650—1660-х гг.; 16. Локальная канализация кон. XIX в.; 17. Яма погреба постройки XV в.; 18. Основание чугунного фонарного столба кон. XIX в.; 19. Почвенный горизонт кон. XVII—нач. XVIII в.; 20. Пожарные прослойки 1660-х(?) гг. с остатками постройки денежного двора; 21. Строительный горизонт (кирпичный бой) сер. XVII в.; 22. Поверхность 1996 г. с высотными отметками 140,71—141,39 в балтийской системе высот; 23. Кладка фундамента оранжереи 1840-х гг.; 24. Полость от столба частокола денежного двора 1660-х гг.; 25. Огородный горизонт нач. XVII в.; 26. Фундамент противопожарного забора (брандмауэра) кон. XVIII в.; 27. Остатки постройки 2-й пол. XVIII в.; 28. Погреб 1-й пол. XX в.; 29. Каменный пол подвала постройки кон. XVII в.; 30. Яма 3-й четв. XVII в.; 31. Дом нач. XX в., снесенный в 1998 г.; 32. Культурный слой (серо-бурая супесь) XVIII—XIX вв.

Рис. 2. Сводный разрез культурного слоя на Романовом дворе (вверху) и профиль поперек долины р. Неглинной (внизу).

1. Большая палата 2. Мощные постройки со шпичами 3. Низкие хоромы с клетью 4. Погреб с кругами воска 5. Переходы 6. Особая площадь великого князя 7. Восточные ворота исключительно для великого князя 8. Церковь, построенная крестообразно 9. Калитка, забитая гвоздями изнутри 10. Приказы 11. Большая площадь 12. Южная калитка 13. Коновязи для лошадей князей и бояр	14. Северные ворота, окованные железными полосами, покрытыми оловом, с изображениями львов и орла 15. Поварни, погреба, хлебни, мьльни 16. Калитка на великокняжеский двор 17. Каменно-кирпичная стена высотой в три сажени 18. Лестницы (крыльца) 19. Помост, с которого великий князь садился на коня 20. Звонница с колоколами, «которые великий князь наградил и отобрал в Великом Новгороде»
- Исследованные участки

Рис. 3. Предполагаемое местоположение Опричного дворца на реконструированном на-леорельефе центра Москвы (рельеф по Ф. В. Котлову с корректировкой И. И. Кондратьева). На плане дворца сооружения обозначены условно, согласно описанию Г. Штадена.

это было результатом татарского нашествия, но вероятность этой версии велика. При первых московских князьях, когда в XIV в. дважды обновлялась кремлевская крепость, напротив нее, на правом берегу р. Неглинной, где до этого было поселение, теперь находилось поле. Борозды четко прослеживались над местами сгоревших построек. Но вскоре застройка возобновилась. Дома «наступали» от реки. На гребне холма прослежен плетень ограды усадьбы начала XVI в., выявлен слой огорода с глубокими, треугольными в разрезе, следами от лопат. С этим горизонтом связаны важные культурные и хронологические индикаторы — мелкие фрагменты поливной ордынской кашинной керамики бирюзового цвета с росписью черной краской.

В огороде снаружи от плетня была обнаружена кузнечная яма, забитая железными шлаками. Вынос огнеопасных производств на периферию застройки — типичное явление для средневековой Москвы. Кроме битой керамики в огородном слое встречались и вешевые находки. Примечательны среди них — маленькие нательные крестики с «криновидными» концами (всего их найдено три), похожими на распускающийся листочек. Работая, люди не замечали, как шнурки обрывались, и крестики падали в землю. За каждой такой находкой стоит конкретный человек, современник Мамаева побоища и нашествия хана Тохтамыша.

Второй сюжет — одна из притягательнейших загадок московской археологии — Опричный дворец. Единственное подробное описание дворца составлено Генрихом Штаденом (2002, с. 66–68). Гипотетическая локализация места дворца и реконструкция его внутренней планировки приведены на рис. 3. В раскопы, по видимому, попала северо-западная часть дворца, где находились хозяйственные постройки.

Археологические данные таковы. На месте полей-огородов в центре двора фиксируются две большие постройки срубного типа, в одной —

Рис. 4. Вислая печать новгородских владычных наместников XIV в. из раскопок на Романовом дворе. Длина 3,1 см.

печь из кирпичей. Западнее построек обнаружены ямы глубоких погребов (не подпечные ямы построек, а именно погреба глубиной до 3 м). Южнее и восточнее построек в двух пунктах, удаленных друг от друга на 35 м, обнаружены остатки трех (одна совершенно разрушена) надворных печей, сложенных из маломерного плинфоподобного кирпича (размеры: 4,5 × 10,5 × 21,5 см). В. В. Кавельмахер, который посещал раскопки в 1996 г., отметил, что подобный кирпич использовался при строительстве в Москве с конца XV в. и весь XVI в. В подпечных ямах обнаружены фрагменты поддонов стеклянных кубков, идентичных кубку из погребения первой жены Ивана IV царицы Анастасии Романовны. В слоях, одновременных описываемым объектам, обнаружены фрагменты полихромных кубков других типов и роговая пороховница европейской работы второй половины XVI в. Детали одежды воина-аристократа, изображенного на пороховнице, позволяют сузить ее датировку до третьей четверти XVI в.

Особенно следует отметить вислую свинцовую печать канцелярии

новгородского владыки (печать владычного наместника), найденную в одной из построек (рис. 4).

Все вышеперечисленные объекты погибли в пожаре («пожар № 1», по нумерации на данном участке раскопок).

Как можно интерпретировать данные находки? Очевидно, что в зону раскопок попала крупная усадьба высокого социального статуса. На это указывают ее размеры и находки (например, фрагменты стеклянных кубков очень редки в культурном слое XVI в. в Москве за пределами Кремля).

Археологический материал не позволяет сузить датировку точнее, чем 3-я четверть XVI в. В 1550–1575 гг. в этом районе Москвы, по летописным данным, было как минимум три пожара — в 1560 г., 1564 г. и самый сильный — в 1571 г. Так что наличие слоя пожара не позволяет сделать точный выбор.

Очень симптоматичной находкой является вислая печать. Этот оттиск с неизвестной ранее матрицы, по заключению, любезно сделанному П. Г. Гайдуковым, близок к типу

№ 505 (Янин, Гайдуков, 1998, табл. 30). По предположению В. Л. Янина, этот тип печати не может датироваться позднее 1480 г. (Янин, 1970, с. 54). То есть датировка нашей находки почти на 100 лет древнее, чем датировка слоя, в котором она была найдена. Трудно предположить, что вислая печать от новгородского документа¹ могла валяться на московском огороде и попала в горизонт постройки второй половины XVI в. в результате переотложения в слое.

Нельзя не вспомнить в связи с находкой новгородской печати известия новгородских летописей, что Иван Грозный во время своего похода на Новгород в августе 1570 г. приказал собрать по новгородским монастырям жалованные грамоты и отправить их в Москву (Скрынников, 1998, с. 415). Аккумулироваться эти документы могли только в Опричном дворце.

То есть результаты археологических раскопок описанных выше объектов не позволяют утверждать, но делают очень вероятным предположение, что они относились к Опричному дворцу.

Рис. 5. Раскоп VI на Романовом дворе. Зима 2002 г.

Находки в слоях, перекрывавших пожар 1, усиливают это предположение.

На поверхности пожара 1 вырос очень незначительный слой серой супеси толщиной 1–3 см. Можно говорить лишь о начальной стадии почвообразования. Перекрыт этот горизонт серией песчаных выбросов из ям. Разделяют песчаные линзы прослойки серой супеси. Эти слои являются результатом возобновления активной строительной деятельности на участке. Можно утверждать, что функциональное использование территории не изменяется, наблюдаются явные черты преемственности. В западной части двора откапываются котлованы новых погребов. Центральная часть двора по-прежнему используется для сооружения надворных печей. Исследовано восемь печей (рис. 5, 6). Две из них были построены непосредственно на месте печей, сгоревших в пожаре 1. Одна печь (в раскопе XIII), видимо, пережила пожар 1 и просто была отремонтирована — обновлена кладка ее топочной камеры. Важной особенностью

является то, что все новые печи строятся из большемерного кирпича размером 29 × 14 × 7,5 см и редким использованием сырцовых блоков. При общей схожести между собой, печи имели некоторые конструктивные различия. У трех печей пол топочных камер имел мощение из кирпичей, у других нет. Некоторые печи имели одну топочную камеру, другие — две или три (четыре?), соединенные в один блок. Степень заглубления в землю печей также различалась. Всего было зафиксировано 13 (14?) топочных камер. Диаметр каждой около 1,5 м, они предназначались для помещения туда большого металлического котла (рис. 7). Зона, которую занимали печи, имела размеры примерно 50 × 15 м и вытянулась полосой с юго-запада на северо-восток.

Исходя из различий в конструкциях печей и некоторых особенностей их стратиграфической приуроченности, можно думать, что они не были сооружены в один прием одной бригадой мастеров. Прекратили же функционировать печи из больше-

мерного кирпича одновременно, судя по стратиграфическим данным. Причем нет следов разрушения печей в пожаре, хотя пожар на территории в период существования этих печей случился. Характер разрушения производит впечатление, что печи были заброшены, либо даже специально «снивелированы». Кирпичные стенки, выступавшие над землей, были завалены (сами упали?) внутрь топочных камер. При этом никому не было позволено вторично использовать кирпичи. Руины печей никто специально не разбирал. После прекращения функционирования надворных печей характер использования территории меняется. Строительство прекращается. Слой, покрывший печи, является огородным, в его основании хорошо прослеживались ряды следов от лопат.

Сами по себе надворные печи типичны для слоев XVI в. в Москве. Четыре такие печи были раскопаны в Зарядье (Крис, 1959). Три из них находились на боярской усадьбе Никиты Романова² и были ошибочно интерпретированы авторами раскопок

Рис. 6. Раскоп VI на Романовом дворе. Развал надворной печи 2-й пол. XVI в. Зима 2002 г.

как гончарные горны. Три аналогичные печи были зафиксированы при раскопках на Манежной площади, еще четыре в Чертолье (на разных усадьбах) при работах возле здания ГМИИ им. Пушкина (Векслер, Осипов, 1996). В последней работе впервые аргументированно обосновывается функциональное назначение печей как кухонь, вынесенных во двор. Развал подобной печи был отмечен при раскопках на ул. Знаменка возле галереи Шилова в 2003 г.

Таким образом, печи, зафиксированные в слое XVI в. во дворе университета, являются «нормальным» явлением для московских богатых усадеб того времени. Количество же печей на ограниченном участке уникально. Таким образом, хозяйство было в несколько раз многолюдней крупной боярской усадьбы. Соблазн увидеть в этом хозяйстве царский «двор» очень велик.

Если принять эту версию, то из археологических материалов получается, что хозяйственный (кухонный)

блок Опричного дворца функционировал достаточно долго (за это время сменился стандарт кирпича), пережил два пожара (один большой, другой локальный).

В конце XVI в. территория неожиданно запустевает. По археологическим материалам точнее определить дату этого момента сложно. Симптоматично, что в слое с печами было найдено множество медных пул (несколько десятков) и несколько серебряных копеек грозненского времени. Монеты царствований от Федора Иоанновича до Василия Шуйского отсутствуют вовсе. В верхней части слоя огорода, перекрывшего руины печей, найдены уже копейки Михаила Федоровича Романова. Это может служить косвенным указанием на то, что именно при царе Федоре произошло запустение и прекращение активной жизни на участке. Такой вывод очень хорошо согласуется с данными письменных источников о судьбе Опричного дворца и его преемницы — резиденции служб «двора».

Третий сюжет связан с обнаружением денежного двора периода реформы 1654–1663 гг. Эта находка была совершенно неожиданной. Считалось, что в период денежной реформы в Москве функционировали два монетных двора. Один («старый») — в Кремле, другой — «новый» на месте бывшего английского купеческого двора в районе Мясницкой улицы (Мельникова, 1989, с. 200). Лишь после обнаружения в раскопках на Романовом дворе несомненных следов монетного производства историки вновь тщательно проанализировали письменные источники и обнаружили упоминание еще одного денежного двора, ускользнувшего до этого из поля их внимания (Лаврентьев, 2000). Название этого двора в письменных источниках — Новый дворцовый. Дворцовой территорией Романов двор стал после смерти бездетного боярина Никиты Ивановича Романова. Обнаружение денежного двора — явление уникальное. Обычно вещи, связанные с чеканкой де-

Рис. 7. Реконструкция вида надворной печи 2-й пол. XVI в. по материалам раскопок на Романовом дворе (худ. Л. Б. Ланцман).

нег, в землю не попадают или попадают очень редко. В данном случае для археологии сослужила службу необычная коллизия денежной реформы и та небрежность и поспешность, с которой чеканились медные копейки. Начавшаяся гиперинфляция и «медный бунт» вызвали резкое изменение курса правительственной финансовой политики. Хожение медных денег было отменено в 1663 г., соответственно, работа на денежном дворе была приостановлена. Его постройка, видимо, была опечатана и охранялась стрельцами, пока не сгорела вскоре в пожаре. Данные раскопок свидетельствуют, что постройка

денежного двора была деревянной, пол частично земляной, частично — глинобитный, местами замощен кирпичами. Внутри двора был особый частокол, ограждавший место чеканки денег. Постройка и частокол сгорели в пожаре, образовавшийся слой угля способствовал консервации предметов из органики, которые в обычных условиях не сохраняются в сухом культурном слое Москвы. В результате остатки денежного двора после расчистки слоя пожара предстали перед глазами археологов почти так, как их можно было видеть в 1660-е гг. У стен постройки, внутри и за ее пределами, во множестве ва-

лялись пришедшие в негодность инструменты, заготовки монет и готовые копейки. При ручной спешной чеканке в темноватых помещениях отскоки монет при ударах бойца, видимо, были очень часты. Искать же отскочившие монеты и заготовки у рабочих денежного двора не было времени, надо было скорее чеканить новые. Чеканка копеек из меди, которые приравнялись по стоимости к серебряным, была буквально алхимическим действием — медь превращалась в серебро. Тут уж было не до поисков упавшего куса проволоки. Копейки делались из проволоки, которая сначала нарубалась на мелкие

Рис. 8. Верхний (1, 3) и нижний (2) монетные чеканы из раскопок на Романовом дворе.

Рис. 9. Медные копейки из клада на Романовом дворе.

кусочки длиной 4–6 мм, затем они плющились гладкими чеканами, и только после этого накладывались штемпели с изображениями всадника с копьем и буквенной легендой. Упавших единичных заготовок и монет было найдено более тысячи. Кроме того, были найдены восемь кладов, видимо спрятанных рабочими денежного двора. Шесть кладов состояли из медных копеек, часто очень плохого качества (рис. 9). Самый маленький насчитывал 36 копеек, самый крупный — 142 копейки. Пытались украсть и заготовки, вероятно, кто-то из мастеров имел денежные штемпели дома. Кладов заготовок найдено два. Один состоял из 800 кусочков рубленной проволоки. Другой представлял собой 240 узких полосок меди весом около килограмма. Сохранились обрывки ткани, в которую клад был завернут. Этот клад особенно интересен, так как указыва-

ет на то, что монеты иногда чеканились не из проволоки, а из гладких узких полос. Все клады были прикопаны неглубоко в землю у стены постройки внутри и вне ее, один клад найден с внутренней стороны частокола.

Инструменты, которыми велась работа, видимо, были изготовлены из железа низкого качества и быстро выходили из строя. Найдено около двух сотен специальных зубил, использовавшихся в денежном производстве. Их особенность заключалась в том, что по бокам от лезвия имелись выступы. При ударе таким зубилом по проволоке не оставалось следов на поверхности, на которой она лежала (выступы предохраняли). Сломанных верхних чеканов найдено более двух десятков, а нижних, имевших вид усеченных пирамидок, — всего пять. Чекан с изображением (буквенной легендой) найден всего

один (рис. 8). Качество железа было настолько плохим, что с огромным трудом реставратору В. А. Понсову удалось выявить изображение. Картины царившего на денежном дворе ажиотажа ярко дополняют другие находки. На полах помещений, где велась работа, найдены косточки слив, вишен, рыбы хвосты. То есть рабочие ели на рабочих местах и плевали на пол. На пол бросали и «хвосты» медной проволоки, непригодные к работе (сходящие на нет концы со следами клещей, зажимавших проволоку при волочении). Во дворе между постройкой и частоколом была такая грязь, что были небрежно брошены доски, образовывавшие своего рода гать. Вокруг них валялись целые лапти и их обрывки, куски ткани от одежды, обрывки шерстяных носков и войлочные стельки. Рядом с постройкой была мусорная куча, куда сваливали кости коров

(видимо, рабочие получали мясной рацион). На многих костях сохранились зеленые следы меди. Видимо, они как-то соприкасались с сырьем. При виде этих находок на простран-

стве денежного двора невольно приходят на ум разные исторические параллели, в том числе и с современностью. В грязи и «на коленке», в атмосфере многоуровневого воровст-

ва создавались инструменты, двигавшие «большую историю». Куда там Архимеду с его рычагом!

¹ В Москве известна еще лишь одна находка печати новгородского происхождения — печать новоторжского наместника. Эта находка залегала в соответствующем подобной вещи археологическом контексте — в слое Гостинного двора (Векслер, Кондрашев, 1997, с. 85).

² Две из трех печей были музеефицированы при раскопках 1984 г. и экспонируются сейчас в «Музее боярского быта — палаты Романовых». Заключение, что это именно печи, было сделано коллегиально с участием Д. О. Осипова, М. И. Гоняного, В. Л. Егорова, Ю. Б. Цетлина.

БИБЛИОГРАФИЯ

Авдусина Т. Д., Владимирская Н. С., Панова Т. Д., 1989. Некоторые итоги археологического изучения Московского Кремля (1974–1982 гг.) // СА. № 3.

Александровский А. Л., Бойцов И. А., Кренке Н. А., 1997. Почвы и культурный слой Москвы: строение, история развития, география // Изв. АН. Сер. географич. № 3.

Арциховский А. В., 1947. Основные вопросы археологии Москвы // МИА. № 7.

Беляев Л. А., Векслер А. Г., 1996. Археология средневековой Москвы (итоги исследований 1980–1990-х гг.) // РА. № 3.

Векслер А. Г., 1963. К вопросу о древнейшей дате Московского Кремля // СА. № 1.

Векслер А. Г., отчет. Отчет о натурных охранных археологических исследованиях, связанных с реставрацией Центрального выставочного комплекса «Манеж» в 2004 г. // Архив ИА.

Векслер А. Г., Осипов Д. О., 1996. Дворовые печи-поварни // Археологические памятники Москвы и Подмосковья. М.

Воронин Н. Н., Рабинович М. Г., 1963. Археологические работы в Московском Кремле // СА. № 1.

Горюнова Е. И., 1947. Итоги работ археологического надзора на строительстве 2-й очереди московского метрополитена им. Л. М. Кагановича // МИА. № 7.

Дубынин А. Ф., 1959. Археологические исследования 1955 г. в Зарядье // КСИИМК. Вып. 77.

Коваль В. Ю., 2001. Белоглиняная керамика в средневековой Москве // РА. № 1.

Котлов Ф. В., 1947. Культурный слой города Москвы и его инженерно-геологическая характеристика // Очерки гидрогеологии и инженерной геологии Москвы и ее окрестностей. М.

Котлов Ф. В., 1961. Антропогенные изменения рельефа на примере г. Москвы // Прикладная геоморфология. Вопросы географии. № 52. М.

Котлов Ф. В., 1962. Изменение природных условий территории Москвы под влиянием деятельности человека и их инженерно-геологическое значение. М.

Кренке Н. А., 1997. Археология о начале Москвы // ВАН. Т. 67. № 8.

Кренке Н. А., 2001. Археологические открытия на территории Московского университета // ВРАН. Т. 71. № 6.

Кренке Н. А., 2004. Древнерусские памятники в долине р. Неглинной: «ландшафтная» гипотеза землепользования и данные раскопок // Культура средневековой Москвы. Исторические ландшафты. М. Т. 1.

Кренке Н. А., 2005. Итоги раскопок на «Романовом дворе» в Москве // КСИА.

Крис Х. И., 1959. О назначении кирпичного сооружения из раскопок в Зарядье (Москва) // КСИИМК. Вып. 77.

Лаврентьев А. В., 2000. Двор бояр Романовых на Никитской и монетное производство в Москве времени денежной реформы 1654–1663 гг. // Вспомогательные исторические дисциплины. XXVII. СПб.

Мельников Ю. Н., 1991. Ликвидация двора (опричнины) // Вопросы истории. № 11.

Мельникова А. С., 1989. Русские монеты от Ивана Грозного до Петра Первого. М.

Милов Л. В., 2001. Великорусский пахарь и особенности русского исторического процесса. М.

Московская керамика. Новые данные по хронологии. М., 1991.

Пассек Т. С., 1936. Культурный слой древней Москвы // По трассе I очереди Московского метрополитена. Л.

Равдина Т. В., 1963. Еще раз о датировке древнего слоя Москвы // СА. № 1.

Рабинович М. Г., 1949. Московская керамика // МИА. № 12.

Рабинович М. Г., 1971. Культурный слой центральных районов Москвы // Древности Московского Кремля. М.

Розенфельдт Р. Л., 1957. К вопросу о начале Москвы // СА. № 4.

Розенфельдт Р. Л., 1968. Московское керамическое производство XII–XVIII вв. М.

Скрынников Р. Г., 1998. Великий Государь царь Иван Васильевич Грозный. Смоленск.

Шеляпина Н. С., 1971. Археологические наблюдения в Московском Кремле // Древности Московского Кремля. М.

Штаден Г., 2002. Записки немца-опричника. М.

Янин В. Л., 1970. Актовые печати Древней Руси X–XV вв. Т. 2. М.

Янин В. Л., Гайдуков П. Г., 1998. Актовые печати Древней Руси X–XV вв. М. Т. 3.

Образ, Храм и Город: Раскопки участка Казанского собора на Красной площади в Москве

Раскопки участка Казанского собора были одним из увлекательнейших проектов в Москве начала 1990-х гг. Сегодня, когда копия собора стоит на своем месте, представить себе юго-восточный угол Красной площади без нее просто невозможно — тем паче, что с престольным праздником «Образу Богородицы иже в Казани» отныне (с 2005 г.) связан общероссийский межконфессиональный праздник.

А ведь 15 лет назад на месте собора торчал только ряд серебристых елей, отгораживавший от площади нелепый газон, занятый вечно усталыми посетителями ГУМа и цыганятами. Еще раньше, до Великой отечественной войны, угол занимало открытое кафе в стиле псевдоклассики (кафе можно увидеть на некоторых хроникальных лентах, а его остатки изучены при раскопках). Чтобы заставить собор снова стоящим на его месте, нужно уйти в прошлое еще лет на 30: в 1936 г. мы нашли бы четверик храма XVII в. только что раскрытым и отреставрированным, а более поздние части — колокольню, трапезную и галереи XVIII—XIX вв. — уже снесенными.

Видеть собор в его первоначальном виде москвичам довелось только в

XVII столетии, потому что с началом XVIII века он быстро потерял оригинальные черты и приобрел взамен новые, что повторялось неоднократно. Столь бурная архитектурная жизнь привела к тому, что в конце XX века, несмотря на сравнительную молодость храма, точных сведений о его изначальном «проекте» уже негде было получить (более-менее цельное представление имелось только о центральной части, изученной при реставрации и разрушении храма в 1920-х — начале 1930-х гг.).

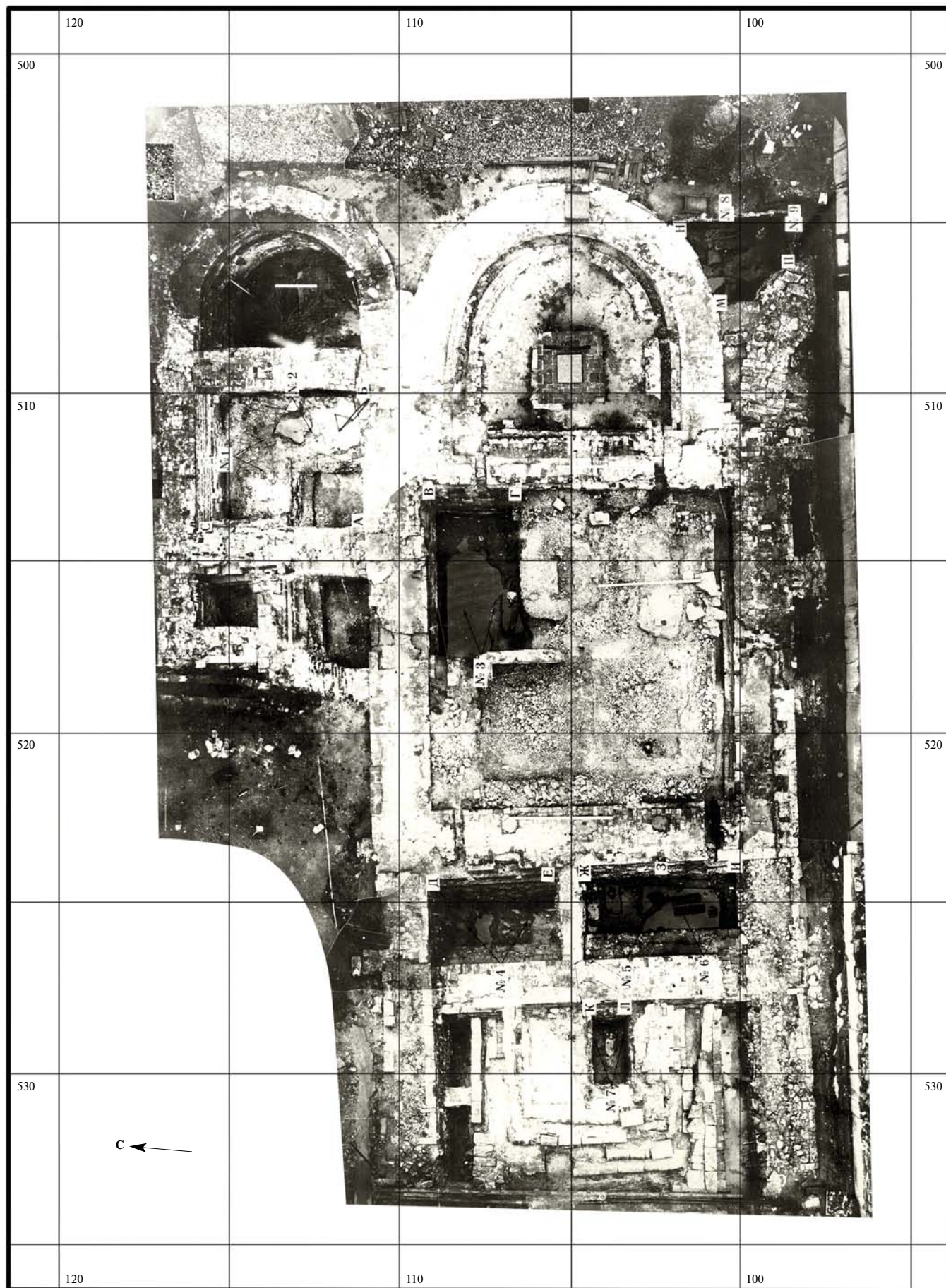
Идея восстановления Казанского собора носилась в воздухе, занимая умы многих ревнителей сохранения старины с 1960-х гг., с момента создания в СССР первых организаций этого направления. Один за другим делали эскизные проекты, зачастую просто фантастические: все они страдали от нехватки положительной информации о первоначальных формах здания. Архитектура собора XVII в. рисовалась крайне туманно; оставалось много лакун и в поздней истории XVII—XIX вв.

Когда именно был построен собор (даты колебались между 1625 и

1636 гг.)? Были ли у него предшественники? Где помещались северный и южный придел, какие они имели формы? Каков был план галерей и западной части храма? Где была первая колокольня? Существовало ли рядом кладбище и кто был на нем похоронен? Без ответа на эти вопросы невозможно было надеяться адекватно воспроизвести изначальные, исторические формы храма. Более того — «белое пятно» на месте собора портило общую картину развития зодчества Москвы при первых Романовых, не позволяя оценить масштаб их раннего строительства.

Восстановить историю храма и проследить бесчисленные, крайне запутанные нити, которые связывали его со страной, городом и отдельными людьми, могла отныне только археология: историческая (поскольку предстояло исследовать период, хорошо освещенный письменными источниками), и архитектурная (так как речь шла о древнем здании). Предпринятые раскопки участка Казанского собора (1989—1992 гг., рук. Л. А. Беляев) стали частью общих работ Московской археологической

Рис. 1. Фотоплан фундаментов Казанского собора, 1991 г.

экспедиции РАН на Красной площади (1988–1993 гг., под руководством С. З. Чернова) и сопровождались серьезнейшими архивными исследованиями. Комплексно используя археологические, письменные и иконографические источники, удалось восстановить историю памятника с полной ясностью (рис. 1, 2).

Однако результаты работ важны не только для архитектурной археологии XVII–XIX вв.: в ходе раскопок были сделаны важные наблюдения над историей юго-восточного участка Красной площади начиная с XIII в. и собрана коллекция художественных изделий раннемосковского периода.

Полученные материалы разумно разделить на две части: историко-археологический очерк храма XVII в. и стратиграфические наблюдения над слоем XIII – начала XVII в.

***

Собор во имя Образа Пресвятой Богородицы «иже в Казани» был освящен 16 октября 1636 г. в торжественной обстановке, в присутствии царя Михаила Федоровича и патриарха Иоасафа. Но это не начало истории храма, а скорее итог в длинной цепи событий, сделавших этот храм вторым (после церкви Покрова на Рву) царским собором за пределами Кремля и одной из самых почитаемых святынь Московского государства.

История праздника восходит к последним десятилетиям правления Ивана Грозного, когда население недавно (1552 г.) завоеванного Казанского ханства в массе оставалось мусульманским и (местами) языческим. Важность духовного соединения новоприсоединенного Поволжья с Московской землей осознавали: царь и патриарх внимательно следили за жизнью Казани. Поэтому, когда в 1579 г. в городе была обретена (после большого пожара) икона Богородицы, ход ее обретения и явленные при этом чудеса тут же изложили в крат-

ком «Сказании», вместе с копией образа, отправленной Ивану Грозному. Особую заботу о прославлении образа проявлял участник события митрополит Казанский (с 1589 г.) Гермоген, в момент обретения священник приходской церкви. Но церковное устройство Казани недолго оставалось основной заботой митрополита — в 1606 г. он был избран патриархом всея Руси, и его помыслами завладела борьба за сохранение независимости страны, подвергшейся польской интервенции. В этом подвиге опорой Гермогену и его единомышленникам, «прямым людям» Смутного времени, был Казанский образ. В разгар борьбы за столицу страны (лето 1611 г.) под Москву была доставлена одна из копий образа («Принесоша же из Казани образ Пресвятыя Богородицы, списанный с тоя, иже тамо явися»). Воины Первого ополчения устроили образу торжественную встречу и, воодушевившись, отбили «у литовских людей» Новодевичий монастырь. Еще одна копия образа, списанная в Ярославле специально для Второго (нижегородского) ополчения, стала его войсковой святыней. С этим Образом ополчение штурмовало Москву: тексты конца XVII в. глухо упоминают о том, что с его помощью была взята первая из круглых башен Китай-города, что предопределило успех общего штурма 22 октября (4 ноября) 1612 г., за которым последовали капитуляция польско-боярского гарнизона и освобождение Москвы.

Войсковая святыня была предметом постоянных забот князя Дмитрия Михайловича Пожарского. Он поместил ее в своей приходской церкви Введения Богородицы, вновь отстроенной на углу Лубянки и Кузнецкого моста, где в первые годы после освобождения совершались празднования, посвященные иконе (это фиксируют книги выдачи ладана 1612–1636 гг.).

Но уже с начала 1630-х гг. Образ «отобрали» у Пожарского и поместили в семейной для Романовых церкви Введения Златоверхой в Китай-городе, а затем и в специально

построенной деревянной Казанской церкви «у стены» (между Ильинскими и Никольскими воротами).

Тем временем для Образа строили новый каменный храм, выбрали место на «крестце» в начале Никольской улицы, где в северо-восточной части Красной площади оставалось обширное пустое пространство. Ставя собор против Никольских ворот Кремля (подобно тому, как против Спасских стоял собор Покрова на Рву) и приравнивая его по рангу к соборам Кремля — Успенскому, Архангельскому и Благовещенскому — недавно воцарившиеся Романовы уравнивали свою молодую династию с династией Рюриковичей. Храм получил содержание от казны («царскую ругу»), многочисленные пожертвования от царской семьи и знатных фамилий. Вскоре он стал семейной церковью дома Романовых и в то же время — общенародной святыней, главным памятником победы 1612 г. С ним был связан ряд общегородских празднований — соборная служба, большие крестные ходы из Кремля к Образу, а впоследствии вокруг Китай-города, по его стенам и башням. Их совершали в воспоминание обретения Образа в 1579 г. (8 июля) и дня взятия крепости (22 октября, т. е. 4 ноября нового стиля). В «хождении за кресты» участвовали царь и патриарх, так что оно стало важным событием в годовом круге общегосударственных актов, а с 1649 г. обязательное празднование охватило всю Россию, так как наследник престола, сын царя Алексея Михайловича (1629–1676) Дмитрий, родился именно 22 октября 1649 г., на «осеннюю Казанскую» и память еп. Аверкия Иерапольского, издавна приходившуюся на этот день.

Статус Образа и собора резко вырос. В XVII в. они стали неотъемлемой частью облика Москвы и прочно вошли в городской фольклор: умножились списки сказаний об обретении Образа, сложилась повесть о Савве Грудцыне, в которой собор играет значительную роль. В праздники и приемы послов у ограды храма вы-

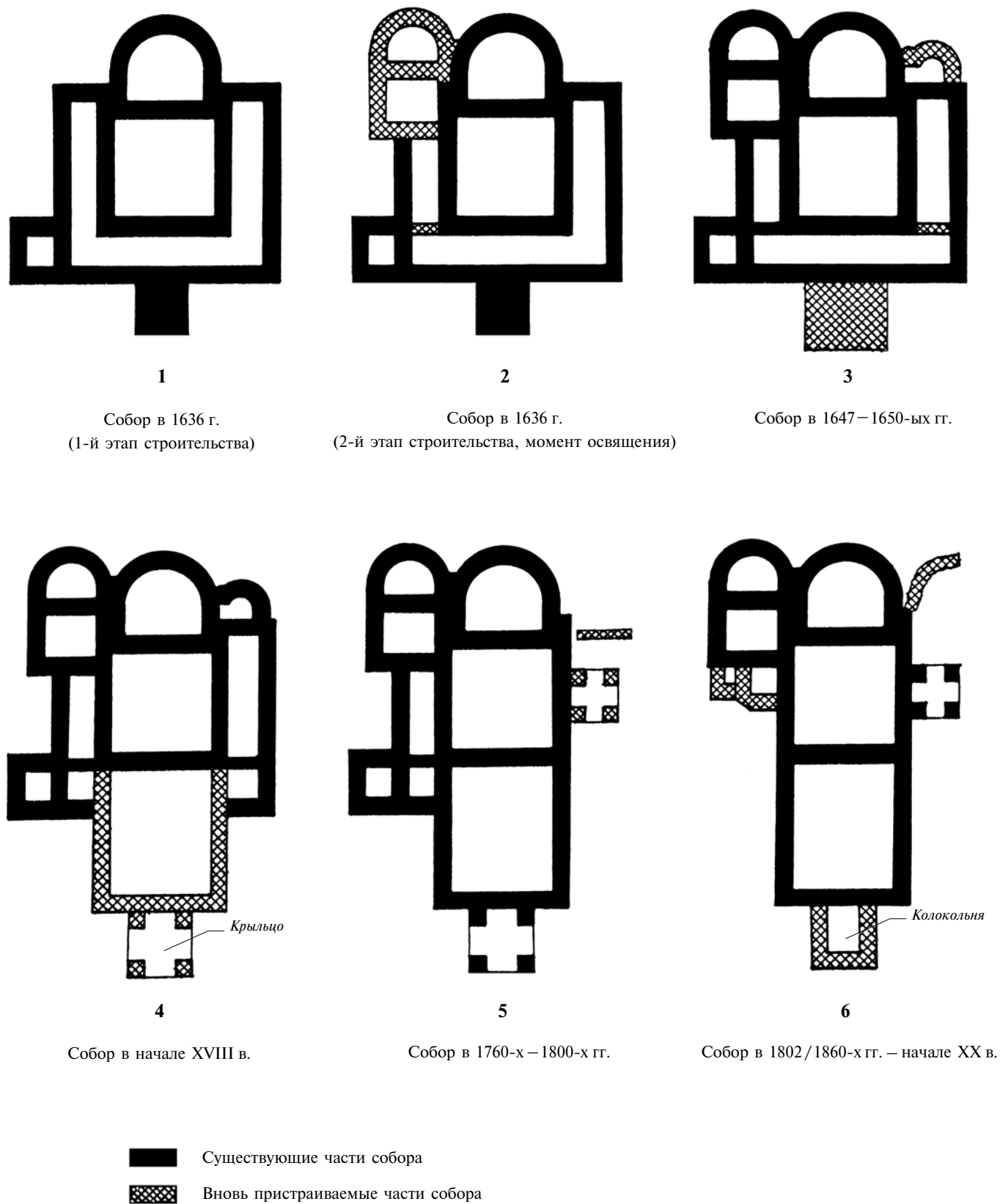

Рис. 2. Развитие плана Казанского собора в XVII–XX вв.

страивали стрелецкие караулы, ставили пушки; в его интерьере появлялись все новые драгоценные дары. Вокруг, на площади, кипела жизнь: кричали продавцы овощей, спорили книжники, рядом нанимали ходоков по делам и заключали торговые сделки, крестясь на храм и поминая Образ (рис. 3).

Слово, сказанное в соборе, разносилось по всей Руси. Не случайно именно он в 1640-х – 1650-х гг. стал связующим звеном между царским двором и его столицей, не случайно за него вспыхнула борьба между патриархом Никоном и кружком «ревнителей благочестия» во главе с протопопом собора Иваном Нероновым. В собор Никон прислал первую «память» — наставление о переменах в обряде; здесь же было принято решение не подчиняться новшествам. На паперти Казанского собора проповедовал и «чел народу книги» противник никоновских реформ протопоп Аввакум. Но как выглядела эта паперть, да и весь собор, мы можем судить в основном по материалам раскопок.

Оставаясь самым популярным храмом за пределами Кремля, собор не выделялся размерами или архитектурой. Его одноглавый одноапсидный объем со световым барабаном и одной крупной луковичной главой не имел внутренних столбов и перекрывался сомкнутым сводом. Снаружи свод украшали три ряда крупных килевидных арок, а стены — скромные оконные наличники и пилястры с филенками. С трех сторон храм окружала обходная галерея; с севера объемом уравнивали архаичная шатровая колокольня и северный придел (четверик которого также украшали кокошники), посвященный св. Аверкию Иерапольскому. Южный придел, свв. Гурия и Варсонофия Казанских (освящен в 1647 г.), вдоль фасада которого проходила Никольская улица, был тесно прижат к основному объему. В отличие от современных ему храмов такого типа, собор не имел подклета и стоял прямо «на земле» на небольшом цоколе. Широкая откры-

тая белокаменная паперть (крыльцо) с запада выходило на площадь, облегчая доступ внутрь, где двусветный четверик блистал росписями, иконным письмом, роскошью риз, драгоценной утварью и камнями, декоративной резьбой.

С XVIII веком пришли трудные времена. Перенос столицы в Петербург и новый быт царской семьи лишили собор прежнего положения в государстве, но для города он остался одной из чтимейших святынь. Менялся его облик: в середине XVII в. северный придел получил новую трапезную вместо галереи; изменился декор стен, исчезли кокошники (место них сделали кровлю со скатами). В начале XVIII в. с запада была пристроена обширная трапезная с крытым четырехстолпным крыльцом, «выводившим» храм дальше на проезд, на самый угол Красной площади. В конце 1760-х годов разобрали весь южный придел с остатками галереи; в начале XIX в. убрали старую колокольню, отнеся новую к западному фасаду трапезной.

В результате вид собора XIX в. мало напоминал храм XVII столетия: прекрасно знавший город Н. М. Карамзин в очерке московских достопамятностей о нем даже не упоминает. Однако уважение и любовь москвичей к святыни сохранялись. В конце XIX – начале XX в. поднимался вопрос о полной перестройке храма, но ее не осуществили, так что под покровами ремонтов подлинныя кладки сохранялись вплоть до момента, когда в 1920-х гг. к их реставрации приступил П. Д. Барановский, который вернул верхним частям и стенам четверика храма первоначальный облик. Тем не менее, в 1936 г. храм был полностью разобран, просуществовав ровно 300 лет.

Казалось, что жизнь собора завершилась, но он незримо существовал в строках научных монографий и чертежах архитекторов, на снимках реставрации 1920-х – 1930-х гг., на старых открытках, в памяти москвичей и в сердцах верующих. И жили в московской земле своей особой, скры-

той от глаз человека жизнью драгоценные руины собора и окружающий культурный слой.

Чтобы понять, как много нового внесло полное археологическое раскрытие в реконструкцию Казанского собора, достаточно одного взгляда на схему хронологического развития плана храма, составленную на основе раскопок (рис. 2).

Прежде всего, удалось снять вопрос о предшественниках собора, существовавших на его месте до 1636 г. (им мучились историки, начиная уже с XVIII в.). Археологически доказано, что храм возвели единовременно *ex novo*, а письменные свидетельства позволили уточнить дату начала работ: не ранее 1634 г.

Заново была разработана и хронология появления частей собора. Ранее полагали, что его достраивали постепенно, воспринимая его облик как эклектичный. Раскопки показали, что основные части собора — четверик, северный придел, галерея — сложились в ходе строительства 1634–1636 гг. (рис. 4, 5). Тогда же возвели и шатровую колокольню для двух подаренных царской семьей колоколов, что позволяет рассматривать эту звонницу как одну из древнейших такого типа в Москве.

Даже многочисленные источники XVIII – XX вв. не давали ответа на вопрос о развитии галерей — они были разобраны слишком давно. Оказалось, что галереи возвели равноширокими с трех сторон (возможно, первоначально без свода, с перекрытием по балкам), а впоследствии перекрывали по-разному: так, появление южного придела заставило использовать отрезок галереи как маленькую, вытянутую в длину церковь. Сам южный придел до раскопок оставался одной из самых неясных частей памятника: считали, что он крупнее северного, четырехстенный, и отнесен от храма на середину Никольской улицы (полагали даже, что между приделом и храмом размещались захоронения погибших в битвах 1612 г.!). Раскрытый придел оказался совсем маленьким, в ширину

Рис. 3. Реконструкция общего вида Казанского собора во второй половине XVII в. (рисунок С. С. Пападюка).

Рис. 4. Разгрузочная арка
под северной стеной галереи Казанского собора, 1636 г.

галереи, с немного расширенной к северу апсидой (иначе при службе в ней было бы не повернуться); кладбища же при Казанском соборе вообще не было.

Собранные архитектурные материалы позволили представить реальный декор храма и его цветовую гамму (рис. 6). Декор виделся раньше как кирпичный, но оказалось, что в XVII в. использовались и белокаменные детали с резьбой и прокраской фона; черепичные кровли собора были пестрыми (желтая, коричне-

вая, красная и черная черепица). По общему облику храм 1636 г. оказался весьма близок к своим современникам, дожившим до наших дней: церкви Троицы в Никитниках и храму Всех Святых на Кулишках.

***

Не менее важные сведения принесли раскопки и для истории культурного слоя Москвы в целом. Откладывавшиеся на месте собора до

его постройки древние слои пришлось изучать отдельными колонками, так как они сохранились в основном между фундаментами храма — но зато эти колонки имели точную верхнюю дату (1630-е гг.) и, при сравнительной тонкости (за четыре столетия здесь отложилось около 1 м слоя), содержали ясно читающиеся уровни освоения участка. Обживание территории началось здесь в конце домонгольской эпохи. Усилиями Н. А. Кренке внутри западной галереи был расчищен участок слоя, предматериковый уровень которого представлял пахотный слой (радиоуглеродные даты позволяют говорить об обработке участка в XII в.), по которому лежали остатки досок пола сгоревшей деревянной постройки.

Дата пожара установлена по взятым на радиоуглеродный анализ пробам горелого дерева (11 образцов, самые поздние из которых дают наиболее вероятную калиброванную дату 1230 г.) и по встреченной в слое пожара и под полом постройки керамике домонгольской эпохи (среди находок в постройке следует назвать также древнерусский костяной гребень с накладкой, закрепленной бронзовыми заклепками). Это позволяет говорить о накоплении органических материалов на участке по крайней мере с XII в., и о гибели постройки во второй четверти XIII в. — возможно, при штурме города татаро-монголами зимой 1237 г.

Хорошая сохранность остатков постройки и мощные вышележащие слои (которые начали откладываться, насколько можно судить, уже вскоре после пожара) заставляют думать, что перед нами — участок формирующейся застройки городского типа, сходный по характеру с застройкой Кремля и прилегающей к нему нагорной части левого берега реки Неглинки, а не с сельской округой, активно развивавшейся в домонгольский период на низком правом берегу, в Занеглименье, где богатые дворы XII — начала XIII в. позже (XIII — XV вв.), как показывают работы на Манежной площади и на Романовом

дворе, запустели и были вновь распаханы (Alexandrovskij, Krenke et al., 1998; Александровский, Кренке и др., 1999; Кренке, 2005).

Ранние, близкие к предматериальному уровню, слои сохранились на участке собора далеко не везде, но значительное для Москвы количество фрагментов стеклянных браслетов и перстней, железных ножей и стрел XIII в. подтверждают хозяйственно-бытовое освоение этой зоны Китай-города, расширяя, таким образом, городскую или предместную зону Москвы домонгольского и «удельного» периода.

Следующий исторический уровень, хорошо фиксируемый на нескольких участках раскопа, датируется на 250–300 лет позже и связан с расчисткой центра города при Иване III итальянскими инженерами, строившими новые стены Кремля. Как известно, при этом была снесена вся застройка вдоль кремлевской стены с напольной стороны на ширину 100 сажен (более 210 м) для того, чтобы обеспечить хороший обзор и облегчить ведение огня защитникам крепости. Как выяснилось при работах на Воскресенском (Историческом) проезде, эта зона была замощена мелким булыжником и щебнем по глиняной промазке, причем для достижения единого горизонтального уровня грунт был существенно подрезан, местами до уровня материка. Участки такого покрытия сохранились и в зоне Казанского собора, четко маркировав поверхность 1490-х гг. (при этом выяснилось, что покрытие заходит на восток от Кремля существенно дальше, чем предполагаемые 100 саженей — самые дальние участки мощения фиксируются почти в 250 м от стены).

Между уровнями пожара конца 1230-х гг. и поверхностью 1490-х гг. отложилось около 0,5 м культурного слоя — это типичный бытовой слой ранней Москвы, черно-коричневый (местами с синеватым отливом) жирный влажноватый гумус, имеющий включения щепы и содержащий бытовой материал (керамику,

Рис. 5. Разгрузочная арка под западной стеной предела Аверкия Иеропольского, 1636 г.

изделия из железа и др.) в основном позднего XIV–XV в. Иными словами, этот слой хранит информацию по наименее изученной пока эпохе в жизни Московского княжества, т. н. «ордынского периода», причем его материалы стратиграфически строго отграничены от предшествующего и последующего периодов. К сожалению, сама фрагментарность сохранившихся участков не позволяет судить о плане стоявших здесь дворов, но их присутствие несомненно, поскольку сохранились части заглубленных в материк бревенчатых срубов от подклетов домов или амбаров и части хозяйственных сооружений.

Слой «ордынской эпохи» дал материал, ярко свидетельствующий как о восточных связях Москвы этого времени — прежде всего, фрагменты разноцветной поливной керамики, которую делали в нижневолжских городах Орды, а также предметы военного снаряжения, такие как втульчатое навершие плети из кости с боковым шипом-отростком, типичное для степного всадника, но популярное и у русских наездников XIII–XIV вв. О восточных связях говорит и столовая местная керамика ориента-

лизированной красно-белой гаммы, изготовленная в технике красного лощения или росписи белым ангобом по красному фону. Но в этом же слое встречаются и предметы, имеющие общеевропейский облик (например, шахматная фигурка-пешка из «позднеготического» набора XIV–XV вв.).

Финал великокняжеской эпохи и начальной поры Московского царства (XVI в.) представлен с меньшей отчетливостью, его материалы не образуют стабильных, закрытых комплексов, а культурный слой фрагментарен, не имеет значительной мощности и часто сливается с выбросами из фундаментных рвов храма или остатками строительства. Возможно, это связано с сохранением «пладарма» Красной площади свободным от жилой и хозяйственной застройки в течение всего периода, вплоть до начала работ на соборе: во всяком случае, планы начала XVII в. показывают этот участок площади не заполненным какими бы то ни было сооружениями.

При работах было найдено много ярких материалов, связанных с жизнью собора, — в слоях его разрушения собраны остатки богослужеб-

Рис. 6. Резные белокаменные детали со следами покраски — элементы первоначального декора собора (акварель Л. Б. Ланцмана).

ной утвари XVII—XIX вв. (подсвечники; оковки аналоев; чеканная угловая накладка на крышку Евангелия; костяная резная ложечка, ручка которой украшена крестиком, и др.) и уникальные предметы церковного быта, более древние, чем храм, — часть их связана с его ризницей, остальные были семейными святынями горожан. Среди последних — многочисленные крестики-тельники (начиная с XIII в.); застежки богослужбных книг; крест-мошевик, вылитый из меди в XIV в.; стеклянная иконка (так называемый «литик») с изображением святых Константина и Елены. Эта последняя — возможно, паломнический «сувенир»-евлогия, попавший в Москву в XIII—XV вв., скорее всего, с берегов Средиземного моря. Подобные иконки, подражавшие резанным по камню камням, делались в Венеции и Константинополе начиная с XIII в.; они служили благословениями для паломников, посещавших святыне места Византии (Беляев, 1998, с. 316—327).

***

Казанский собор на Красной площади, его связи с культурной историей и социальной жизнью Московского, а затем Российского государства, как капли воды, отразили людей, идеи и события. Эти отражения не устают изучать как российские, так западные ученые. Вклад, внесенный археологией в восстановление места собора в русской культуре, фундаментален и неповторим; исследования 1989—1992 гг. не только вошли в историографию — они стали частью общей культурной и социальной истории Москвы постперестроечной эпохи. Их полная обработка позволит представить историю Красной площади и Китай-города с еще большей точностью.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Александровский А. Л., Кренке Н. А. и др., 1999.* Ранняя история Москвы по данным радиоуглеродного датирования, исследования почв и культурного слоя на Красной площади // Тверь, Тверская земля и сопредельные территории в эпоху Средневековья. Тверь. Вып. 3.
- Беляев Л. А., 1993.* «Храм оставленный — все храм...» // Наука в России. № 5. М.
- Беляев Л. А., 1998.* Московские литики // Культура славян и Русь. М.
- Беляев Л. А., Павлович Г. А., 1993.* Казанский собор на Красной площади. М.
- Кренке Н. А., 2005.* Древнерусские памятники в долине р. Не-глинная: «ландшафтная гипотеза» землепользования и данные раскопок // Культура средневековой Москвы: исторические ландшафты. М. Т. I (в печати).
- Павлович Г. А., 1995.* Казанская икона Богородицы и Казанский собор на Красной площади в Москве // Культура средневековой Москвы. XIV—XVII вв. М.
- Смирнов С. А., 1995.* Опись церковной утвари и ризницы Московского Казанского собора 1771 г. // Культура средневековой Москвы. XVII век. М.
- Alexandrovsij A. L., Krenke N. A. et. al., 1998.* The early history of Moscow: C14 dates from Red Square // Radiocarbon. Vol. 40, 2. Tucson.

Список сокращений

АИП	Археологическое изучение Пскова. Выпуск 3. Раскопки в древней части Среднего города (1967–1991). Материалы и исследования. Т. 1. Псков, 1996.
АИППЗ	Археология и история Пскова и Псковской земли: Материалы научного семинара. Псков.
Архив ИА	Архив Института археологии.
Архив ЛОИА	Архив Ленинградское отделение Института археологии Академии наук СССР.
АО	Археологические открытия. Москва.
АСГЭ	Археологический сборник Государственного Эрмитажа. Ленинград
ВАУ	Вопросы археологии Урала. Ижевск.
ВАН	Вестник Академии наук. Москва.
ВДИ	Вестник древней истории. Москва.
ВРАН	Вестник Российской Академии наук. Москва.
ВЯ	Вопросы языкознания. Москва
ГИМ	Государственный Исторический музей.
ГИН РАН	Геологический институт Российской Академии наук.
ЗООИД	Записки Одесского общества истории и древностей. Одесса.
ИА РАН	Институт археологии Российской Академии наук.
ИАК	Известия императорской Археологической Комиссии. Санкт-Петербург, Петроград.
ИВ РАН	Институт востоковедения РАН.
ИГАИМК	Известия Государственной академии истории материальной культуры. Ленинград.
ИГАН РАН	Институт географии Российской Академии наук.
ИГЭМ РАН	Институт геологии рудных месторождений, петрографии, минералогии и геохимии Российской Академии наук.
Изв. АН. Сер. географич.	Известия Академии наук. Серия географическая. Москва.
КБН	Корпус боспорских надписей. Москва, Ленинград.
КОИРГО	Кавказское отделение Императорского Русского географического общества.
КСИА	Краткие сообщения Института археологии РАН. Москва.
КСИИМК	Краткие сообщения Института истории материальной культуры. Ленинград, Санкт-Петербург.
МАК	Материалы по археологии Кавказа. Москва.
МАР	Материалы по археологии России. Петроград.
МИА	Материалы и исследования по археологии СССР. Москва, Ленинград.
МИАР	Материалы и исследования по археологии России. Москва.
МИГМ	Музей истории г. Москвы.
МКСА	Международный конгресс славянской археологии.
МНИИЯЛИЭ	Мордовский научно-исследовательский институт языка, литературы, истории и этнографии. Саранск.

МНМ	Мифы народов мира. Москва.
НИС	Новгородский исторический сборник. Санкт-Петербург.
ПИФК	Проблемы истории, филологии, культуры. Москва, Магнитогорск.
ОА ПГОИАХМЗ	Отдел археологии Псковского государственного историко-архитектурного и художественного музея-заповедника.
СА	Советская археология. Москва.
САИ	Свод археологических источников. Москва, Ленинград.
СМОМПК	Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа
ТАС	Тверской археологический сборник. Тверь.
Тр. IX АС	Труды IX археологического съезда в Вильне 1893 г. Москва, 1895—1897.
Тр. ГИМ	Труды Государственного Исторического музея. Москва.
Тр. МНИИЯЛИЭ	Труды Мордовского научно-исследовательского института языка, истории, литературы и экономики. Саранск.
АМІТ	Archäologische Mitteilungen aus Iran und Turan. Berlin.
ЕSA	Eurasia Septentrionalis Antiqua. Helsinki.

Научное издание

Археологические открытия. 1991–2004 гг. Европейская Россия

Утверждено к печати
Ученым советом
Института археологии
Российской академии наук

Институт археологии РАН
117036 Москва, ул. Дм. Ульянова, д. 19

Подписано в печать 27.11.2009
Формат 60 х 90 1/8
Усл. печ. л. 59,5. Уч.-изд. л. 70,9
Тираж 800 экз. Тип. зак. 2630

Отпечатано в ОАО «Типография «Новости»
105005, Москва, ул. Ф. Энгельса, д. 46